

PRO NUNC: СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ВЫП. 4.
ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО
И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Политология

Международные отношения

Политическая история

Тамбов 2006

**ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Г. Р. ДЕРЖАВИНА**

**ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ
ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ТАМБОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ
АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**PRO NUNC:
СОВРЕМЕННЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ**

**Вып. 4. ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО
И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Издательство «Юлис»
Тамбов, 2006**

УДК 323
ББК 66.3 (2)
П 78

Р е д к о л л е г и я:

Г.Ю. Валеева, В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин,
А.А. Сазонов (председатель), Д.Г. Сельцер.

П 78 **PRO NUNC:** Современные политические процессы. Вып. 4. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / Редкол.: Г.Ю. Валеева, В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин, А.А. Сазонов (пред.), Д.Г. Сельцер; админ. Тамб. обл., Тамб. обл. Дума, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Избир. комиссия Тамб. обл., Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов : Изд-во «Юлис», 2006, 266 с.

ISBN 5-98662-035-6

Настоящее издание подготовлено редколлегией на основе текстов докладов, представленных на ежегодном Тамбовском политологическом семинаре.

Авторы в статьях, помещенных в сборнике, анализируют политические процессы в контексте истории, настоящего и будущего выборов в России и за рубежом. Для политологов, социологов, историков, юристов и всех, кто интересуется политическими отношениями.

УДК 323
ББК 66.3 (2)

ISBN 5-98662-035-6

© Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина, 2006
© Избирательная комиссия Тамбовской области
© ООО «Издательство Юлис»

ОРГАНИЗАТОРАМ, УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ ЕЖЕГОДНОГО ТАМБОВСКОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА

Уважаемые коллеги!

Позвольте от имени правления Российской ассоциации политической науки приветствовать всех Вас, собравшихся на традиционный политологический семинар в Тамбове. Избранная для обсуждения тема – «Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации», а также весьма представительный состав участников позволяют рассчитывать на творческую и конструктивную научную дискуссию. Судя по всему, в Тамбове формируются оригинальные подходы к изучению актуальных политических проблем, складываются свои формы организации работы экспертного сообщества.

Задача развития не только теоретических, но и прикладных аспектов политического знания сегодня чрезвычайно актуальна. Общество и государство нуждаются в исследовании, осмыслении и прогнозировании социально-политических процессов, в выработке рекомендаций, нацеленных на расширение демократических преобразований. Что ценно, региональные компоненты этой деятельности обретают все более четкие контуры, примером тому служит и ежегодный Тамбовский политологический семинар. Его организация, подготовка и проведение стали реальным результатом сотрудничества регионального отделения Российской ассоциации политической науки с Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина. Очень важно, что заинтересованность в его работе проявляют администрация области, областная Дума, избирательная комиссия Тамбовской области. Знакомство с материалами научного альманаха PRO NUNC, регулярно издаваемого в Тамбове по итогам подобных встреч, дает основание утверждать, что выбор тем во многом обусловлен реальными вызовами времени, результаты обсуждения имеют несомненное научное и практическое значение.

Всемерной поддержки и одобрения заслуживает практика привлечения к участию в семинарах научной молодежи, студентов и аспирантов региональных вузов. А проводимый на протяжении ряда лет избирательной комиссией Тамбовской

области во взаимодействии с региональной организацией РАПН конкурс научных студенческих работ по политико-правовой тематике стал реальным стимулом участия молодых исследователей в научной работе. Инициированная ректоратом ТГУ имени Г.Р. Державина недавняя российско-американская встреча студентов-политологов стала органичной частью подготовки к ежегодному семинару, заметно расширила его формат.

Возможно, со временем можно будет вести речь о создании Тамбовской школы политической науки, тем более что в определенном смысле есть прецедент: один из основоположников политической науки в России Борис Николаевич Чичерин был тамбовцем. На тамбовской земле в небольшом имении Караул им был создан значительный пласт работ, ставших основой того, что именуется сегодня русской классической политологией. Путь становления местного сообщества современных исследователей пролегает через развитие отделения политологии в местном университете, через традиционные Чичеринские чтения, а также регулярно проводимые политологические семинары и укрепление региональной структуры нашей ассоциации.

Встреча исследователей в Тамбове проходит в год Четвертого Всероссийского конгресса политологов, в котором приняли участие и тамбовские представители. Это свидетельствует о стремлении ученых вашего региона на равных включиться в обсуждение актуальных политических проблем.

Желаю Вам, уважаемые коллеги, плодотворной работы, результативного научного поиска, здоровья, счастья, благополучия и удач.

*С уважением и пожеланием успехов, вице-президент,
председатель правления Российской ассоциации
политической науки, доктор философских наук
Ольга Юрьевна Малинова*

СОДЕРЖАНИЕ

О.И. Бетин

Эффективные выборы – эффективное государство..... 8

Из истории выборов в России

В.Е.Селянин, В.П. Матвеев

Из истории выборов в Воронежской области..... 12

Л.Г. Протасов

Проблема абсентеизма на выборах Всероссийского
Учредительного собрания (1917 г.)..... 24

В.В. Никулин

Избирательное законодательство и избирательная практика в Советской России в 1920-е гг..... 34

А.А. Дмитриевцева, С.А Есиков

Роль сельской бедноты в избирательном процессе Тамбовской губернии во второй половине 1920-х гг..... 43

А.А. Дмитриевцева

Кампания по «оживлению» Советов и отмена осенних выборов 1924 г..... 49

Выборы за рубежом

К. Мацузато

Выборы и другие критерии выделения типов посткоммунистических режимов..... 56

Д.С. Жуков, Н.Е. Зудов

Избирательное право и парламентаризм в самоуправляющихся колониях Британской империи (вторая половина XIX века)..... 72

В.В. Романов

Президентские выборы 1912 г. в США: внешнеполитические аспекты «новой свободы» Вудро Вильсона..... 81

Стратегии анализа выборов

О.В. Гаман-Голутвина

Государственная Дума ФС РФ 1993–2003 гг.: эволюция персонального состава..... 88

Р.Ф. Туровский Региональные выборы как фактор эволюции элит в России.....	98
Г.В. Голосов Ресурсные базы кандидатов на выборах региональных законодательных собраний и формирование политических партий.....	106
А.С. Ахременко Электоральные различия регионов России как предмет статистического анализа.....	116
Д.Г. Сельцер Еще раз об «учредительных выборах», или О возможности «демократического рывка» России в 1991 г.....	138
А.В. Глухова Воронеж-2006: конфликтологическая экспертиза.....	147
В.С. Авдониин Выборы главы городской власти в Рязани: история и проблемы.....	154
О.И. Коврикова Социальное поле формирования политических настроений избирателей: анализ городской проблематики в постперестроечной России (на материалах социологических исследований, проведенных в Тамбове в 1993–2006 гг.)	167
Д.В. Сосунов Особенности принятия политических решений законодательной властью после введения пропорционально-мажоритарного принципа в регионах (на примере Воронежской области).....	182
Выборные технологии	
А.В. Зимин Имидж кандидата в избирательной кампании: Как это создается?.....	190
М.Ю. Павлютенкова, Т.М. Чернышова Информационно-коммуникационные технологии в избирательном процессе России.....	201

В.Ф. Пеньков Коммуникативный ресурс избирательного процесса в российской провинции.....	222
А.В. Пилипенко Использование приемов нейролингвистического программирования в общественно-политическом процессе....	232
А.А. Сазонов Практика и проблемы привлечения к административной ответственности лиц, совершивших правонарушения в области избирательного права.....	237
И.А. Федоров, Л.В. Краснова, О.А. Запорожченко Выборы: природа и особенности политического и партийного имиджей.....	250
Сведения об авторах	262

Эффективные выборы – эффективное государство

Избирательная система современной России за сравнительно небольшой период времени прошла большой путь. Накоплен огромный опыт, который требует серьезного осмысления. Но уже сегодня можно сказать, что избирательная система Российской Федерации является неотъемлемым элементом народовластия – одного из краеугольных камней российской государственности.

Организация и проведение выборов в органы власти разного уровня, прежде всего представительские – один из основных показателей реальной демократии. Значение их трудно переоценить. В преамбуле Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» сказано: «Демократические свободные и периодические выборы в органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также референдум являются высшим непосредственным выражением принадлежащей народу власти. Государством гарантируется свободное волеизъявление граждан на выборах и референдуме, защита демократических принципов и норм избирательного права и права на участие в референдуме».

Выборы отражают сложные процессы, связанные как с прошлым, так и с настоящим общества, со всеми сторонами его жизни и выполняют целый ряд социально и политически значимых функций в политической системе общества.

Прежде всего, выборы позволяют отдельным гражданам и социальным группам сформулировать свои требования, отвечающие их интересам, а в ходе предвыборной кампании обеспечить поддержку действиям тех политических лидеров, позиции и взгляды которых соответствуют их запросам. В этом смысле, как отмечают многие политологи, выборы можно представить как вид особого политического рынка, где претенденты на

властные роли обменивают свои программы, платформы, обещания на полномочия, делегируемые избирателями.

Одна из важнейших функций выборов – это функция эффективного механизма разрешения политических конфликтов, поскольку избирательная кампания это, как правило, ненасильственная конкуренция различных, а порой и противоположных интересов, в рамках которой общество в виде избирателей выступает своеобразным судьей, разрешающим данный конфликт. С этой точки зрения выборы по форме и содержанию противостоят радикальным насильственным методам политической борьбы, которые последнее время имеют тревожную тенденцию к распространению.

В свете политических событий начала 90-ых институт выборов рассматривался в качестве основного гаранта, способного стабилизировать общество и ввести его в созидательное русло

Следует отметить и политическую социализацию населения, поскольку реализация избирательных прав граждан, создание предвыборных организаций, широкое применение СМИ для агитации и пропаганды, а также партийных программ и платформ в той или иной степени прямо или косвенно способствуют как политическому просвещению широких масс, так и создают условия для активного вовлечения граждан и их объединений в политический процесс.

Тем не менее, выборы сами по себе, исходя как из зарубежного, так и из отечественного опыта, еще не обеспечивают стабильного и поступательного развития общества и прихода к власти достойных и ответственных лидеров. В этом смысле интересен современный опыт стран Латинской Америки. Не случайно, один из отцов-основателей американского государства и авторов Конституции Соединенных Штатов Америки Александр Гамильтон (1757-1804) замечал: «Говорят, что голос народа – глас божий; но хотя это изречение многими цитируется и принимается на веру, на самом деле оно неверно». Эффективность выборов, как показывает опыт, зависит от целого ряда факторов. Среди них следует отметить экономический порядок,

социальную структуру, степень развитости политической и гражданской культуры, традиции, присущие тому или иному народу и т.п.

Эти факторы во многом определяют удельный вес и значение выборов в политической жизни различных стран и обуславливают имеющиеся различия. Так, в Великобритании избираются только нижняя палата парламента (палата общин) и местные органы (советы административных графств, городов – графств, муниципальных и немunicipальных городов и приходов). Во Франции круг выборных органов шире. Там избираются глава государства, обе палаты парламента, органы местного управления. В США, несмотря на то, что выборы распространены достаточно широко, существующая «система сдержек и противовесов» позволяет обеспечить эффективную защиту политической системы от возможных ошибок.

Следует отметить, что в ряде стран отношение к выборам неоднозначно. Так, например, в исламских фундаменталистских государствах выборы используются, но не заслуживают высокой оценки, поскольку, по мнению многих мусульман, они не могут гарантировать избрания самых достойных. Поэтому представительным учреждениям предпочитают советы особо авторитетных лиц. Решение такого совета становится источником права. В тоталитарных странах выборы проводятся, но в условиях однопартийности, при единственном кандидате на место их роль фактически равна нулю.

Все это позволяет говорить о том, что выборы, как и любой другой политический институт, явление многогранное, требующее тщательного изучения и осторожности в использовании опыта, накопленного другими странами.

Уверен, что данный сборник станет одним из кирпичиков, из которых выстраивается как российская теория избирательного процесса, так и российская политическая наука.

ИЗ ИСТОРИИ ВЫБОРОВ

В.Е.Селянин, В.П. Матвеев

Из истории выборов в Воронежской области

Вторая половина XVIII в. характеризуется в исторической литературе как время разложения феодальных и вызревания в недрах феодальной системы новых буржуазных отношений, достигших уже определенной степени зрелости¹. Происходившие изменения в экономике сказывались и на положении сословий, и на их взаимоотношениях, и на отношении к государственной власти.

Вместе с тем, дворянство оставалось господствующим сословием, монопольно владевшим основным средством производства – землей. Дворянство являлось собственником половины всего крестьянского населения, строило свое хозяйство на основе внеэкономического принуждения, хотя его политическое положение в этот период значительно изменилось. В 1775 г. Екатерина II издала «Учреждения для управления губерний». Этим законодательным актом она решила многие задачи. Прежде всего, она укрепила государственный аппарат, создав местную политическую организацию дворянского класса как опоры самодержавия. Это, пожалуй, и была одна из основных причин, вызвавших саму губернскую реформу.

Губернская реформа 1775 г., закрепила в России, в том числе – и в Воронежской губернии, создание сословных органов дворянства в рамках уезда и губернии, но их законодательная инициатива и влияние на центральное правительство были ничтожны. К тому же они контролировались администрацией, а их выборные представители вливались в общегосударственную бюрократическую иерархию, становясь «винтиками государственной машины, местными полицейскими органами»².

Об этих недостатках при подготовке реформы засвидетельствовали в своих наказах депутаты Уложенной комиссии в 1767 г.

Анализируя наказы депутатов, можно выделить следующую всеобщую тенденцию: «представленные в комиссии 1767 г. сословия настойчиво и единодушно заявили желание ведать свои дела своими выборными»³. Полагаем, здесь явно пробивается стремление сомкнуться в сословные общества, устроиться корпоративно. Так, в городских наказах выражается желание, чтобы «городские головы временно установленные для выбора депутатов в комиссию, стали постоянной должностью и избирались «вообще всеми гражданами»⁴.

«Учреждения для управления губерний» – первое и важнейшее звено в цепи реформ местного управления, проведенных Екатериной II. Вслед за ними на протяжении десятилетия были изданы и другие крупные законы. Наиболее значительные – «Устав благочиния» (1782 г.), «Жалованная грамота городам» (1785 г.) и др. Бесспорен тот факт, что «Учреждения о губерниях» стали тем фундаментом, на котором строилось все местное управление и суд. Это подтверждает и то, что «Учреждения о губерниях» оказались документом большой исторической прочности, соответствующим потребностям государства. В основе своей они действовали до реформ второй половины XIX в., а в определенной мере – и до революции 1917 г.

В ходе реформы Воронежская губерния, как и каждая губерния, получила административно-полицейское устройство. В губернии его представляли губернатор, губернское правление и приказ общественного призрения, в уезде – земский исправник (капитан), нижний земский суд и городничий.

В государственном архиве Воронежской области имеется «Балтированный список»⁵ Задонского уездного предводителя дворянства⁶.

*Задонскаго Уездного
Предводителя дворянства
22 февраля 1825.
№ 21*

*Господину Воронежскому
Губернскому Предводителю дворянства
Вследствие отношения Вашего от 12-го февраля
№164 изготовлено с балтированного списка о Г.Г.
дворянах настоящее трёхлетие в должности
избиравшихся, копию при сём препроводить честь
имею.*

Предводитель дворянства

БОЛТИРОВАННЫЙ СПИСОК

По Задонскому уезду о всех Г.Г. дворянах, болтированных в уездные судьи заседатели онаго суда земские исправники заседатели земского суда и депутаты дворянского собрания (без даты) января дня 1825 года.

	Лета	Число баллов	
		избираем	не избираем
<i>В Уездные судьи</i>			
<i>Надворный советник кавалер Иван Семёнович Либеновский</i>	48	16	12
<i>Майор Фёдор Ефимович Халятин</i>	60	7	21
<i>Титулярный советник Николай Кондратьевич Истомин</i>	30	17	11
<i>Порутчик Пётр Никитич Уваров</i>	44	44	-
<i>Губернский секретарь Арсений Антонович Рингель</i>	31	19	9
<i>В заседатели Уездного суда</i>			
<i>Губернский секретарь Алексей Дмитриевич Бунин</i>	38	13	15
<i>Губернский секретарь Пётр Фёдорович Рукин</i>	30	21	7
<i>Губернский секретарь Арсений Антонович Рингель</i>	31	22	6
<i>Коллежский регистратор Дмитрий Петрович Гужин</i>	41	18	10
<i>В земские исправники</i>			
<i>Титулярный советник Николай Кондратьевич Истомин</i>	30	21	7
<i>Штабс-капитан Николай Петрович Стерлегов</i>	35	17	11
<i>Коллежский секретарь Василий Яковлевич Кузьмин</i>	46	15	13
<i>Губернский секретарь Пётр Фёдорович Рукин</i>	30	16	12

<i>Губернский секретарь Арсений Антонович Рингель</i>	<i>31</i>	<i>22</i>	<i>6</i>
<i>В заседатели Земского суда</i>			
<i>Капитан Степан Петрович Всеволодский</i>	<i>46</i>	<i>14</i>	<i>14</i>
<i>По переболтировке</i>			
		<i>12</i>	<i>16</i>
<i>Коллежский секретарь Василий Яковлевич Кузьмин</i>	<i>46</i>	<i>23</i>	<i>5</i>
<i>Поручик Тимофей Никитич Показов</i>	<i>47</i>	<i>4</i>	<i>14</i>
<i>Губернский секретарь Николай Фолимонович Ярдов</i>	<i>37</i>	<i>14</i>	<i>14</i>
<i>По переболтировке</i>			
		<i>17</i>	<i>11</i>
<i>Коллежский регистратор Дмитрий Петрович Гужин</i>	<i>41</i>	<i>14</i>	<i>14</i>
<i>14-го класса Алексей Фёдорович Голоушев</i>	<i>26</i>	<i>21</i>	<i>7</i>
<i>В Депутаты Дворянского собрания</i>			
<i>Поручик Владимир Алексеевич Викулин</i>	<i>31</i>	<i>19</i>	<i>10</i>
<i>Губернский секретарь Егор Архипович</i>	<i>32</i>	<i>19</i>	<i>9</i>
<i>Губернский секретарь Владимир Андреевич Воронов</i>	<i>38</i>	<i>14</i>	<i>14</i>
<i>Прапорщик Лев Алексеевич Веневитинов</i>	<i>48</i>	<i>17</i>	<i>11</i>
<i>Подлинный за подписанием Г.Г. Уездного дворян предводитель дворянским Задонского уезду при болтировке бывшем</i>			
<i>(подписи)</i>			

До реформ 60-70-х годов XIX в. понятие «выборное право» в основном может быть отнесено лишь к институтам сословного и местного самоуправления. Эти органы формировались исключительно на основе цензового представительства. В соответствии с «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» императрицы Екатерины II (1785 г.) дворяне получили право объединяться в общества и собрания. Для членов дворянских собраний вводились возрастной, имущественный и социальный цензы: в «дворянское общество» допускались лица благородного происхождения, владеющие помещьем, достигшие 25 лет и в чине не ниже обер-офицерского⁷.

В государственном архиве Воронежской области мы встретили интереснейший документ.

«Я, нижепоименованный, обязуюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред святым его Евангелием в том, что хочу и должен при подлежащем выборе Воронежской губернии в присутственные места чиновников по чистой моей совести и чести, без пристрастия и собственной корысти, ещё меньше по дружбе и вражде, выбирать из моих братьев таких, которых я нахожу способнейшими и от которых я надеюсь, что они в возлагаемом на них деле окажут себя верными подданными Его Императорского Величества усердными сынами отечества, и согражданами ревнительными о общем благе во исполнение высочайшей воли Его Императорского Величества, ежели я же при сем выборе инако поступлю, то подвергаю себя, как нерадивый о пользе и благе всего отечества, в котором и мои собственные заключается в нынешней жизни всеобщему своим сограждан презрению, а в будущей пред Богом и судом его страшным ответу.

В заключении же сия моя клятва о беспристрастном выборе чиновников целую слова и крест спасителя моего. Аминь!

Правящий должность Губернского предводителя Дворянства».

Николай I также уделял большое внимание вопросам укрепления позиций первого сословия империи, дворянства, как важнейшей опоры трона. Процесс постепенного экономического оскудения дворянства давал себя знать по мере разложения крепостной системы. В этой связи самодержавие стремилось

упрочить положение высших и средних слоев помещиков, жертвуя интересами экономически слабевших, а потому казавшихся и политически ненадежными представителей дворянства.

Манифест 6 декабря 1831 г. допускал к участию в выборах на дворянские общественные должности только тех помещиков, которые имели в пределах губернии не менее 100 душ крестьян или 3 тыс. десятин незаселенной земли.

Для того чтобы затруднить проникновение в дворянскую среду выходцев из «податных состояний», в 1845 г. был издан закон, в соответствии с которым на военной службе потомственное дворянство приобреталось лишь по достижении старшего офицерского чина, а на гражданской – чина V, а не VIII класса, как это практиковалось раньше.

Интересен документ о предоставлении избирательных прав дворянам Воронежского уезда, не имеющим своей собственности.

*Воронежского
Уездного Предводителя
Дворянства
ч. 10 января 1831 г.
№ 12*

*Его Превосходительству
Господину
Воронежскому Губернскому
Предводителю Дворянства*

При прошедших выборах по Воронежскому Уезду допущены были приговорами по Воронежскому Уезду дворянства к балтированию такие дворяне, кои за собою не имеют имений, а только за жёнами их и именно: майоры Фёдор Иванович Фаленберх, Викентий Иосифович Величко, штаб капитан Адам Антонович Бартольд, поручик Антон Игнатъевич Дирельдман, 9-го класса Алексей Иванович Сухомлинов, да вновь по тем же правилам имеют быть допущенными: коллежский асессор Пётр Никитич Тростянский, майор Степан Николаевич Юнеев, титулярный советник Никонор Семёнович Дегтярёв, штаб – капитан Борис Иванович Навольт, поручик Фёдор Михайлович Бельг(ч)ин, но как в Указе Правительствующего Сената 1817-го года января 16 изображено: что по жениным имениям дозволено допускать к выборам по обоюдному согласию, как действительного Дворянства губернии, так и их собственного, а по сему точному смыслу Указа Правительствующего Сената считаю недостаточным, по таковому предмету положение Дворянства одного Уезда, я имею честь представить Вашему Превосходительству о предложении

Дворянству целой Губернии на счёт согласия оногo к подтверждению права вышепоименованных Дворян Воронежского Уезда к допущению участвовать по выборам и на сие покорнейше прошу Ваше Превосходительство в разрешении снабдить предписанием.

Предводитель Дворянства

князь Кайгутов

Своеобразной преградой возраставшим домогательствам на дворянское звание, в том числе – и на избирательные права дворян, стал Манифест 10 апреля 1832 г. Им были созданы институты «потомственных почетных граждан» (к ним относились крупные предприниматели, ученые, дети личных дворян и т.п.) и «почетных граждан» (низшие чиновники, выпускники высших учебных заведений). Все они получали и некоторую часть дворянских привилегий. Это, по мысли правящих кругов, должно было уменьшить желание «неблагородных» элементов добиваться получения дворянства.

Для укрепления материальной базы первого сословия в 1845 г. Николай I создал институт заповедных наследственных имений (майоратов). Они не подлежали дроблению и, составляя собственность дворянского рода, переходили по наследству к старшему сыну.

В своих воспоминаниях видный русский общественный деятель, основатель научной генеалогии, Л.М. Савелов рассказывает о том, как проходили выборы губернского предводителя в городе Воронеже:

«Выборы губернского предводителя в Воронеже производились с большой торжественностью, происходили, они обычно вечером, при полном освещении, что придавало нашему красивому колонному залу особую торжественность. Дворяне располагались по уездам, между колоннами, не расходясь до окончания баллотировки. Посреди стоял вдоль зала большой губернский стол, на одном из узких боков стола, ближайшем к портрету Государя стоял губернский предводитель, на противоположном, лицом к губернскому предводителю, секретарь дворянства, который громко и отдельно читал список лиц, имеющих право баллотироваться в губернские предводители (все бывшие губернские и уездные предводители).

Первым было произнесено имя С.М. Сомова как состоявшего губернским предводителем в данную минуту. Раздались аплодисменты, Сомов поклонился, предложил воронежскому уездному предводителю занять его место и удалился из зала. Без шума стали подходить к избирательному ящику уезды, и затем, возвращались на свои места.

Начался подсчет шаров, когда количество шаров перевалило за 1/2, раздались аплодисменты, но несколько уездов молчали, скоро избирательные (шары) были посчитаны, их оказалось немногим больше половины. У сторонников Сомова появилось опасение, что выборы будут сорваны на кандидате, которому или переложат (шары), и Сомов окажется вторым, или же забаллотируют.

Сомов вернулся в зал, раскланялся, стал на свое место и объявил перерыв, прося уездных предводителей на совещание. Совещались мы довольно долго, но ни к каким результатам не пришли, так как никому рисковать быть забаллотированным не хотелось. Опять разошлись по уездам, опять чтение списка, все отказываются. Опять перерыв, опять совещание, на этот раз более удачное, соглашается баллотироваться бирюченский предводитель Всеволод Вячеславович Шидловский. Опять мы на своих местах, опять чтение все того же списка. Когда секретарь произносит имя В.В. Шидловского, раздаются аплодисменты в некоторых уездах, Шидловский встает, делает поклон и выходит из зала.

Начинается процедура баллотировки затем подсчеты. Уездам, которые поддерживали Сомова, показалось, что избирательных уже больше 1/2, раздались аплодисменты, когда подсчитали неизбирательные, то оказалось, что шары поделились поровну, причем в числе избирательных были 2 шара Шидловского, тогда раздались аплодисменты противников Сомова. Шидловский, услышав дважды аплодисменты, решил, что прошел и сияющий влетает в зал, и радостно раскланивается, тут его хватает за фалды его двоюродный брат Сергей Шидловский и говорит: «Садись, забаллотирован».

На Сомова было жаль смотреть в эту минуту. Он стоял бледный, с подергивающимся от злобы лицом. Положение осложнялось. Опять перерыв, опять совещание, во время которого кто-то сказал, что Шидловский не избран, но невыдержанный Алисов резко заметил: «Не избран, а забаллотирован».

Опять разошлись по уездам, не придя ни к чему, но Сомову казалось, что он нашел выход.

Но получилось не совсем то, что ожидал Сергей Михайлович. Опять чтение списка, и при упоминании имени А.Н. Сомова раздались аплодисменты в уездах, с предводителями которых Сомов, видимо, успел поделиться своим планом. Сергей Михайлович сейчас же заявил: «Баллотируется сенатор А.Н. Сомов! Господа дворяне Воронежского уезда». На это приглашение поднимается И.Т. Алисов и просит перерыва для обсуждения предложенного кандидата. Перерыв тянется весьма недолго, и мы вновь занимаем свои места. Сомов опять провозглашает: «Господа дворяне Воронежского уезда». Поднимается Алисов, оглядывается на свой уезд, все сидят. Сомов меняется в лице и повторяет приглашение, но повторяется то же самое, тогда он берет уездный список и читает: «Гвардии полковник И.Т. Алисов», тот встает и громким голосом заявляет: «Дворяне Воронежского уезда не считают возможным приступить к баллотировке сенатора А. Н. Сомова, не имея на это его согласия», после чего поворачивается и покидает зал, за ним уходит весь уезд. Тоже проделывают уезды: Землянский (Воронежский и Землянский – самые большие по количеству голосов), Нижнедевицкий (уезд Сомова) и Коротоякский, остальные баллотировали. Каждый раз, когда какой-нибудь уезд уходил, уезды, поддерживавшие Сомова, усердно шикали, так что шум в зале стоял невероятный. Ушла почти половина всех дворян. Л.Н. Сомов был, конечно, избран, хотя и было несколько черных шаров, но выборы были незаконными, так как требуется избрание двух кандидатов одинаковым количеством участников.

Ушедшие уезды решили обжаловать выборы в Сенат, что и было исполнено... Выборы были, конечно, отменены, но Сенат, все же, упрекнул ушедших предводителей в незаконном способе выражения своего несогласия, которое должно быть выражаемо только посредством шаров, но это не всегда возможно, как было и в данном случае. На экстренном собрании был избран Николай Илиодорович Шидловский, лучший из предводителей, с которыми мне приходилось работать. Умный, дельный, прекрасно председательствовавший, всегда корректный, он был вполне на своем месте, и воронежское дворянство много потеряло, заменив его А.И. Алехиным»⁸.

Однако, несмотря на цензовый характер и ограничения, вносившиеся правительством в избирательное законодательство, выборы органов земского и городского самоуправления сыграли огромную роль в общественно-политической жизни России. Участие в выборах значительной части населения страны способствовало его приобщению к общественной деятельности, местному управлению. Сама избирательная практика, атмосфера вокруг выборов свидетельствовали о глубоких сдвигах в сознании и социальной психологии русского обывателя. Земские и городские выборы, деятельность гласных в немалой степени подготовили население России к участию в думских выборах⁹.

---

¹ Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России. М., 1968. С. 37.

² Федосов И.А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 45.

³ Алексеев А.С. Русское государственное право. М., 1897. С. 303.

⁴ Сборник русского исторического общества. М.: Русская панорама, 2004. Т. 4. С. 331.

⁵ Здесь и далее сохранены язык и стиль оригиналов.

⁶ Здесь и далее даны извлечения из документов Государственного архива Воронежской области (Ф. И-29).

⁷ Веденеев Ю.А., Богодарова Н.А. Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга-М., 1996. С. 270-271.

⁸ Савелов Л.М. Из воспоминаний. 1892-1903. Воронеж: Петровский сквер, 1996. С. 85-88.

⁹ Веденеев Ю.А., Богодарова Н.А. Указ. соч. С. 274.

Л.Г. Протасов

*Проблема абсентеизма на выборах Всероссийского Учредительного собрания
(1917 г.)*

Электоральная статистика принадлежит к числу наиболее емких и притягательных для исследователя источников. В ней закодированы самые сложные общественные коллизии своего времени. Однако нетрудно заметить, что в фокусе внимания аналитиков обычно оказывается голосующая часть электората, а в тени, а то и вне поля зрения – та часть избирателей, которая на выборы не явилась. Между тем для истории ее позиция не менее важна, поскольку известно, что истина – это всегда целое (Г.-В. Гегель). Беремся утверждать, что если по своей политической определенности эта категория электората уступает голосующей, то по сложности мотивации ее превосходит. Более того, при известных обстоятельствах (например, при деспотических режимах с формальной законностью) неявка на выборы (абсентеизм) может быть более отчетливой политической позицией, чем послушное голосование. Наконец, нелишне заметить, что нет жесткой связи между уровнем правосознания социума и явкой к избирательным урнам, и даже самые демократические страны не в состоянии обеспечить голосование хотя бы большинства граждан.

Все эти (но далеко не все вообще) соображения побуждают со вниманием отнестись к проблеме абсентеизма при выборах в Учредительное собрание как к одному из проявлений социокультурного состояния российского общества в конце 1917 г., вобравшему в себя совокупность политических, правовых, моральных, психологических и иных черт поведения людей в критический момент нашей истории.

Россия в 1917 г., после свержения монархии, стала первой в мире страной всеобщего избирательного права, не допускавшего практически никаких изъятий. Право голоса впервые получили военнослужащие, женщины, кочевники. Это резко увеличило величину электората, хотя бы в сравнении с думскими выборами,

а с ним и спектр электоральных побуждений и настроений. За короткий срок в России прошли выборы в местные органы самоуправления на основе самой демократической, даже по современным меркам, избирательной системы.

Однако по мере нарастания революционного кризиса еще быстрее накапливалась политическая усталость и моральная депрессия основной массы населения. Возникло опасение, отчасти усилившееся ходом выборов в муниципальные органы, что абсентеизм будет высок. На выборы в районные думы Москвы в сентябре 1917 г. пришли всего около 30% избирателей, выборы волостных земств в ряде губерний показали апатию крестьянства. Опасения подогревались и тем, как неохотно люди шли сверять избирательные списки – одна из подготовительных процедур. Тревога звучала и на заседаниях Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание: «Интерес к выборам не проник в народную толщу, а ограничивается верхами»¹, - констатировалось на одном из ее заседаний.

Волновалась и общественность. Социалисты считали абсентеизм масс важнейшим врагом революции. Но если для большевиков борьба за избирателя сводилась прежде всего к стремлению завоевать больше мест в законодательной ассамблее, то для эсеров, меньшевиков, народных социалистов – это был, главным образом, вопрос о судьбе самого Учредительного собрания как «Хозяина земли русской». Они не уставали повторять предостережения, что в случае высокого абсентеизма Корнилов справа и Ленин слева будут оспаривать правомочность Учредительного собрания решать коренные вопросы русской жизни. Либеральная, преимущественно кадетская, пресса уповала на правосознание социума, на естественную тягу к сильной государственной власти и твердому порядку, который будет восстановлен на месте царивших анархии и безначалия в стране. Открыто против участия в выборах выступали лишь анархисты, но их политическое влияние было ничтожно и не могло составить конкуренции сторонникам выборов.

Каких-либо официальных сведений о масштабах абсентеизма на выборах в Учредительное собрание нет. В исторической литературе бытовали две версии, основанные более на предположениях, чем на статистических расчетах. По одной, голосовало менее половины всех избирателей², по другой – немногим более 50%³. Различие, на первый взгляд, несущественно, но оно таит массу смысловых оттенков, вместившихся в дилемму «больше или меньше» половины электората.

Конкретные наблюдения за целым рядом избирательных округов опровергают обе версии, и минимальную, и максимальную. Пользуясь данными о списочном контингенте избирателей по ряду округов и явившихся на голосование, определим примерный уровень явки граждан на выборы. От 55 до 60% избирателей голосовали в Киевской, Оренбургской, Псковской, Самарской, Харьковской губерниях, 61-70% – в Москве и Петрограде, в Архангельской, Витебской, Воронежской, Казанской, Курской, Московской, Пензенской, Петроградской, Тверской губерниях, в округах Приморском, Китайско-Восточной железной дороги и Закавказском, 71-80% – в Алтайской, Полтавской, Тамбовской, Томской, Уфимской, Черниговской губерниях. На Северном фронте к урнам пришли 72% избирателей, на Румынском – 79%. В этом перечне представлены самые густонаселенные территории страны, европейские и азиатские, где проживало свыше половины всего электората.

В отдельных местах, правда, абсентеизм заметно возрастал. В горном Закатальском округе на Кавказе или в пустынном Джизакском уезде Самаркандской области явка достигала лишь 30%. Относительно невысока – на уровне 50% – была она в прифронтовых Минской, Полольской, Волынской губерниях.

В целом же, по нашим подсчетам, в 35 из 75 избирательных округов, с общей численностью в 41 млн избирателей, явка на выборы с учетом голосов, признанных избирательными комиссиями недействительными, достигала 67%. Стоит заметить, что даже самые демократические страны не в состоянии ныне обеспечить голосование хотя бы большинства граждан.

Впрочем, для России, страны социокультурных контрастов, средние цифры не очень показательны, скорее, могут ввести в заблуждение. Где выше была активность избирателей – в городе или селе? Ведь нигде в Европе в начале XX века различия между городом и деревней не были велики настолько, чтобы принять характер цивилизационных. Кажется очевидным, что жители городов, где пульс политической жизни и уровень общей культуры был несоразмерно выше, должны стать примером исполнения гражданского долга. Действительность оказалась иной. Как писали «Русские ведомости», «городское население проявило гораздо больший абсентеизм на выборах, чем сельское. В то время, как в городах процент явившихся на выборы избирателей лишь в редких случаях поднимался до 70, обыкновенно же не превышал 50, а иногда опускался и до 30, в деревнях обыкновенно голосовало 60-80% общего числа избирателей, а иногда процент голосующих поднимался и до 90»⁴.

Высокая явка селян определила и общероссийский ее показатель, поскольку сельское население, по расчетам Всероссийской избирательной комиссии, составляло 82,8% населения страны⁵. Эта тенденция была к тому же почти повсеместной, судя по сопоставимым данным. Например, в Тамбовской губернии в городах голосовали 50,2% избирателей, тогда как в сельской местности – 74,5%. Вот как выглядит в сопоставлении явка на выборы по городам ряда округов и по округам в целом (в процентах)⁶:

<i>Название округа</i>	<i>Города (%)</i>	<i>В целом (%)</i>
Алтайский	40,8	81,2
Воронежский	63,6	62,7
Екатеринославский	57,8	67,0
Казанский	49,2	63,5
Курский	58,4	62,0
Московский	49,9	66,9
Рязанский	51,7	63,4

Самарский	38,1	54,9
Тамбовский	50,2	73,1
Тверской	55,7	67,9
Томский	37,4	74,6
Харьковский	52,6	55,1
Черниговский	50,6	75,4
Эстляндский	49,6	56,6

Показательно, что везде абсентеизм горожан был выше, чем в сельской местности, за исключением Воронежской губернии с ее явно непромышленным, полукрестьянским населением городов.

По нашим данным, в 336 городах России с общей численностью избирателей в 8,7 млн. в голосовании участвовали 4,9 млн. человек, или 56,6%. Но если из этого уравнения исключить Петроград и Москву с их огромной, по тогдашним демографическим представлениям, величиной и повышенной политической культурой, то процент голосовавших в провинциальных городах снизится до 52. Это и есть близкий к действительности показатель.

Не значит ли это, что сельское население отличалось более развитым правосознанием или большей политизированностью, чем горожане? Нет, конечно. Данный парадокс побуждает искать объяснение в иных мотивах поведения. Прежде всего это глубочайшая заинтересованность крестьян в решении Учредительным собранием земельного вопроса, аналогичная той, с которой крестьяне и прежде посылали в Государственные думы своих ходатаев-мужиков. В немалой степени сказались и факторы, прямо с политикой не связанные: традиции общинной психологии (голосовать всем «миром»), привычное послушание государственным и начальственным предписаниям. Бывало, что сельские сходы принимали решение об обязательном голосовании. Сказывался и семейный патернализм, власть главы патриархальной крестьянской семьи. В одном из сел Челябинского уезда Оренбургской области на выборы пришли все

избиратели, кроме одного, о котором был составлен особый протокол с объявленным «нетчику» выговором⁷.

Среди историков нет единого мнения о том, какие слои населения и почему уклонялись от голосования, и попытки выявить некий единый и всеохватный мотив уклонения от голосования также бесперспективны. Слишком много разных факторов, объективных и субъективных, явных и скрытых, порой случайных и неуловимых, пересекалось при этом. Можно считать правилом, что наиболее активны среди горожан были рабочие и солдаты, наиболее пассивны – средние слои города. Самый низкий абсентеизм наблюдался в непромышленных городках, подобно Верхнеуральску, Перекопу, Орехову, Луху, Якутску и др. Здесь, в захолустье, политическая жизнь вовсе не была ключом, не успела, возможно, породить усталости и апатии населения, а вера в Учредительное собрание была почти мистической. Как сообщали из Дубоссар (Бесарабия), «смутно знают здесь об Учредительном собрании, но все ждут его с нетерпением»⁸. В небогатой событиями провинциальной повседневности выборы интриговали городского обывателя. Особенно, если здесь не было крупных воинских гарнизонов, чья подпитывавшаяся политикой агрессивность пугала. Для сравнения: в Актюбинске явка горожан составила всего 13%, в Бугульме – 21%.

Пресса негодовала по поводу широкого уклонения интеллигенции, мещанства и других категорий городского среднего класса, столь не соответствовавшего значимости момента. Газеты были полны сентенциями о «возмутительном абсентеизме», «премудром пескаре», глубоко зарывшемся в ил. «Партийная борьба не давала мещанину спать спокойно, и он предпочел отойти от политики»⁹, - писала одна из них. Однако раздражение по поводу потерянных голосов мешало увидеть более глубокие мотивы, чем простой страх перед неизвестностью, – разочарование в политике и партиях вообще, в их способности выполнять свои обещания. «К черту! Все равно ни хлеба, ни обуви эти выборы не дадут, - так образно выразила настроения горожан газета «Приазовский край»¹⁰. За образностью скрывались вполне жизненные ситуации: в Житомире, например,

в дни выборов было куда оживленнее возле хлебных и керосинных лавок, чем на избирательных участках, где голосовало лишь 40% горожан¹¹.

Политическое разочарование (именно оно, а не традиционный аполитизм) было особенно сильно в интеллигентской среде. Средний интеллигент, разуверившийся в многословии и необязательности правосоциалистических лидеров, был вместе с тем глубоко оскорблен насилием большевиков над «волей народа». Но он не мог в силу демократических убеждений голосовать и за правых – в таких условиях отказ от голосования был его индивидуальной формой политического протеста.

Весьма распространенной причиной абсентеизма горожан была боязнь эксцессов на улицах и в избирательных участках. Основанием для этого были всевозможные слухи и общая тревожная атмосфера. В Ирбите, Карачеве, Бендерах невыясненные темные личности сеяли слухи о предстоящих погромах, возможно, с целью сорвать выборы¹². Как источник повышенной опасности воспринималось разнузданное поведение солдат местных гарнизонов. Оно многих удержало дома. Так, в Бахмуте в первый день выборов, 12 ноября, на улице двумя солдатами был убит городской голова Флейшер. Бессмысленное убийство повергло горожан в шоковое состояние, «многие верные голоса не были поданы»¹³.

Не лишен интереса вопрос о том, как сказались на явке избирателей обстоятельства, связанные со сменой власти на местах. Наши наблюдения не позволяют говорить о решающем влиянии этого фактора. В большинстве мест выборы проходили под эгидой органов Временного правительства. В тех городах, где смена власти произошла, явка была чаще высокой, чем низкой, и, по-видимому, горожане ее не ощутили, более весомым было влияние общеполитической ситуации в стране.

Уровень абсентеизма колебался в зависимости от возраста избирателей. На это указывают сводные данные по городам Московской губернии. Вот как выглядела эта картина, по сведениям окружной комиссии: в возрастном классе 20-24 года голосовало 46,2% избирателей, в 25-29 лет – 53,2, 30-39 лет – 55,8, 40-49 лет – 59,2, свыше 50 лет – голосовали 54,8% имевших право голоса¹⁴. Самый низкий

показатель явки на выборы оказался у молодежи (у 20-летних он составлял 45,5%), и это ставит знак вопроса над расчетами левых партий, прежде всего большевиков, на свойственный молодости максимализм. С другой стороны, диапазон возрастных колебаний абсентеизма неширок, по крайней мере, в данной группе городов.

Участие женщин составляло колоритную и малоизвестную сторону выборов в Учредительное собрание. Еще на стадии разработки избирательного закона было сломано много копий по вопросу о том, допускать ли их к голосованию. Возможно, российский революционный мессианизм более всего проявился именно в предоставлении избирательного права женщинам, которого тогда не было ни в одной стране классической европейской демократии. Это была своего рода революция в революции, где ниспровергать приходилось не отжившие структуры, а глубоко укоренившиеся вековые традиции и предрассудки.

Выборы местного самоуправления летом-осенью 1917 г. показали, что женщинам предстоит еще преодолевать домостроевские привычки, в том числе и в себе. Их участие было весьма пассивным, а в ряде мест их просто не допускали к избирательным урнам. Того же следовало ожидать и на всероссийских выборах. Так, сельский сход с. Тихвинское (Тобольская губерния) заявил: «Нам это равноправие женщин кажется чем-то странным, и мы ни в каком виде не допускаем женщин к выборам. Просим Временное правительство нам в вину этого не ставить, что мы женскому полу равноправия не даем, в чем и подписуемся»¹⁵. Не были допущены к выборам, судя по газетным сообщениям, женщины в Исакогорской волости Архангельского уезда и в некоторых других местах.

Тем не менее в целом их участие в общенациональных выборах превзошло самые смелые ожидания. Обычно оно было более активным, чем у мужчин, о чем свидетельствуют сохранившиеся ведомости участковых избирательных комиссий, порознь фиксировавших явку мужчин и женщин. В Уральске в первый день выборов на участках преобладали женщины. Почти во всех городах Подмосковья

абсентеизм среди них был ниже, чем среди мужчин: если в целом здесь явка на выборы у мужчин составила 50%, то у женщин – 56%¹⁶. В Тамбовской губернии, при общей явке в 72%, у мужчин она составляла 68, а у женщин – 75%. При этом в городах она была, соответственно, 54 и 47%, а в сельской местности – 70 и 77%¹⁷.

В мусульманских районах страны для женщин были образованы особые избирательные участки, где также была высокая явка. Так, в Баку голосовали 77% мусульманок. Восхищаясь их активностью, местные газеты, очевидно, несколько ее преувеличивали. В Темир-Хан-Шуре, напротив, на выборы пришли всего 15% избирательниц¹⁸.

По-видимому, среди причин низкого абсентеизма женщин была их внушаемость, усиленное давление на них. Прежде всего это касалось замкнутых национальных, социальных, религиозных общностей (староверы, казаки, мусульмане, кочевники и др.). Из Симферополя сообщали: «Те древние старики и старухи, молчаливые женщины, которых приводили за руку мужья, давали список, приказывали заклеить и отнести к урне, вряд ли они сознавали, что делают»¹⁹.

Подведем некоторые итоги. Многомерность общественного сознания электората проявлялась не только через голосование, но и через отказ от него. Различия в составе населения, многообразие местных условий, противоречивость внутренних установок – все это объясняет чрезвычайно сложную природу абсентеизма.

Но абсентеизм граждан не был так велик, как ожидалось, как полагают те, кто готов был видеть в этом равнодушие масс к Учредительному собранию. В целом активность избирателей была высока. Вектором электоральных побуждений была готовность к мирным средствам решения общественных проблем через Всероссийское Учредительное собрание. Со стороны уклонившихся от выборов это было в большей мере неверие в такой путь, чем его неприятие.

---

¹ Цит. по: Скрипилев Е.А. Всероссийское Учредительное собрание. Историко-правовое исследование. М., 1982. С. 147.

² Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. М., 1965. С. 437.

³ Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 294.

-
- ⁴ Русские ведомости. 1917. 1 декабря.
- ⁵ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 197.
- ⁶ Там же. С. 198.
- ⁷ Союзная мысль. Челябинск. 1917. 9 декабря.
- ⁸ Известия Кишиневского Совета. 1917. 30 ноября.
- ⁹ Рабочий город. Иваново-Вознесенск. 1917. 28 ноября.
- ¹⁰ Приазовский край. Ростов-на-Дону. 1917. 15 ноября.
- ¹¹ Трудовая Волянь. Житомир. 1917. 2 декабря.
- ¹² Народная свобода. Челябинск. 1917. 29 ноября.
- ¹³ Донецкая мысль. Юзовка. 1917. 16 ноября.
- ¹⁴ Протасов Л.Г. Указ. соч. С. 201.
- ¹⁵ Свободный край. Иркутск. 1917. 25 ноября.
- ¹⁶ Государственный архив г. Москвы. Ф. 2331. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.
- ¹⁷ Государственный архив Тамбовской области. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 85. Л. 48.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 26. Л. 9. Д. 464. Л. 629-630.
- ¹⁹ Южные ведомости. Симферополь. 1917. 16 ноября.

Избирательное законодательство и избирательная практика в Советской России в 1920-е гг.

Новая экономическая политика с ее относительной экономической свободой, логично предполагала демократизацию политической системы, отказ от «чрезвычайщины» в управлении государством и переход к более демократическим способам управления страной, в частности, переход к более широкому использованию выборных механизмов формирования органов власти. Однако потенциальная возможность демократизации общественной жизни осталась нереализованной. Изменений не произошло в силу концептуальной заданности большевиков, которые рассматривали проблему взаимоотношений в связке «партия – Советы» с точки зрения удержания власти и недопущения превращения Советов в самостоятельную политическую силу. Взаимоотношения строились на основе простой формулы: «Разделение труда – да, разделение власти – нет». Соответственно формировалась и реальная политика РКП (б) в отношении избирательного законодательства и избирательной практики.

Правовое обеспечение государственной власти в представлении большевиков, заключалось в гарантированности политической монополии и безопасности той группы, которая утвердилась у власти, путем выработки соответствующей законодательной основы и прямого влияния на ход избирательных кампаний с целью обеспечения прохождения в советы своей креатуры.

Избирательное законодательство носило дискриминационный, утилитарный характер, отчетливо проявлявшийся в стремлении с помощью закона устранить от власти политических оппонентов. Представительная демократия, а точнее ее внешние элементы, в данном случае, нужны были большевикам лишь в качестве политической «ширмы», формы «легитимности для себя», прикрывающей фактическое осуществление

партией государственных функций. Свою роль играл и международный фактор. Важно, чтобы перед лицом западноевропейских правительств Советская власть...имела внешние формы полной независимости», - говорилось в письме Тамбовского губкома РКП (б), направленном в уезды в декабре 1921 года¹.

Принципиальные основы избирательной системы, заложенные в Конституции РСФСР 1918 года и перенесенные в Конституцию СССР 1924 года, устанавливали очевидное политическое неравенство. Оно проявлялось, в первую очередь, в лишении политических прав лиц, живущих на «нетрудовой доход», так называемых «паразитов». В избирательном праве рабочим предоставлялись преимущества по сравнению с другими классами, в том числе и с крестьянством: представительство на Всероссийский съезд Советов от городских Советов устанавливалось из расчета один делегат от 25 тысяч избирателей, а от губернских съездов Советов – из расчета один делегат от 125 тысяч жителей. Конституция предусматривала не прямые выборы в уездные (районные) и вышестоящие органы государственной власти, устанавливала производственно-территориальный принцип выборов в Советы.

Обосновывая политическое неравенство, Н.И. Бухарин говорит о двух факторах, определяющих ее объективную необходимость. Во-первых, по мнению Бухарина, политических прав лишены такие слои населения, которые по своему материальному положению и по уровню жизни стоят на самой высокой ступени, являются «осколками» прежнего капиталистического общества, <...> которые попали под железную руку пролетарской диктатуры. Трудовое крестьянство не имеет таких же прав, как пролетариат, потому, что оно выбирает равное число делегатов при выборах в советские органы власти от значительно большего количества избирателей, чем рабочий класс в городах <...> Здесь налицо неравенство политических прав <...> Но это вынужденная мера, поскольку крестьянство склонно к политическим колебаниям и существует опасность того, что крестьянство в

силу своей темноты и некультурности, вопреки своим собственным интересам, пойдет за буржуазией. Отсюда и вытекают известные преимущества и политические привилегии, имеющиеся в законодательстве по отношению к рабочему классу. Эти преимущества служат добавочной страховкой, обеспечивающей руководящую роль рабочему классу². Бухарин делает упор на выгодность для крестьянства победы социализма. Но они пока этого не сознают. Прийти же к социализму можно только при руководстве рабочего класса. Подрыв этого руководства, есть подрыв всего дела социализма. Поэтому необходимо принять все меры для обеспечения этого руководства и пока есть колебания среди крестьянства, будет и правовое неравенство³.

Таким образом, модель политического равенства сводилась к обеспечению правовых условий для сохранения власти и предоставления избирательного равенства крестьянам только в том случае, когда они утратят способность выражать свои экономические и прочие права или когда интересы крестьянства сольются с интересами правящей партии, то есть изменится социальный характер общества. Крестьянам, в сущности, предлагались политические условия: встаньте полностью на сторону власти и вы получите равные избирательные права.

Собственно избирательная практика началась с переходом к мирному периоду, когда было решено восстановить систему советской власти в лице местных Советов. В течение 1921-1922 гг. принимается ряд важных законодательных актов, укреплявших правовое положение Советов на местах, более четко определявших их основные права и обязанности, обеспечивающих регулярность выборов и созыва их съездов. 8 февраля 1921 года Президиум ВЦИК принял постановление «О регулярных пере выборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов»⁴. 26 января 1922 года ВЦИК утвердил положения о Советах губернских, уездных городов, об уездных съездах Советов и их исполнительных комитетах, о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах и новое положение

о сельских Советах. ВЦИК принял положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах⁵. Правотворчество в этих вопросах позволило начать регулярные перевыборы советов.

Уже в первые перевыборные кампании 1921-1923 гг. власти столкнулись с серьезными проблемами, которые требовали осмысления и разрешения. Проблемы заключались в нежелании крестьян выбрать в Советы коммунистов. Именно, трудность проведения максимально возможного числа коммунистов в Советы, считалась главной проблемой. Партийный аппарат испытывал сильнейшее сопротивление, особенно на селе. В январе 1922 года Тамбовский губком отмечал, что волостные и сельские исполкомы состоят в основном из беспартийных и политически неблагонадежных. Отмечались многочисленные случаи провала коммунистов на выборах. «Трудности» первых избирательных кампаний преодолевались методом прямого вмешательства партаппарата в избирательный процесс, оправдывая это сложной обстановкой. Считалось, что кампания 1922 года проходит в условиях обостренной борьбы бедняков и кулаков за Советы. В связи, с чем выход виделся в усилении «партийного нажима»⁶. В результате зарождалась советская избирательная система с ее неослабным партийным контролем, квотами, манипулированием результатов выборов. Кампании 1923 года предшествовал октябрьский циркуляр ЦК РКП(б). Выдвигалась задача политического укрепления Советов путем подбора их личного состава. Учитывая опыт кампаний 1921-1922 гг., когда управляемость выборами находилась под угрозой, ЦК обратил внимание на работу избирательных комиссий, привлечение в них «преданных или сочувствующих партии товарищей»⁷. Предусматривалось применение административных мер в качестве давления на избирателей. Одной из форм давления являлся отказ рассматривать списки кандидатов, помимо предлагаемых партаппаратом. Появление других списков расценивалось как «проявление нездоровых тенденций» и пресекалось административным путем. В результате, к 1924 году удалось повысить процент коммунистов в сельских Советах. В

Тамбовской губернии, например, их количество, увеличилось с 4 % в 1922 году до 10 % в 1923 году⁸.

В первой половине 1920-х гг. расширилась практика лишения избирательных прав. Подобная тактика стала использоваться еще в период гражданской войны. С августа 1919 года НКЮ приступил к изданию «Объявлений НКЮ» для обнародования лиц, лишенных избирательных и прочих прав. Причина состояла в том, что многие граждане, лишенные избирательных прав, права поступления на советскую службу, переезжали в другую местность и пользовались всеми правами, устраиваясь на службу и т.д. В Конституциях 1918 и 1924 гг. перечислялись все те, кто не имел права участвовать в выборах. К ним относились лица, живущие на нетрудовой доход; частные торговцы; торговые посредники; монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений. А также члены царствовавшего в России дома; все лица, участвовавшие в правительствах белых⁹. В Уголовном Кодексе 1922 года присутствовала статья 40 (поражение прав), по которой лишали избирательных прав по суду. Целью института поражения прав объявлялась защита общества от проникновения в ее среду в качестве полноправных граждан лиц, преступных и опасных, способных вредно повлиять на ход государственной жизни, и потому в целях государственной пользы их необходимо было подвергать ограничению прав. Поражение в правах могло быть применено ко всякому наказанию, независимо от его тяжести и рассматривалось в качестве меры социальной защиты¹⁰.

Суды довольно широко использовали «поражение в правах» на определенный срок в качестве наказания. Как правило, оно шло в сочетании с основным наказанием – лишением свободы и другими. Статья 40 УК определяла содержание этого вида наказания следующим образом: лишение активного и пассивного избирательного права; активного и пассивного избирательного права в профессиональных и других организациях; право занимать ответственные должности, а равно быть заседателем в суде,

защитником, поручителем и опекуном. Максимальный срок – 5 лет¹¹. Суды часто злоупотребляли поражением в правах, считая это наказание несерьезным, не усматривая в этом никакого политического смысла и применяя его не по назначению. Например, назначали поражение в правах на 5 лет за нанесение побоев на почве ревности. Или лишали избирательных прав за растрату, кражу, взяточничество, мошенничество и буйство и т.п. Между тем, поражение в правах законодатель рассматривал, в первую очередь, с политической точки зрения и применять его было необходимо только тогда, когда по характеру преступления и личности осужденного суд придет к выводу, что он может воспользоваться правами во вред трудящимся.

Число «лишенцев» заметно увеличивается в первой половине 1920-х годов. В Воронежской губернии среди сельского населения в 1923 году их насчитывалось 12 317 человек (0,8 % от общего числа избирателей), в 1924 году – 19 387 человек (1,3 %). «Лишенцы» распределялись по следующим категориям: лица нетрудового дохода – 33,3 %; духовенство – 17,3 %; бывшие полицейские и жандармы – 10 %; осужденные судом – 11,1 %; умалишенные – 1,4 %. Остальные 5 640 человек составляли группу лишенных избирательного права согласно 23 статье Конституции СССР, то есть лица, «использующие права в ущерб советской власти»¹². В Тамбовской губернии число «лишенцев» в 1923 году составляло 39 438 человек (2,7 %), в 1924 году – 44 333, по селам – 33 919 (3,1 %). Всероссийский показатель общий – 4,7 %, по селам – 1,3 %¹³. В деревне лишали избирательных прав в основном кулаков и духовенство, но часто и по произволу. Например, за получение среднего образования, службу в царской армии офицером и т.д. Пикантность ситуации состояла в том, что ВИКам разрешалось брать с «лишенцев» по 12 рублей для укрепления местного бюджета. Отсюда и стремление лишить прав, ради дополнительного дохода.

С началом «Нового курса» в деревне с конца 1924 года количество «лишенцев» снижалось. Многие жалобы по восстановлению в правах были

удовлетворены. Возвращались избирательные права участникам антоновского движения. Кроме тех, кто имел приговоры по суду. В Тамбовской губернии, например, количество лишенных избирательных прав, уменьшилось втрое. В Борисоглебском уезде по сравнению с осенью 1924 года уменьшилось с 8 212 человек до 2 311, главным образом за счет лишенных прав по 23 статье Конституции¹⁴. После избирательной кампании 1925/1926 гг., когда высокую активность проявили именно бывшие «лишенцы», положение о лишении избирательных прав ужесточается. 28 сентября 1926 года Президиум ЦИК СССР утверждает новую избирательную инструкцию, в которой ужесточается положение о лишении избирательных прав. Центр тяжести переносился на то, что нужно беспокоиться не о том, что кого – то неправильно лишили избирательных прав. А наоборот, не пропустить тех, кто подлежал лишению избирательных прав. Партаппарат тщательно следил именно за этой частью инструкции. Было уже не до формального соблюдения инструкций о неправильном лишении избирательных прав. Речь шла о власти, и главное было не пропустить того, кого считалось необходимым лишить прав. Число «лишенцев» резко возрастает. В 1926 году в городах Тамбовской губернии лишились избирательных прав 6 629 человек, в 1927 году – 8 874 (рост 34 %). По уездам в 1926 году – 11 485 человек, в 1927 году – 24 875 (рост 116 %). В 1928–1929 гг. – рост еще на 20 %. Эта тенденция была характерна в целом для всей России. В среднем по РСФСР рост «лишенцев» составил за эти годы 133 %. В сельской местности количество лишенных прав увеличилось в три раза¹⁵. Особый размах кампания по лишению избирательных прав приобрела в ходе перевыборов Советов в 1929/1930 гг. Лишали прав по всякому поводу, например, за выражение недоверия секретарю ячейки, неправильное социальное происхождение и т.п. Конечная цель всех этих манипуляций заключалась в отстранении, от какого – либо влияния на общественно политическую ситуацию в стране «чуждых элементов», взять под полный контроль избирательный процесс и не допустить к власти несогласных с

официальной политикой лиц. Таким образом, практика лишения избирательных прав стала существенным механизмом укрепления политической монополии партаппарата, реализации классового принципа в формировании институтов власти. Декларируя принципы демократии, в том числе и равенство избирательных прав, говоря о перспективе расширения свободных начал жизни, большевики вместе с тем постоянно подчеркивали необходимость ограничения избирательных прав для отдельных категорий населения, ссылаясь на объективные причины. По их мнению, только ограничение политических прав и отсутствие свободных выборов гарантировало сохранение власти.

Политика большевиков в области формирования выборных органов власти в 1920-е годы являлась продолжением прежней линии. Главным для них было не формирование дееспособных органов местной власти, а сохранение контроля над ними и при помощи их над ситуацией на местах. Узкоклассовый принцип формирования органов советской власти, отказ от справедливых выборов, тотальная идеологизация перевыборных кампаний, превращение критики власти в идеологическое преступление привели к тому, что советы в течение 1920-х годов стали занимать все более подчиненное положение, так и не став реальными органами власти. Неуклонно снижался, за исключением короткого периода «Нового курса», уровень демократичности избирательных кампаний. Советы к концу 1920-х годов приобрели характер «филиалов» местного партаппарата, а не реальных органов власти. Большевикам так и не удалось разрешить принципиальную проблему – попытаться оживить советы с одновременным усилением в них партийных позиций. Большевики встали перед альтернативой – продолжать политику оживления советов, а это требовало расширения демократических начал в их формировании и деятельности, и в перспективе угроза утраты влияния на местах, прежде всего в деревне, или отказаться от демократизации выборных процедур и самих советов, подчинение их

партаппарату насильственным путем. Как оказалось, большевики избрали второй путь.

В целом можно констатировать, что с утверждением большевиков у власти и роспуском учредительного Собрания перспектива демократического развития России была утрачена. Установившаяся в стране жесткая однопартийная политическая система не допускала априори проведения свободных, демократических выборов. И хотя избирательное законодательство советской России включало в себя демократические принципы проведения выборов, фактически выборы находились под жестким контролем властей и, только в постсоветский период избирательное законодательство стало развиваться на демократических принципах.

---

¹ Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 977. Л. 113.

² Бухарин Н.И. Избранное. М., 1988. С. 217.

³ Там же. С. 218.

⁴ СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 72.

⁵ Там же. 1922. № 10. Ст. 90-93; ст. 72-73; ст. 907.

⁶ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1866. Л. 33.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Д. 2303. Л. 53.

⁹ Конституция СССР. М., 1924. Ст. 23, 65.

¹⁰ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф.Р-5201. Оп. 1. Д. 36. Л. 172.

¹¹ УК 1922 г. М., 1922. Ст. 40.

¹² Центр документации новейшей истории Воронежской области (ЦДНИВО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 115. Л. 40.

¹³ ГАТО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 827. Л. 3.

¹⁴ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2688. Л. 14.

¹⁵ Там же. Д. 3262. Л. 5.

Роль сельской бедноты в избирательном процессе Тамбовской губернии во второй половине 1920-х гг.

После отмены выборов осенью 1924 года властям удалось повысить явку избирателей как в городах, так и в сельской местности. Начиная с 1925 года, посещаемость избирательных собраний стабильно возрастала. Но результаты повторных выборов весной 1925 года, оказавшиеся не удовлетворительными для коммунистов, заставили власть искать иной способ влияния на исход выборов. Новый акцент партийной организацией делался на усиление руководства избирательным процессом. «Прошлые перевыборы показали, что состав сельских Советов и волисполкомов оказался подобраным не везде удачно. Попало изрядное количество чуждого элемента», – подытоживал секретарь губкома РКП(б) И.Г. Бирн¹. В новую избирательную кампанию предлагалось уделить большее внимание «намечиванию» кандидатур, «каждый товарищ, который выдвигается в члены сельского Совета, должен быть как следует оценен и разобран. Особенно важным, нужно считать проведение выставленных кандидатур. Здесь серьезный и умелый подход нужен. Как выставить, как обрисовать своего кандидата, как его провести?» За всеми представителями необходимо «обеспечить поддержку» середняцких масс крестьянства, опираясь на беспартийный актив и общественные организации деревни»².

Что касается предвыборной кампании, то ни инструкции о выборах, ни какие-либо другие законодательные акты не регламентировали этот ее этап. Согласно планам перевыборов, которые составлялись губернской избирательной комиссией применительно ко всем Советам губернии в преддверии новых выборов, основная работа местных избиркомов заключалась в составлении списков избирателей и не избирателей, рассылки повесток, а также рассмотрении жалоб граждан на неправильное лишение избирательного права. Говоря об агитации как таковой, то есть агитации

среди избирателей за участие в выборах и голосовании за или против тех или иных кандидатов, то она проводилась лишь по указке партийных организаций и советских органов власти, представляя собой «разъяснительную работу». В губернских и уездных печатных изданиях появлялись многочисленные статьи, касающиеся «разъяснения законодательства и решений партийных организаций, а также задач, стоящих перед отдельными группами избирателей, порядка проведения кампании, настроения масс и других вопросов, связанных с выборами»³. Губернским исполнительным комитетом и уездными исполкомами выпускались специальные обращения и воззвания. Лозунги с призывом выбирать коммунистов и беспартийных печатались во всех газетах, ежедневно демонстрировались в кинотеатрах. В селах в клубах и избах-читальнях проводились громкие чтения, доклады, беседы с инсценировками или пьесы. При этом в каждом политпросвет учреждении необходимо было на видном месте поместить «писанную или печатанную крупным шрифтом 65 статью Конституции, кто имеет и не имеет права избирать и быть избранным. Хорошо, если этот плакат был оживлен рисунками фигур, имеющих и не имеющих избирательные права, особенно это необходимо в селах»⁴.

В рамках избирательного процесса упор делался на объединение бедноты, а также на повышение активности женщины. Методы применялись различные. Одним из способов, обеспечивающих проведение «не смазанных» выборов, являлось объединение бедноты во время предвыборной кампании с середняками против «кулацкого влияния». Все внимание сосредотачивалось на деревенских бедняках, как наиболее «революционном кадре» и их выдвижении в состав советских органов. От местных партийных ячеек требовалось проведение учета бедноты с тем, чтобы привлечь на выборы максимально большее их количество. О том, как и насколько эффективно проводилась данная работа местными партийцами, свидетельствуют многочисленные доклады уполномоченных губкомом инструкторов. В Уварово, например, «небольшая часть партийцев, не считая себя ответственным за ее результаты, боялась проводить работу с беднотой по той

причине, что будет неудобно, если надавать много обещаний, а потом их не выполнить» (Борисоглебский уезд)⁵. В Чурюковской волости Козловского уезда «учета бедноты ячейки не имели. Были два срыва собрания, ячейки, не имея учета, пригласили на эти собрания не тех, кого следует, и прибывшие кулачье и горлопаны, сорвали собрание, мотивируя тем, что бедноте одной нечего обсуждать кандидатов, на это, мол, есть избирательные собрания, где все и обсудят кандидатов и кого следует, выберут»⁶. В Шехманской волости «работа с беднотой совершенно не велась, и партийцы не знают, как ее вести»⁷. В тех же волостях, где работа все-таки проводилась, собрания бедноты назначались исключительно партийными организациями. На таких собраниях главным был вопрос о «проводимых советской властью мероприятиях в отношении льгот для бедноты». Партийцы, используя настроение избирателей, заостряли внимание на том, что, если проходят их кандидатуры, надо дать будущим работникам наказ «добиваться льгот для бедноты». В некоторых волостях данная тактика срабатывала и в Совет проходили коммунисты, в других – крестьяне возмущенно заявляли: «беднота нужна только перед выборами, а до них - дела нет. Из трех человек, чтобы не обидно, надо в сельский Совет выбирать одного коммуниста, одного середняка и одного бедняка. Льготы идут не бедноте, а знакомым!»⁸ (Козловский уезд). Многие осознавали, что все это сплочение бедноты и ее организованное участие в выборах лишь способ прорваться во власть и получить место в Совете другим людям. На одном из собраний в Липецком уезде на убеждение уполномоченного горизбиркома доказать свою сплоченность, говорили: «Что же мы – как народ скажет!»⁹. Хозяйственные люди допускали открытые выступления: «Собираются для пустой болтовни. Как было, так и будет. Коммунисты испугались, что не пройдут, вот и собирают голытьбу, обещая то сеялки, то веялки. А как выборы пройдут, так шиш покажут»¹⁰. Да и сама беднота скептически относилась к собственной организации: «Зачем нам идти на собрание? Собрания отягощают загрузкой. Лучше бы собрали и организовали для работы, особенно для подсобных работ в сельском хозяйстве»¹¹. Там же, где бедноту удавалось организовать

“авторитет” партии и комсомола значительно возрастал, ячейки выставляли свои подготовленные списки бедняков.

О том, как встречали избиратели предлагаемые кандидатуры, говорят выступления крестьян: «Беднота не способна ничего делать. Беднота не работала и не будет работать!»¹² (Липецк). Говорили: «Надо в Совет выбирать людей хозяйственных.» (Тамбовский уезд). Поднимая свое хозяйство, у мужика срабатывала чисто житейская мудрость, чтобы оградить себя от произвола властей, нужно самому попытаться войти в эту власть, ведь на то она и народная. Все чаще кандидатуры «кулаков» и середняков находили поддержку и сочувствие среди массы крестьянства. Что вполне естественно: умеющий управляться со своим хозяйством, вряд ли примет необдуманное решение, которое уничтожит другое хозяйство. «К власти нужно ставить людей знающих земледелие, вот это будет правильно, тогда и крестьянам будет жить легче»¹³ - говорили в групповых беседах бедняков и середняков «кулаки» Кирсановского уезда. Все чаще крестьяне высказывались, что «линия партии в отношении расслоения крестьянства взята неправильно, не нужно подразделять на бедняков и середняков»¹⁴. В Борисоглебском уезде бедняки прямо заявляли: «Как я пойду против кулака, когда я завтра буду просить у него займы хлеба».

Что касается женщин, то посещаемость ими сельских избирательных собраний составляла в среднем лишь 23 %. Нередко звучали отдельные выкрики: «Зачем баб, им там делать нечего, дело не их ума, хозяин – мужик, он и должен выбирать, у нас этого никогда не было!»¹⁵; «Это – баба, что в ней толку! Выбирали, пробовали» (Рассказовская волость Тамбовского уезда). Порой женщины сами высказывались против собственных кандидатур: «Куда нам в горсовет – снять кандидатуру! Выдвинуть мужчин, они поделнее»¹⁶ (г. Тамбов); «есть мужики – пускай и обсуждают, а нам с ребятами да с хозяйством некогда»; «хорошие бабы на выборы не пойдут».

Наблюдая явное давление и протаскивание в Советы партийцев, у людей складывалось убеждение формальности проведения собраний: «Нечего ходить на выборы, там все уже наметили!»¹⁷ (женская организация города

Липецка); «Зачем идти на собрания? Все равно по-нашему, справедливому, не будет!»¹⁸; «Нам говорили, что нужно идти, но мы думали, что и без нас обойдутся»¹⁹ (на выборах в Тамбовский городской Совет).

Но все же усилия партийцев по «обеспечению поддержки» выставляемых кандидатур не прошли даром. Результатом явилось увеличение числа коммунистов в Советах до уровня, достигнутого на выборах осенью 1924 года и отмененных, ввиду наличия огромного количества нарушений и явного произвола властей. В сельских Советах доля коммунистов составила 9,8 % - в 1926 году, 11 % - в 1927, против 4,9 % - в повторных выборах 1925 года. При этом абсолютное большинство депутатов в сельских Советах составляли крестьяне (88,9 %). В 1927 году ВЦИК впервые установил отчетную форму, согласно которой крестьяне разбивались на отдельные категории в зависимости от уплаты единого сельскохозяйственного налога на одного едока в хозяйстве²⁰.

По итогам выборов	Всего избрано крестьян	Освобождено от с/х налога	Уплачивали с/х налог				
			до 1 руб.	до 2 руб.	до 5 руб.	до 10 руб.	свыше 10 руб.
1926 года	22 161 (88,3 %)	13,4 %	-	-	-	-	-
1927 года	22 015 (88,9 %)	22,0 %	27,5 %	34,1 %	12,0 %	3,4 %	1,0 %

Как видно из таблицы, 22 % всех избранных депутатов из крестьян – бедняцкое население, не имевшее ни имущества, ни хозяйства, больше половины (61,6 %) уплачивали налог до 2 рублей на одного члена семьи. Крепких хозяйственников меньшинство – 16,4 %. Сыграл главный фактор – политика опоры на бедняка и батрачество деревни, их выдвижение в состав советских органов. Между тем, среди этой части деревни имелось немало элементарных болтунов и бездельников, прикрывавшихся под громкими революционными фразами, в расчете получить место в Совете, людей, заинтересованных в уравниловке, и просто не далекого склада ума. Население все больше выражало свое недовольство местными властями: «Коммунисты, занимающие выборные должности не удовлетворяют нас

своими проделками, и все-таки партия не считается с запросами масс, приходится смотреть и дальше на проделки»²¹.

---

¹ Бирн И.Г. О перевыборах Советов // Коммунист. 1925. № 10-11. С. 40-42.

² Партийные организации в перевыборах Советов // Тамбовский крестьянин. 1926. № 53. С. 2.

³ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1607. Л. 17.

⁴ Политпросвет учреждения и кампания перевыборов Советов // Тамбовская правда. 1924. № 228. С. 2.

⁵ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 3636. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 54.

⁷ Там же. Д. 3637. Л. 123.

⁸ Там же. Д. 3636. Л. 87.

⁹ Там же. Д. 3635. Л. 46.

¹⁰ Овсянников Г. Первые шаги (опыт перевыборной кампании) // Коммунист. 1926. № 3. С. 3-4.

¹¹ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1 Д. 3636. Л. 87.

¹² Там же. Д. 3636. Л. 90.

¹³ Там же. Д. 3634. Л. 94.

¹⁴ Там же. Д. 3144. Л. 27.

¹⁵ Там же. Д. 3141. Л. 78 об.

¹⁶ Н.К.Ф. Перевыборы Горсовета // Тамбовская правда. 1926. № 26 (3 февраля). С. 2.

¹⁷ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 3636. Л. 90.

¹⁸ Овсянников Г. Указ. соч. С. 3-4.

¹⁹ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2690. Л. 49.

²⁰ Там же. Д. 3635. Л. 63.

²¹ Там же. Д. 3635. Л. 91.

Кампания по «оживлению» Советов и отмена осенних выборов 1924 г.

Главная политическая задача в середине 1920-х годов выражалась в лозунге «оживления Советов». Речь шла о том, чтобы укрепить связь и воздействие партии на крестьянство за счет увеличения приема в партию беспартийных крестьян и создания вокруг них сочувствующего слоя середняков и бедноты. «...Для усиления и улучшения работы Советов надо посылать лучших коммунистов в Советы и советские органы <...> Но теперь политически для нас особенно важно подчеркнуть привлечение к жизни Советов, к участию в Советах более широких беспартийных рабочих и крестьянских масс. Именно лозунг «оживления Советов» подчеркивает эту основную политическую задачу»¹. В круг задач, выдвинутых Пленумом ЦК РКП(б) в октябре 1924 г., наряду с «более правильным соблюдением выборности» входило также «устранение незаконного вмешательства в работу Советов»². Однако ни о каких демократических преобразованиях существовавшей избирательной системы речи не шло, что ярко продемонстрировали выборы, проходившие осенью 1924 года.

Первоочередной задачей к предстоящим перевыборам в Тамбовской губернии стала работа по выявлению «элементов, лишенных избирательных прав». В нее включались ячейки РКП(б) и РЛКСМ, профсоюзы, комитеты крестьянской взаимопомощи, крестьянские сходы и беспартийные крестьянские конференции, члены которых обязаны были «по долгу охраны Конституции, по классовому самосознанию» выявлять лиц, не имеющих по своему прошлому и настоящему права голоса. Пересматривались кадры всех предприятий, организаций и учреждений с целью выявления таких «элементов».

В результате «стараний», приложенных властями, пополнились списки т.н. «лишенцев». «Выявлено» было 3,2 % лиц, подлежавших лишению избирательных прав, от общего количества взрослого населения. То есть

число лишенцев увеличилось почти на 5 тысяч человек по сравнению с предыдущими перевыборами.

В рамках предвыборной кампании широкое распространение получила практика проведения беспартийных крестьянских конференций, заседаний комитетов крестьянской взаимопомощи. Членам этих объединений предлагалось «с помощью ячеек РКП (б) и в контакте (согласии) с ними взять инициативу по проведению предварительных собраний всех своих членов, всей бедноты»³. Чтобы такие собрания «были полными» предполагалось «всю забитую бедноту и середняков вытащить на собрание. Для этого нужно их оповестить со двора на двор, убедить и т.д.». Основной целью таких собраний была подготовка крестьянства к перевыборам, на них заранее договаривались, кого выбирать: «для бедноты, для середняцкой крестьянской массы здесь сомнений нет, здесь двух выборов нет... Конечно, в первую очередь и, прежде всего, нужно выбирать коммунистов...». Из беспартийных выбирать не только просто бедняков и середняков, но тех из них, кто является преданными сторонниками советской власти, тех, кто действительно заботится о нуждах бедных»⁴. При этом «врагов советской власти и все чуждые ей элементы выбирать в Советы нельзя»⁵.

Для проведения, как предвыборной кампании, так и самих перевыборов в деревню направляли «лучшие силы». Во время выборов перед ними стояла задача – «добиться большого участия честного и работоспособного крестьянина из бедняцкого и середняцкого слоя населения, демобилизованных красноармейцев и женщин-крестьянок и, само собой разумеется, коммунистов»⁶.

«Как общее явление, население в перевыборах принимало активное участие» – отчитывался губизбирком. В действительности явка на выборы в сельские Советы оказалась существенно ниже, чем ожидала партия. Она составила всего 23 % против 32 в 1923 году. Так, в Моршанском уезде в выборах приняло участие 16,5 % граждан, в Тамбовском уезде – 18,6 %⁷, а на выборах в Пахотно-Угловской волости собралось лишь 3 % избирателей⁸.

Посещаемость городских избирательных собраний в среднем возросла с 28,8 % в 1923 до 34,2 %⁹ в 1924 году, но и она была очень низкой.

Кампания по оживлению Советов не принесла ожидаемых результатов. «Начавшееся оживление масс шло в разрез с пережитками военных способов работы Советов (командование, назначенство «в целях проведения тех или иных мер»). В результате массы слабо шли на выборы ...»¹⁰ – признавались сами партийные чиновники. Недовольство местного населения теми методами, которые использовались для продвижения коммунистов, было слишком велико. Явное беззаконие и произвол властей привели к массовому бойкотированию выборов 1924 года.

Решением от 29 декабря 1924 года Президиум ЦИК СССР по рекомендации ЦК РКП (б) признал недействительными выборы, проведенные с сентября по декабрь, в тех местах, где доля участвовавших была ниже 35 % или имело место явное нарушение порядка выборов. Это касалось двенадцати губерний РСФСР, в том числе и Тамбовской.

Постановлением № 3 Президиума Тамбовского Губернского Исполнительного Комитета от 2 февраля 1925 года¹¹ проведенные выборы в губернии были отменены, за исключением выборов трех городских Советов: Тамбовского, Моршанского, Борисоглебского, а также Успенской волости Козловского уезда¹², здесь явка составила выше 35 %.

В качестве основных недостатков прежней избирательной кампании Тамбовский Губизбирком отметил: «широкое толкование 23 и 65 статей Конституции, нарушение, и подчас довольно грубое, прав избирателей»¹³. Тамбовский уездный исполнительный комитет по опыту выборов в своем уезде, где участие населения колебалось от 10 до 20 %, указал в качестве причин такого «колоссального размера абсентеизма» следующие¹⁴:

1. Несвоевременное создание Избиркомов <...>
2. Несвоевременное оповещение граждан о дне и месте собрания <...>
3. Отсутствие в некоторых пунктах достаточных помещений <...>
4. Отдаленность места сбора собрания от окраин <...>
5. Слишком энергичное навязывание избирателям со стороны Избиркомов своих кандидатов, ввиду чего население с недоверием относится

вообще к перевыборной кампании. Вследствие этого «основными моментами» новой избирательной кампании стали: осторожный и серьезный подход к лишению избирательных прав и составлению списков избирателей; втягивание возможно большего числа населения в активное участие в перевыборах, добившись участия в выборах не менее 35 % избирателей; сведение на нет командования с тем, чтобы трудящиеся массы могли проявить полностью свою волю при выборах.

Для руководства повторными перевыборами впервые в состав избирательных комиссий были введены представители общественных крестьянских организаций. Осуждению подверглись попытки давления на избирателей и навязывания кандидатов, сокращен круг лиц, лишенных избирательного права. Теперь правом выдвигать кандидатов в депутаты наделялись общественные организации и отдельные граждане.

В итоге при повторных выборах посещаемость избирательных собраний увеличилась. В 1925 году на выборы в сельские Советы явилось в среднем 41,5 % избирателей¹⁵, против 23 % - в осенние выборы 1924 года, на городские выборы – 57,4 %, против 22,3 %.

Как следовало из отчетов уездных избирательных комиссий «крестьянство встретило постановление об отмене первых выборов с большим интересом, отмечалась заинтересованность крестьян и уяснение ими основных причин отмены осенних выборов»¹⁶. Но чаще наблюдалось иное. Например, в Борисоглебском уезде: «Новые перевыборы, - говорили крестьяне, - нажим центра на местные партийные организации»¹⁷. Были случаи, когда население выражало недовольство порядком выборов, в частности, в селе Панском Козловского уезда - вынесено было постановление: Долой назначенство под видом рекомендации¹⁸. В Моршанском уезде в одних селах заявляли, что «при перевыборах мы теперь проведем наших, а не ваших», в других говорили: «в сельсоветы надо выбирать людей не пришлых и присланных, а своих сельских, они лучше будут защищать при взимании налога»¹⁹. Открыто делались отводы коммунистам. Во время проведения предвыборных собраний затрагивались и другие наболевшие проблемы. В Тамбовском уезде

«преимущественно ставился вопрос: почему проходит не тайное голосование?»²⁰. В Моршанском уезде избиратели также просили разрешения голосовать «шарами» закрытой баллотировкой²¹. Однако, согласно избирательному законодательству, единственной формой волеизъявления признавалось открытое голосование. Поэтому «после разъяснения все требования отпадали».

Результаты кампании, на которую партийцы делали высокую ставку, оказались весьма противоречивыми. Для выполнения своей главной задачи – широкому привлечению населения к участию в выборах – коммунисты были готовы пойти на некоторое преуменьшение собственной роли. На совещании по вопросам советского строительства М.И. Калинин подчеркивал: «Выигрыш от правильных, всенародных (т.е. когда в них участвует большинство народа) выборов в советы будет перевешивать зло, которое получится от того, что в Совет попадет злостный человек»²² (имеется в виду кулак). В итоге, доля коммунистов в сельских Советах значительно снизилась по сравнению с прошлым годом. В Тамбовской губернии она составила 4,9 % против 11 % в предыдущих выборах. Эти изменения отразили реальный уровень поддержки большевиков среди населения.

Партия рассматривала состоявшиеся выборы как поворот «лицом к деревне». Но одно лишь повышение числа участников выборов не свидетельствовало об устранении сложившейся дискриминации по отношению к сельским производителям. Население должно было увидеть от проведения этой кампании пользу для себя. А чтобы власть смогла завоевать народную симпатию и поддержку, выборы должны были проходить без вмешательства и нажима.

В действительности же Советы, по замыслу руководства, должны были остаться под партийным контролем. Главная идея заключалась в том, чтобы проводником коммунистического влияния в деревне стал крестьянин. Не случайно многие элементы, направленные на безусловную реализацию партийных установок, возмущавших крестьян не только сохранились, но и получили дальнейшее развитие в ходе последующих выборов. Уже июльский

пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1926 году указал на «неправильность сокращения числа лиц, лишенных избирательных прав». Через год количество «лишенцев» в Тамбовской губернии увеличилось в два раза.

---

¹ Оживление Советов и партийное руководство // Коммунист. 1925. № 4. С. 27.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3: 1924-1927. М., 1970. С. 138.

³ Овсянников Г. Задачи, стоящие перед конференцией, Комитеты взаимопомощи и перевыборы // Тамбовская правда. 1924. № 228. С. 2.

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 816. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 826. Ч. 2. О.Ц. Л. 663, 664.

⁸ Там же. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 208. Л. 438.

⁹ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 827. Л. 12, 14.

¹⁰ Там же. Д. 1609. Л. 29.

¹¹ Там же. Д. 1133. Л. 48.

¹² Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 2684. Л. 152.

¹³ Итоги и результаты вторичных перевыборов в губернии // Коммунист. 1925. № 4. С. 36.

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 279. Л. 78.

¹⁵ Там же. Д. 2684. Л. 159.

¹⁶ ЦДНИТО. Ф. 840п. Оп. 1. Д. 2685. Л. 51. Д. 2688. Л. 14 об.

¹⁷ Там же. Д. 2688. Л. 14 об.

¹⁸ Там же. Д. 2685. Л. 51.

¹⁹ Там же. Д. 2688. Л. 31.

²⁰ Там же. Д. 2685. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 77.

²² Калинин М.И. Статьи и речи. 1919-1935. М., 1936. С. 167.

ВЫБОРЫ ЗА РУБЕЖОМ

К. Мацузато

Выборы и другие критерии выделения типов посткоммунистических режимов

На протяжении 1990 гг. политические режимы в посткоммунистических странах поляризовались по оси «программные–клановые». Страны, где преобладает программная политика, – это в основном те, что стали членами Евросоюза; клановая же политика наблюдалась в государствах СНГ и Юго-Восточной Европы. В странах первого типа, которые избрали унитарные конституциональные режимы и свободную рыночную экономику, важная роль политических партий проявилась уже на начальном этапе их трансформации. Политику государств второго варианта развития регулируют неформальные клановые связи. Хотя с конца 1990-х гг. в некоторых из них наблюдаются примеры удачного партийного строительства («Единая Россия», Объединенная социал-демократическая партия Украины, Компартия Молдавии), нередко эти партии являются не более, чем официальным фасадом клановых отношений. В отличие от унитарного государственного строительства в странах Вышеградаⁱ и Прибалтики, в государствах СНГ отношения между общегосударственной и региональными властями потерпели значительную деконцентрацию. Иначе говоря, здесь Центр не может игнорировать интересы и настроения региональных и даже локальных элит. Это явление примечательно еще и тем, что, исключая Россию, эти государства унитарны официально – по конституции. Наконец, в странах СНГ сформировался патримониальный капитализм, выгодный не только местным предпринимателям, но часто и населению.

Было бы неудивительно, если бы посткоммунистические режимы не поляризовались, как это произошло в действительности, а попросту диверсифицировались, так как при социализме однородные политические системы им были навязаны искусственно. Однако основные черты их поляризации, только что перечисленные нами, продолжают наблюдаться и поныне. Вместе с тем, в 2000-е гг. в некоторых странах СНГ формы и функции клановой политики претерпели известные изменения. Причина этих изменений заключается в критическом переосмыслении местными элитами комбинации клановой политики с гиперпрезидентством. Как показывают примеры России (1999), Грузии (2004), Украины (2004) и Кыргызстана (2005), эта комбинация, которая ранее представлялась универсальной и всесильной, теперь стала казаться чересчур непредсказуемой. В настоящей статье мы рассмотрим поляризацию политических режимов в этих странах в 1990-е гг. и их последующую модернизацию.

Поляризация посткоммунистических политических режимов в 1990-е гг.

Страны Вышеграда и Прибалтики избрали парламентские (как в Чехии, Венгрии, Латвии и Эстонии), либо полупрезидентские (semi-presidential) режимы со значительным ограничением президентских полномочий (Польша, Словакияⁱⁱ и Литва). Страны же СНГ предпочли полупрезидентские режимы с сильным президентом, хотя в 2000 г. одна из них (Молдавия) перешла от полупрезидентства к парламентаризму.

В условиях полупрезидентства всенародно избранный глава государства не руководит правительством непосредственно, а назначает премьер-министра, кандидатуру которого затем утверждает парламент. На мой взгляд, полупрезидентский выбор, сделанный странами СНГ, имеет две общие причины. Во-первых, характерная для полупрезидентства структура исполнительной власти, при которой президент отвечает за стратегические (политические) задачи, а на премьер-министра возлагаются хозяйственные

функции, представляется естественным результатом эволюции «разделения труда» между ЦК партии и правительством, типичного для коммунистической однопартийной системы. Во-вторых, полупрезидентство открывает для главы государства широкие возможности для межклановых манипуляций и потому отлично укладывается в рамки клановости самих этих режимов. Так, Президент Украины Л. Кучма, назначая и отправляя в отставку премьер-министров, искусно играл на традиционном соперничестве донецкой и днепропетровской элит.

В отличие от стран СНГ, причина полупрезидентского выбора Польши и Литвы заключена в расстановке сил среди здешних клановⁱⁱⁱ. В Литве, например, сторонники Ландсбергиса, которые первоначально требовали введения института сильного президента (не выходящего, впрочем, за рамки полупрезидентства), в 1992 г., убедившись в быстром падении его популярности, согласились на компромисс. В результате в стране утвердилась полупрезидентская система со слабым президентом.

Критерий 2 – «смена власти». Уже в первой половине 1990-х годов в странах Вышеграда и Прибалтики укоренилась практика смены власти путем выборов. Аналогичные процедуры в государствах СНГ имели ярко выраженное своеобразие и отличались широким использованием административного ресурса, отсутствием независимых СМИ и нейтральных избиркомов. Все это создавало впечатление, что смена власти здесь мирным путем вообще маловероятна. Более того, в отличие от государств первого типа, левые партии которых поддерживали расширение и Евросоюза, и НАТО, в странах СНГ значительное разномыслие правящей группировки и коммунистической оппозиции по вопросам стратегии делало результаты выборов еще менее предсказуемыми.

Анализ следующих трех критериев (*«организационная база политики»*, *«выборы»* и *«избирательная и партийная системы»*) демонстрирует социально-политическую основу поляризации посткоммунистических режимов, отмеченной нами выше. Для стран СНГ характерны клиентальные

общественные отношения, при которых, согласно Генри Гейлу (Henry Hale), «политическая власть реализуется преимущественно путем выборочных передач ресурсов или бюджетов, нежели путем формализованных институциональных практик... как вынужденных, благодаря установленным правилам правового государства»^{iv}. Что касается роли выборов в этих обществах, то, во-первых, элита мобилизует голоса избирателей не программой (идеей), а предложением конкретной выгоды или обещаниями защитить тот или иной персональный или групповой интерес, либо, наоборот, угрозами лишить этих индивидуумов (или их группы) определенных преимуществ. Во-вторых, взаимоотношения между вышестоящими и нижестоящими руководителями федеративны и совсем не похожи на веберскую бюрократию. Местные руководители мобилизуют голоса, а вышестоящие, учитывая вклад нижестоящих, обеспечивают их поддержку путем преференциального распределения разнообразных ресурсов. Таким образом, в странах СНГ наблюдается типичная «политика машин» (machine politics), или политика «касикизма» (caciquismo)^v. Во всяком случае в 1990-е гг. здесь, в отличие от государств Вышеграда и Прибалтики, партийная дисциплина, характерная для этих последних, не наблюдалась. Не случайно, что Гейл называет подобные политические режимы, которые предполагают сочетание сильной президентской власти с клиентализмом, «патронным президентством».

Критерий 6 – «отношения между Центром и местами». Мы уже отмечали децентрализованный характер взаимоотношений между общегосударственными, региональными и локальными властями (и соответствующими элитами) стран СНГ, которые существуют независимо от того, как они определены в конституциях этих государств. Например, Украина и Татарстан в середине 1990-х годов избрали унитарный способ государственного строительства. В результате президенты на Украине стали назначать губернаторов и глав районных администраций, а в Татарстане – руководителей районов и городов. Характерно, что не только Шаймиев и

Кучма, но и В. Ющенко^{vi} назначали и продолжают назначать этих руководителей из числа местных «нотаблей». Я назвал бы эту практику «централизованным касикизмом». Вне ее первые лица не могли бы опираться на клиенталистскую сеть местных элит и в нужное время мобилизовать голоса избирателей для воспроизводства своих режимов. Такова обратная сторона клиентальных (федеративных) отношений между вышестоящими и нижестоящими руководителями^{vii}, о которых мы говорили выше.

В странах Вышеграда и Прибалтики администрации областного и районного уровней были беспощадно упразднены еще в начале 1990-х годов, поскольку находившиеся у власти реформаторы считали эти «мезонинные» институты бастионом прокоммунистических сил и стремились к альянсу с поселковыми (grass-roots) активистами. В результате появились государства сверх-унитарного типа, в которых центральные правительства имеют дело с чрезвычайно мелкими местными администрациями (муниципалитетами) непосредственно^{viii}. Подобная схема противоречит европейскому лозунгу «Европа регионов», и Евросоюз в ходе переговоров с этими странами относительно их вхождения в свой состав, настоял на некотором изменении их государственного устройства^{ix}. Однако восстановление регионального и «мезонинного» самоуправления в этих странах оказалось косметическим^x. Более того, даже если предположить, что в этих странах региональные органы управления, требуемые Евросоюзом, все-таки появились, нельзя не признать, что многочисленные административно-территориальные реформы 1990-х годов разрушили сообщества региональных элит. Восстановить их – дело десятилетий.

Критерий 7 – «отношение к требованиям Евросоюза». Ответственное отношение стран Вышеграда и Прибалтики к нормам и требованиям Евросоюза не означает их полного одобрения ими. Наоборот, Вацлав Клаус, чешский премьер-министр в 1990-е годы, открыто критиковал вышеупомянутую идею «Европа регионов», поскольку полагал, что унитарное и централизованное государство более соответствует эпохе

радикальных экономических реформ. Чешские и эстонские либералы не скрывали своих симпатий к англо-американской модели экономики, тем самым дистанцируясь от «старо-европейской» социал-демократии. Памятен и дипломатический альянс Вашингтона с Варшавой времен войны в Ираке, заключенный в пик той же «Старой Европе»^{xi}.

Исследуя реформы местного самоуправления, проведенные в России, на Украине и в Кыргызстане в 1990-е гг., я не мог избавиться от впечатления, что отношение к «Европейской хартии местного самоуправления» 1985 г. было здесь таким же, каким в свое время оно было к работам классиков «марксизма-ленинизма»: все цитируют, но никто не читает^{xii}. Отчасти подобная картина наблюдается сегодня в России в ходе реформы высшего образования в рамках «болонского процесса».

Критерии 8 и 9 – «экономический режим» и «уровень жизни граждан». Ирония посткоммунистической трансформации заключается в том, что быстрая адаптация стран Вышеграда и Прибалтики к мировым стандартам не сопровождалась одновременным повышением уровня жизни их населения. Сегодня россияне и белорусы в среднем зарабатывают ежемесячно 200 американских долларов, тогда как литовцы и поляки – 300 и 500, соответственно. Однако, учитывая разницу цен на товары в этих странах, нельзя сказать, чтобы последние жили значительно лучше первых. Более того, граждане государств СНГ по-прежнему пользуются некоторыми привилегиями и своего рода «социальным обеспечением». Здесь, например, скрывать свои доходы от налоговых органов намного легче, чем в странах Вышеграда и Прибалтики; коммунальные услуги по-прежнему оплачиваются уравнилельно, в квартирах нет счетчиков на воду и газ, индивидуальная санкция за неуплату отсутствует. Все это немислимо в странах Вышеграда и Прибалтики, граждане которых в «коммунистические» годы жили намного лучше россиян. В результате по этому важнейшему критерию граждане России в последние годы стали их заметно догонять. Неожиданно высокий уровень жизни в некоторых странах СНГ, достигнувший ценой глобализации

народного хозяйства, также явился атрибутом клиенталистской политики, результатом желания правящей группировки оставаться у власти с опорой на популизм.

Таблица 1

Критерии выделения типов посткоммунистических режимов

№	Критерии	Европейский выбор (страны Вышеграда и Прибалтики)	Евразийский выбор (страны СНГ)
1	Дефиниция по конституции	Парламентаризм или полупрезидентство со слабым президентом	Полупрезидентство с сильным президентом
2	Смена власти	Периодическая смена правительства через выборы	«Вечно правящая партия»
3	Организационная база политики	Программные партии	Клиентальные отношения
4	Выборы	Программные	«Политика машин»
5	Избирательная и партийная системы	Централизованная партийная система, основанная на пропорциональной избирательной системе на общегосударственном и местном уровнях	Лоскутная партийная система, решающая роль одномандатных округов
6	Отношения между Центром и местами	Унитарное государство	Локальный боссизм (независимо от конституции)
7	Отношение к требованиям Евросоюза	Серьезное (в смысле откровенной критики в случае несогласия)	«Цитировать, не читать»
8	Экономический режим	Неоклассическая рыночная экономика, открытость иностранным капиталам	Патримониальный капитализм, защита интересов отечественного капитала
9	Уровень жизни граждан	Неожиданно низкий	Неожиданно высокий

Типология, указанная в таблице, имеет два немаловажных исключения, а именно: Литву среди стран Вышеграда и Прибалтики и Беларусь среди стран СНГ. Как видно из Таблицы 2, литовская политика не совпадает с общими характеристиками политики стран Вышеграда и Прибалтики по критериям 3, 5 и 6, в то время как белорусская политика нетипична для стран СНГ по критериям 3-7, т.е. по большинству из них.

То, до какой степени литовская политика программна (критерий 3), определить трудно. Правда, что Литва имеет развитую многопартийную систему, причем ее партии представлены и на региональном уровне. Здесь всегда функционировала официальная правящая коалиция, а не некая бесформенная «партия власти». Соответственно, литовским инкубентам в периоды выборов трудно рассчитывать на административный ресурс. Если

же данный инкубент не пользуется партийной поддержкой, его статус может иметь для него даже отрицательные последствия (как это было на президентских выборах 2002 г., когда В. Адамкус проиграл Р. Паксасу^{xiii}). Все это, казалось бы, доказывает именно программный характер литовской политики.

Однако, с другой стороны, общественно-политическая жизнь Литвы персонифицирована до такой степени, что создается впечатление, что, чтобы понять ее посткоммунистическую историю, достаточно изучить биографии десяти ее виднейших политиков. Во-вторых, с традиционной осью «правые-левые» здесь соседствует и другая: «традиционные лидеры – новые лидеры».

В условиях существования узко-олигархического сообщества элит и не всегда предсказуемого поведения массового избирателя новым политическим акторам легко накопить политический капитал и бросить серьезный вызов традиционной элите, как это и было сделано В. Адамкусом в 1997 г., А. Паулаускасом в 1997-2001 гг., Р. Паксасом в 1999-2003 гг., В. Успаских в 2004 г. Поэтому ключевым фактором в литовской политике является то, насколько успешно традиционные лидеры будут привлекать в свое сообщество новых акторов. Это удалось в случаях с Адамкусом и Паулаускасом, но не сработало с Паксасом.

Обаяние сильной личности в политических предпочтениях литовцев в значительной степени объясняет и девиации по критериям 5 и 6. В 1992 г. литовская элита достигла двух важных результатов. Во-первых, она, как мы уже знаем, обеспечила принятие конституции на основе полупрезидентства со слабым президентом. Во-вторых, была установлена смешанная избирательная система в парламент (сеймас), согласно которой половина депутатов избирается в одномандатных округах. Примечательно, что эта система функционирует в Литве до сих пор, в то время, когда даже Украина и Россия отказались от нее, отдав предпочтение чисто пропорциональным выборам.

В то время как в ходе реформы местного самоуправления страны Вышеграда и Прибалтики сделали ставку на его первичные органы (гмины в Польше, общины в Чехии и т.д.), Литва предпочла остановиться на его «мезонинном» звене – районах и городах. В результате, здесь появилось 60 муниципалитетов со средним число жителей в 58 тыс. человек. Другими словами, литовские муниципалитеты оказались крупнее даже многих российских городов и районов^{xiv}. Литовские мэры^{xv} превратились в один из важнейших резервов руководителей общегосударственного уровня.

Рассмотрение белорусской политики по критериям 2, 3, 4 и 5 показывает, что режим А. Лукашенко в общем и целом принадлежит к типу стран СНГ, но со значительными отклонениями. Во-первых, в отличие от русской, украинской и даже центрально-азиатской, белорусская клановая культура абсолютно монополистична. Например, кланы Б. Ельцина, Л. Кучмы и Н. Назарбаева были и остаются (Казахстан) относительно небольшими. Смысл политики этих президентов состоял в том, чтобы, опираясь на разные элиты, заставлять их в то же время соперничать друг с другом и, в конечном счете, нести ответственность за непопулярную политику. Лукашенко же допускает существование исключительно своего собственного клана и бдительно следит за тем, чтобы ни одна из внутриэлитных группировок не обрела самостоятельную электоральную машину. Более того, ему удалось уничтожить все подобные (внутриэлитные) кланы, будь то парламентский, министерский, финансово-олигархический, промышленный (отраслевой) или региональный. В нужный момент Лукашенко всегда напрямую обращается к массе и, заручившись ее поддержкой, яростно атакует их и сверху, и снизу^{xvi}. Что касается критерия 6, то, в отличие от Украины и Татарстана (рассмотренных выше), региональная политика Лукашенко является унитарной не только де-юре, но и де-факто. Главы областей подвергаются здесь систематической ротации по «географическому» принципу, дабы они не успели создать свою «вотчину»^{xvii}. В рамках критерия 7 белорусский лидер, в отличие от Кучмы, не считает нужным заботиться об улучшении своего

имиджа в глазах Запада путем демонстрации особой обеспокоенности проблемами местного самоуправления или отмены смертной казни.

Примечательно, что на протяжении шести столетий, начиная со средневековья и вплоть до 1991 г., Литва и Беларусь с небольшими перерывами входили в состав одного государства: Речи Посполитой, затем Российской империи, а в последний период – СССР. Вероятно, именно в длительном совместном проживании этих народов следует искать корень своеобразия их политического поведения, равноудаленного от двух основных стандартов – «вышеград-прибалтийского» и «СНГовского».

Изменения последних лет

На рубеже веков элиты стран СНГ пошли по пути пересмотра «патронного президентства» как комбинации сильного президента и клиентализма, основанной не только на крайней персонификации власти, но и на стремлении правящих кланов оставаться у власти любой ценой. Уязвимость этой системы заключалась в том, что любая неопределенная ситуация – смерть или болезнь президента, конституционный запрет третьего президентского срока для данного лица, давление международного сообщества и т.п. – могла обернуться для правящей элиты «феноменом оползня» (landslide). В обычных условиях клиенталистская политика инертна, меркантильна, закрыта для посторонних глаз, однако при «патронном президентстве» политики, если нужно, обращаются за помощью к массе и стремятся ее мобилизовать, используя для этого различные идеологические конструкции (типа «европейского пути», например). Именно этим объясняются недавно произошедшие внезапные смены власти в Грузии, на Украине и в Кыргызстане. Иначе говоря, условие критерия 2 («вечно правящая партия»), ныне можно считать утраченным.

Как только политики убеждались в вероятном успехе Путина или Ющенко, они массами устремлялись в лагерь будущих победителей. До лета 1999 г. мало кто предвидел победу наследника Ельцина на президентских выборах

следующего года, так как (в отличие от 1996 г.) тогда существовала весьма популярная внутрисистемная оппозиция. Крайне сомнительные (и загадочные по сию пору) террористические провокации в Москве и Дагестане изменили ситуацию коренным образом^{xviii}. Не исключено, что головокружительная победа в декабре 1999 г. и в марте 2000 г. в первую очередь ужаснула самого победителя и его ближайшее окружение: «феномен оползня» может сработать против них всегда, особенно в 2008 г.

Возвращение Молдавии к парламентскому режиму в 2000 г. было вызвано не более, чем личностным столкновением ключевых акторов. Об этом свидетельствует тот факт, что непримиримые в недалеком прошлом идейные противники, В. Воронин и М. Снегур, заключили союз исключительно с целью отстранить П. Лучинского от власти. Парадоксально, что в Молдавии институт парламентского президента был введен после аналогичной (и вполне неудачной!) попытки словаков. Дело в том, что молдавские депутаты в стремлении как-то компенсировать переход от всенародного способа избрания президента к парламентскому установили чрезмерно высокую норму для его избрания палатой («за» должны проголосовать не менее 3/5 ее членов). И если Молдавии в 2001-2005 гг. удалось не повторить судьбу Словакии 1990-х (там кризис был вызван невозможностью избрания президента), то только благодаря внушительной победе коммунистов на выборах 2001 г. Повторить свой успех в 2005 г. они уже не смогли^{xix}. Избежать политического кризиса на этот раз Кишиневу помогло вмешательство Соединенных Штатов. Собрав лидеров оппозиции, американский посол сообщил, что США устраивает прозападный «коммунист», который поддерживает расширение НАТО и Евросоюза и принимает жесткие мероприятия против Приднестровья^{xx}, и «рекомендовал» оппозиционерам поддержать Воронина. В результате, в новом парламенте оппозиции Воронину практически не существует.

На Украине пропрезидентские силы, предвидя возможность поражения наследника Кучмы в противостоянии с Ющенко (об этом говорили

результаты социологических опросов, проведенных в 2003 г.), постарались трансформировать полупрезидентскую систему в парламентскую. Для того, чтобы вовлечь в этот проект коммунистов и социалистов, они предложили переход к системе чисто пропорциональных парламентских выборов. Хотя предложенная конструкция предопределяла поддержку реформы «слева», открытый бунт некоторых пропрезидентских депутатов все-таки похоронил ее^{xxi}.

Эти три примера отражают общую тенденцию трансформации политических режимов в странах СНГ. При всех их особенностях, правящие кланы России, Молдавии и Украины одинаково осознали непредсказуемость «патронного президентства» и предпочли трансформировать его в систему парламентской олигархии по типу Институциональной революционной партии Мексики или Либерально-демократической партии Японии, которые по времени своего пребывания у власти скоро побьют рекорд КПСС. В результате зашатался первый, «конституционный» критерий государства СНГовского типа, а критерии 5 и 6 стали меняться. Российская правящая элита стремится построить крупномасштабную, организованную и дисциплинированную партию; «Наш дом Россия» образца 1990-х годов ее уже не устраивает. Для того, чтобы сплотить депутатов партийной дисциплиной, украинская и российская элиты ввели чисто пропорциональную систему парламентских выборов, негодную в условиях клиентализма. Региональные реформы Путина пока находятся в рамках «централизованного касикизма», так как, несмотря на введение системы назначения глав регионов, российский Президент, как правило, выдвигает на эти посты либо инкубентов, либо кого-то из местных «нотаблей». Однако ввиду ожидаемого укрупнения регионов федеративные отношения между общегосударственными и региональными руководителями не могут не измениться коренным образом. Все перечисленные меры были предприняты для консолидации сообщества элит ради предотвращения неопределенности во время грядущей смены первого лица государства.

Кроме того, гражданам России и СНГ, похоже, окончательно надоели двойные стандарты западной демократии. Помимо событий в Ираке и в бывшей Югославии или проблем с правами человека в Латвии и Эстонии (для русскоязычной части их населения) можно привести множество других примеров такой «двойной бухгалтерии». Так, в ходе президентских выборов на Украине в 2004 г. и парламентских выборов в Молдавии в 2005 г. было зафиксировано примерно одинаковое количество нарушений, но международным сообществом первые почему-то были признаны нелегитимными, а вторые – легитимными, хотя и «тем не менее»^{xxii}. К сожалению, разочарование в западной демократии не может не укреплять в россиянах уверенности в собственных ценностных ориентациях. Во всяком случае менталитет по критерию 7 («цитировать, не читая») сегодня в России потерян.

Повторяю, вполне оспариваемо, до какой степени вышеописанные изменения в странах СНГ сегодняшнего дня сознательны и стратегически просчитаны. Тем не менее, мы наблюдаем в них определенную логику и последовательность. «Патронное президентство» как комбинация сильного президента и клиентализма было изобретено применительно к эпохе передела собственности и для борьбы с левой частью политического спектра. Ныне передел завершен, а левые силы во всех государствах СНГ превратились в маргиналов (парадоксально, что они остаются влиятельными в странах Вышеграда и в Литве). С другой стороны, при расколе правящих кланов «патронное президентство» оказалось слишком хрупкой «материей». Поэтому правящие элиты стран СНГ стремятся преобразовать политические режимы по типу более стабильной парламентской олигархии.

ⁱ Группа Вышеграда из Чехословакии (нынешних Чехии и Словакии), Польши, Венгрии состоялась в результате собрания первых лиц этих стран в феврале 1991 г. в г. Вышеграде, Венгрия. Достигнув первоначальной цели, ликвидацию остаток коммунизма и региональное сотрудничество в Восточно-Центральной Европе, она стала спящей. В 1998 г. кооперация группы Вышеграда заново активизировалась в связи с грядущим расширением НАТО и Евросоюза, которые достигались (1999 и 2004 гг. соответственно).

ⁱⁱ Словакия перешла от парламентской к полупрезидентской системе в 1998 г.

ⁱⁱⁱ Литовского и польского президентов не следует считать прямыми наследниками ЦК местных компартий хотя бы потому, что в их руках сосредоточено меньше властных полномочий. К тому же свержение

однопартийной системы и введение полупрезидентства в этих странах разделял значительный промежуток времени: 1989-1992 гг. в Польше и 1990-1992 гг. в Литве.

^{iv} Hale H. *Democracy and Revolution in the Postcommunist World: From Chasing Events to Building Theory* // Working Paper. № 24. Program on New Approaches to Russian Security (Washington, DC: Center for Strategic and International Studies. April 2005). P. 10.

^v О понятии «касикизм» см.: The Caciques: Oligarchical Politics and the System of Caciquismo in the Luso-Hispanic World / Kern R. & Dolkart R. eds. Albuquerque, 1973; Matsuzato K. From Communist Boss Politics to Post-Communist Caciquismo – the Meso-Elite and Meso-Government in Post-Communist Countries // *Communist and Post-Communist Studies*. 2001. № 34. P. 175-201.

^{vi} В. Ющенко даже усилил принцип Кучмы (вернее, традицию позднего социализма) назначать первых лиц регионов из числа местных руководителей. Согласно анализу Олександра Сыньоокого, в ходе массового переназначения местных руководителей после «оранжевой революции» (всего на Украине 27 регионов) он назначил только двух «неместных» губернаторов – в Крыму и Днепропетровске.

^{vii} Подробнее см.: Matsuzato K. From Ethno-Bonapartism to Centralized Caciquismo: Characteristics and Origins of the Tatarstan Political Regime, 1990-2000 // *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2001. Vol. 17. № 4. P. 43-77.

^{viii} Чехия с ее 10 млн. населения разделена на 6 233 муниципалитета, на территории каждого из которых в среднем проживает 1600 человек (European Commission. *A Europe of Towns and Cities: A Practical Guide to Town-Twinning*. Luxemburg, 1997. P. 124-125). Латвия, население которой составляет 2,5 млн. человек, имеет 560 муниципалитетов (Council of the Baltic Sea States. *Local Democracy in the CBSS Member States: A Survey with Recommendations*. Copenhagen, 2000. P. 56).

^{ix} Что касается стран Прибалтики, то, учитывая их размеры, Евросоюз не стал добиваться введения в них сильного регионального самоуправления.

^x О примере Польши, например, см.: Ferry M. *The EU and Recent Regional Reform in Poland* // *Europe-Asia Studies*. 2003. Vol. 55. № 7. P. 1097-1116.

^{xi} Ответной акцией Германии стало ускорение переговоров с Россией по поводу Северного нефтепровода через Балтику. Польские эксперты с тревогой комментировали подписание российско-германского договора на этот счет в апреле 2005 г., усматривая в нем некоторую аналогию пакту Риббентропа-Молотова 1939 г. – См.: Nowakowski J.M. & Woźniak P. *Gazowe okrazenie Polski* // *Wprosz*. 2005. Nr. 27 (July 10). S. 84-89.

^{xii} Мацузато К. Субрегиональная политика в России – методика анализа // Третье звено государственного строительства России. Подготовка и реализация Федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Саппоро, 1998. С. 12-35.

^{xiii} Во время этих президентских выборов инкумбента Адамкуса поддерживала одна только Консервативная партия. В результате, как рассказывал автору этих строк советник президента в 1998-2003 гг. Д. Куолис, на местах сторонники Адамкуса часто попадали в трудную ситуацию: его открытая поддержка могла осложнить их деятельность в местных Советах, в которых нередко преобладали соперники консерваторов. – Интервью с Д. Куолисом. Вильнюс, 5 августа 2004 г.

^{xiv} Matsuzato K. Last Bastion of Unitarism? Local Institutions, Party Politics, and Ramifications of EU Accession in Lithuania // *Eurasian Geography and Economics*. 2002. Vol. 43. № 5. P. 384-385.

^{xv} Так здесь именуются как главы городов, так и руководители муниципалитетов.

^{xvi} Matsuzato K. An Island of Populism in an Ocean of Clan Politics: The Lukashenka Regime as an Exception among CIS Countries // *Europe-Asia Studies*. 2004. Vol. 56. № 2. P. 235-261.

^{xvii} Ibid. P. 250-251.

^{xviii} Политические процессы в России в судьбоносном для нее 1999 г. подробно рассмотрены Генри Гейлом. – См.: Hale H. *The Origins of United Russia and the Putin Presidency: The Role of Contingency in Party-System Development* // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2004. Vol. 12. № 2. P. 169-194.

^{xix} На парламентских выборах 2001 г. молдавские коммунисты получили 71 депутатский мандат из 101, а в 2005 г. – только 56.

^{xx} Интервью с Владимиром Мокряк, заведующим кафедрой конституционного права Независимого международного университета. Кишинев, 1 июня 2005 г.

^{xxi} Matsuzato K. Semipresidentialism in Ukraine: Institutional Centrist in Rampant Clan Politics // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 45-58.

^{xxii} Демократия second hand // Молдавские ведомости. 2005, 17 мая. № 36. www.vedomosti.md/index.asp?doc=1_5&nom=734

Д.С. Жуков, Н.Е. Зудов

*Избирательное право и парламентаризм в самоуправляющихся колониях
Британской империи (вторая половина XIX века)*

Система жесткого военно-административного контроля страны-матери над переселенческими колониями и политика протекционизма, понёвшие сокрушительное поражение ещё в ходе войны за независимость североамериканских колоний, к концу 30-х гг. XIX в. окончательно изжили себя. Государственные деятели метрополии не могли не считаться с тем, что к концу 30-х гг. XIX в. некоторые североамериканские колонии достигли такого высокого уровня социально-экономического развития, при котором они могли потребовать и усвоить больше прав в области управления, нежели ранее.

В сохранении дорогостоящего военно-административного контроля, таким образом, объективно не были заинтересованы ни метрополия, ни передовые колонии. Это обстоятельство делало опасным для империи продление прежних отношений между страной-матерью и её заокеанскими владениями. Требовалась некая новая стратегия имперского строительства применительно к белым колониям.

В 1830-х гг. складывается новое – надпартийное – представление о дальнейших путях развития империи, сторонники которого объединяются в исследовательской литературе под названием «колониальные реформаторы». К этому направлению исследователи причисляют Э. Уэйкфилда, Ч. Буллера, Дж.С. Милля, У. Мольсфорта, лорда Дарема, лорда Элджина, Джона Рассела, лорда Грея и др.ⁱ. «К счастью для империи, – пишет американский исследователь С.Стембридж, – колониальные реформаторы предложили альтернативу дилемме “контроль или крушение” – той самой дилемме, которая выражала подход старых охранителей и сепаратизм политэкономистов и радикалов»ⁱⁱ. Эта альтернатива представляла собой колониальное самоуправление, которое было по существу способом

адаптации империи к изменившимся социально-экономическим и политическим условиям. Предполагалось, что предоставление колониям большей самостоятельности во внутренних делах, а также сокращение военных расходов страны-матери сделают империю более выгодной как для колоний, так и для метрополии. Именно это должно было обеспечить стабилизацию и сохранение колониальной империи.

Самоуправление фактически являлось перенесением британской политической модели – её институтов и принципов функционирования – в колонииⁱⁱⁱ. Реформирование имперской административно-политической структуры являлось колоссально сложной задачей – как в практическом, так и в теоретическом плане – и затянулось на многие десятилетия. Этот процесс не был синхронным в разных колониях. Он обычно распадался на несколько этапов. «История колониального развития, – поясняет юрист XIX в. А. Кейт, – иногда прослеживается – при нормальном развитии колонии – как последовательный переход от коронной колонии (формы управления, в рамках которой законодательная и исполнительная власть принадлежит Короне и офицерам, назначаемым Имперским правительством и ответственным перед ним) к представительному правлению^{iv} (при котором легислатура колонии составляется избираемыми представителями народа, хотя исполнительная власть всё ещё остаётся в руках Имперского правительства), а отсюда – к ответственному правительству^v, повторяющему, насколько это возможно в колониях, формы министерского правительства дома»^{vi}. Иначе говоря на последней стадии развития колониального самоуправления в колонии создавалось правительство, ответственное перед избранным колонистами парламентом.

Флагманом имперских реформ стала Канада, где после восстания 1837 года новый губернатор – лорд Дарем – предложил ввести систему ответственного правительства, что и было сделано в 1848 году при губернаторе лорде Элджине. Вслед за Канадой на рубеже 40 – 50-х гг. самоуправление было даровано некоторым другим североамериканским колониям, а также четырём

австралийским колониям. В 1852 г представительное собрание было учреждено в Новой Зеландии и Капской колонии.

Противоречие, возникшее в политической системе в связи с учреждением в колониях легислатур, имело своим источником тот очевидный факт, что самоуправляющиеся колонии были объединены подданством Короны, а не представительством в общеимперском парламенте. Имперский парламент избирался лишь жителями Соединённого королевства. Иначе говоря, британец, пересекая океан, терял право выбора в Имперский парламент или же терял возможность приобрести это право; но при этом переселенец оставался подданным Её Величества. Даже в начале XX века юридический консультант британского парламента Г. Дженкинс совершенно чётко утверждает, что монарх «это более очевидное и значительное связующее звено, нежели парламент, между Соединённым королевством и британскими владениями»^{vii}. Колонии, таким образом, являлись отдельными социально-политическими общностями, внутри которых функционировал один тип политической организации – парламентская демократия, – но связаны которые были в соответствии с другой моделью – монархической.

Г. Дженкинс утверждал, что «британские владения... являются подчиненными членами и зависимостями империи, а не членами федерации, поскольку члены федерации принимают участие в выборах центральной высшей власти федерации»^{viii}.

Впрочем, идея создания общеимперского законодательного органа имела немало приверженцев среди тех сторонников имперской консолидации, которые считали необходимым использовать именно этот вариант адаптации парламентской демократии к имперским потребностям^{ix}. Однако эта идея не была востребована, поскольку её осуществление вело не только лишь к трансляции британской политической модели в колонии, но и к кардинальному изменению британской политической модели в самой Британии. Во-первых, расстановка политических сил в некоем общеимперском парламенте могла сложиться невыгодно для существующих

партий и группировок. А во-вторых, формирование общеимперского парламента в дополнение к Британскому парламенту или превращение последнего в действительно общеимперский могло привести в перспективе к тому, что колонии имели бы влияние на принятие решений относительно самого Соединённого королевства. Подобные опасения выражал, например, лорд Блечфорд, который полагал, что идея имперской конфедерации (т.е. созыва общеимперского парламента) была безнадежна. Британия, считал он, не подчинилась бы договоренности, в которой «она была бы однажды превзойдена по численности колонистами и, следовательно, управляема ими»^x.

Что же представляли собой колониальные парламенты?

Так в Капской колонии в 1850 году по распоряжению Британского правительства губернатор был уполномочен собрать «учредительный (constituent) совет» для выработки приемлемой формы правления. Этот орган разработал и принял 3 апреля 1852 года конституцию колонии – Конституционный Ордонанс^{xi}. Этот документ был подтвержден Королевой (то есть Имперским правительством) 2 марта 1853 года и вступил в силу после его официального объявления 1 июля 1853 года^{xii}.

Конституционный Ордонанс определил устройство представительного органа. Губернатор и его исполнительный совет продолжали оставаться неответственными перед легислатурой. Парламент состоял из двух избираемых народом палат: верхней – «Законодательного Совета» (первоначально 15 представителей)^{xiii} – и нижней – «Палаты Ассамблеи» (первоначально 46 представителей)^{xiv}.

Колония была разделена на 22 избирательных округа (по 11 округов на Западе и Востоке)^{xv}. Каждый из 22 округов посылал по 2 представителя в Ассамблею, за исключением Кейптауна, который избирал 4 представителей^{xvi}. Жители восточных округов все вместе избирали семерых членов Законодательного Совета; жители западных округов – восьмерых^{xvii}.

Существовали избирательные цензы (возрастной, имущественный, оседлости)^{xviii}, определяющие право участвовать в выборах как Ассамблеи, так и Совета^{xix}. Цензы для избираемых в нижнюю палату были почти аналогичны цензам для избирателей. Цензы для избираемых в верхнюю палату были значительно выше^{xx}. По мнению А. Тодда, верхняя палата является необходимым элементом самоуправления, поскольку «она уравнивает демократическое превалирующее влияние в популярной и более могущественной Ассамблее; она представляет собой некую защиту от поспешных, опрометчивых и необдуманных законов и действий и служит для второго – умеренного и здравомыслящего – обсуждения дел, в противовес первому – импульсивному – обсуждению в нижней палате»^{xxi}.

Губернатор в качестве представителя Короны обладал правом распустить Совет и Ассамблею^{xxii}.

Сессии парламента должны были проходить не реже, чем один раз в год^{xxiii}.

Численность депутатов палат, сроки их полномочий и состав избирательных округов в дальнейшем менялись, но принцип деления колонии на запад и восток и соотношение восточных и западных представителей в легислатуре оставались прежними длительное время. В 1874 году была принята поправка к Конституционному Ордонансу, в соответствии с которой колония была разделена на 7 избирательных округов, каждый из которых посылал 3 членов в верхнюю палату^{xxiv}.

Подобным образом парламенты были устроены и в других самоуправляющихся колониях Великобритании. Конечно же, число депутатов могло быть различным, в каждой колонии существовали и другие специфические детали в избирательном законодательстве. Однако в принципе и избирательное законодательство, и парламентское устройство мало чем отличались^{xxv}.

Создание в колонии парламента по образцу британского вызывало, на наш взгляд, своего рода конфликт супрематий^{xxvi} колониальной и имперской легислатур. Характерное для британской конституции неограниченное

всевластие Имперского парламента наталкивалось в самоуправляющейся колонии на деятельность местного парламента, обладавшего, соответственно, верховенством в местных делах. Формальное первенство, безусловно, признавалось за Имперским парламентом: «Каждая местная легислатура... облачена верховной властью в пределах колонии для поддержания мира, порядка и хорошего управления её жителями. Эта супрематия местной законодательной власти является, конечно же, объектом верховенства Имперского парламента над всеми нижестоящими и подчинёнными легислатурами в империи»^{xxvii}.

Однако заметим, что в рамках британской политической модели очевидный источник легитимности и супрематии парламента заключается в том, что парламента является выборным представительным органом. В колониях, усвоивших британскую политическую модель, колонисты избирали не Имперский, а местный парламента. В то же время верховенство Имперского парламента в колонии обосновывалось подчинённым положением последней. Таким образом, влияние и формально закреплённые права Британского парламента в самоуправляющейся колонии подтачивались теми неписаными, но фундаментальными политическими принципами и традициями, которые были привнесены в колонию вместе с британскими политическими институтами.

ⁱ Дронова Н. В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е годы XIX века). Тамбов, 1998. С. 14-21.; Грудзинский В.В. Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996. С. 15.

ⁱⁱ Stembridge S. R Parliament, the Press and the Colonies. (1846-1880). N.-Y. – L., 1982. P. 272.

ⁱⁱⁱ Maitland F. W. The Constitutional History of England. Cambridge, 1908 // Colonial Rule in Africa. Reading from Primary Sources. Wisconsin, 1979. P. 25.

^{iv} Наряду с термином «представительное правление» в качестве его синонимов могли употребляться термины «парламентское правление», «парламентские институты».

^v На этой стадии развития самоуправления исполнительная власть осуществлялась не столько губернатором колонии, сколько министрами, назначаемыми и смещаемыми колониальным парламентом и ответственными перед ним. Термин «ответственное правительство» подразумевает, прежде всего, наличие реальной власти в руках министров, в противовес отсутствию таковой у членов Исполнительного совета при губернаторе в условиях представительного правления. Обладание реальной властью сопряжено, в соответствии с британской конституционной традицией, с ответственностью должностного лица за свои действия. Жуков Д.С. Правовые проблемы имплантации британской политической модели в имперскую административно-политическую структуру (30 – 90-е гг. XIX в.) // Актуальные проблемы всеобщей истории: межвузовский научный сборник статей. Вып. 3. Ростов-на-Дону: издательство РГПУ, 2004. С. 239 – 251. Жуков Д.С. Правовые основы взаимодействия центральной и колониальной администраций в Британской империи во второй половине XIX века // Историко-правовой вестник. Вып. 1: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.С.Туманова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 325 – 331. Жуков Д.С. Британский имперский опыт

региональной интеграции: объединение без унификации // Проблемы истории международных отношений в новое и новейшее время (сб. ст.). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. С. 7 – 15. Жуков Д.С. Конфликт как структурообразующий фактор британской имперской административно-политической системы (30 – 70-е годы XIX века) // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте. Тезисы международной конференции (Москва, 20-22 апреля 2006 г.). М.: Издательский центр РГГУ, 2006. С. 152 – 154.

^{vi} Keith A. B. *Responsible Government in the Dominions*. L., 1909. P. 1.

Термин «самоуправление» употреблялся современниками иногда как синоним «ответственного правительства», а иногда – для обозначения системы управления, отличной от коронной колонии. Во втором случае самоуправление, в зависимости от уровня его развития, могло быть и «ответственным правительством», и «представительным правлением». Здесь и далее мы употребляем термин «самоуправление» в его расширенной трактовке, поскольку, как ниже будет показано, ответственное правительство понималось современниками лишь как некоторое добавление к представительному правлению.

^{vii} Jenkyns H. *British Rule and Jurisdiction beyond the Seas*. Oxford, 1902. P. 12.

^{viii} Jenkyns H. *Op. cit.* P. 23.

^{ix} См. Дронова Н.В. Люди и идеи... Глава пятая «Проект федеративного устройства Британской империи и его критики»; Грудзинский В.В. На повороте судьбы... С. 47-51.

^x Stenbridge S.R. *Op. cit.* P. 256-257.

^{xi} *The Cape of Good Hope Constitution Ordinance // Select Constitutional Documents Illustrated South African History... P. 45-55.*

^{xii} *Ibid.* P. 45.

^{xiii} *Ibid.* P. 46.

^{xiv} *Ibid.* P. 48.

^{xv} *Ibid.* P. 46-47.

^{xvi} *Ibid.* P. 50.

^{xvii} *Ibid.* P. 46-47.

^{xviii} Возрастной ценз для избирателя – 21 год (*The Cape of Good Hope Constitution Ordinance. Sec. 10 // Select Constitutional Documents... P. 49*); ценз осёдлости – 12 месяцев; имущественный ценз – недвижимое имущество или земля на общую сумму 25 фунтов стерлингов или же получение дохода (жалования или зарплаты) не менее чем 50 фунтов в год. В 1873 году в западной части колонии проживало 21 тыс. 406 избирателей, в восточной – 18 тыс. 120. (*Theal G. M. Op. cit. Vol. 5. P. 141.*)

⁷³ *The Cape of Good Hope Constitution Ordinance. Sec. 8 // Select Constitutional Documents... P. 48.*

^{xx} Член Законодательного Совета должен был обладать недвижимым имуществом на сумму не менее 2 тыс. фунтов стерлингов в той части колонии (восточной или западной), от которой избирался. Если кандидат не владеет недвижимостью на сумму на 2 тыс. фунтов, он может избираться, если является владельцем движимого и недвижимого имущества, в совокупности оценённых в 4 тыс. фунтов. Возрастной ценз для члена верхней палаты – 30 лет. *The Cape of Good Hope Constitution Ordinance. Sec. 33 // Select Constitutional Documents... P. 49.*

^{xxi} Todd A. *Parliamentary Government in the British Colonies*. 2 ed. L., 1894. P. 698.

^{xxii} *The Cape of Good Hope Constitution Ordinance. Sec. 74 // Select Constitutional Documents... P. 52.*

^{xxiii} *Ibidem.*

^{xxiv} *Constitution Ordinance Amendment Act, 1874 // Select Constitutional Documents... P. 64-65.*

^{xxv} *An Act for the Government of New South Wales and Van Diemen's Land // The Statutes: Second Revised Edition. L.: Stationery Office, 1893. Vol. VI. P. 998-1002; An Act to enable Her Majesty to assent to a Bill, as amend, of the Legislature of Victoria, to establish a Constitution in and for the Colony of Victoria // The Statutes: Second Revised Edition. L.: Stationery Office, 1895. Vol. IX. P. 532-542; An Act to grant a Representative Constitution to the Colony of New Zealand // The Statutes: Second Revised Edition. L.: Stationery Office, 1894. Vol. VIII. P. 1070-1075.*

^{xxvi} В научных трудах современников термин «супрематия» в данном контексте означает правомочность законодательного органа принимать акты, действие которых приоритетно перед действием актов любых других legislatur. В строгом смысле слова супрематией с точки зрения британской конституции мог обладать лишь Имперский парламент. Однако довольно часто супрематия приписывалась и колониальным парламентам. В этом случае речь идёт о некоей «подчинённой» или «ограниченной» супрематии.

^{xxvii} Todd A. *Op. cit.* P. 159.

*Президентские выборы 1912 г. в США:
внешнеполитические аспекты «новой свободы» Вудро Вильсона*

Президентские выборы 1912 г. по ряду своих особенностей стали знаковым событием политической истории СШАⁱ. Во-первых, на этих выборах была разрушена давняя двухпартийная традиция: борьба за Белый дом тогда развернулась между тремя кандидатами. Помимо республиканцев (У. Тафт) и демократов (В. Вильсон) в роли вполне реального кандидата на высший государственный пост выступил тогда авторитетный политик и экс-президент США Т. Рузвельт, выдвинутый от Прогрессивистской партии. Во-вторых, итоги выборов 1912 г. положили начало новому этапу политических и социально-экономических реформ, вошедших в американскую историю под названием «Новая свобода». Какую роль в программе «Новой свободы» занимали внешнеполитические аспекты? Данная проблема, как правило, остается малоисследованной, поскольку лидер победившей на выборах Демократической партии Вудро Вильсон не считал внешнюю политику приоритетной для своей администрации. Тем не менее, именно международные дела с первых же дней его пребывания в Белом доме окажутся в центре внимания президента. Все это делает актуальным обращение к внешнеполитическим аспектам президентских выборов 1912 г. Знакомство с источниками позволяет, прежде всего, рассмотреть основополагающие представления Вильсона о концепции президентской власти. Еще в период своей работы в Принстонском университете он не раз указывал на то, что политическая обстановка требует модифицировать действие конституционного принципа «сдержек и противовесов». По сути, Вильсон говорил о необходимости увеличения власти президента. Целесообразность такой модификации он связывал с «революцией во внешней политике», сделавшей США постоянным участником мировых делⁱⁱ. Аргументируя эту мысль, в рукописи «Кредо», подготовленной в 1907 г. для

руководства Демократической партии, Вильсон делал однозначное заключение: расширение властных функций президента вполне закономерно, поскольку только он является единственным в правительстве «прямым представителем нации». Таким образом, можно согласиться с точкой зрения российского историка А.А. Поршаковой, назвавшей эти вильсоновские подходы «концепцией имперского президентства»ⁱⁱⁱ.

Еще в 1908 г. Вильсон в кратком плане к очередному выступлению указал на необходимость решения таких важнейших, по его мнению, внешнеполитических проблем, как достижение международного взаимопонимания, создание союза англо-говорящих народов, преодоление «главной опасности для Америки – изоляции и провинциализма». Призывая отказаться от изоляционизма, он не забывал о самоценности «американской миссии»: «Сейчас мы должны думать в рамках всего мира, а не только в границах Америки. ...Мы уже достигли определенного уровня международной ответственности, и этим мы уже не вправе пренебрегать». Поскольку Америка была рождена в результате «импульса интеллектуальной и духовной свободы», то ее главная задача всегда будет связана с расширением границы этой свободы^{iv}. Высказывался Вильсон и по поводу возможных средств реализации указанных им внешнеполитических задач Америки. Например, в 1911 г. в публичном выступлении он ратовал даже за «войну с гуманными целями», которая принесла бы мир, за войну против зла, которая сделала бы нескончаемым процесс реформ. «Я не буду кричать “мир” ... пока на земле есть грех и зло»^v.

В тот период Вильсона интересовали и конкретные внешнеполитические проблемы, с которыми сталкивались Соединенные Штаты. Одна из них – обострение русско-американских отношений в связи с еврейским вопросом. В письме журналисту Г. Бернштейну (6 июля 1911 г.) Вильсон с неодобрением указывал на «дискриминационные меры, осуществляемые русским правительством» против граждан иной веры. Исходя из этого, он поддержал обсуждаемое тогда предложение о расторжении русско-

американского торгового договора. Позднее, выступая на митинге протеста, Вильсон подчеркнул, что этими мерами российские власти ущемили не только интересы своих подданных, но и интересы американцев: «Они не евреи из Америки, они американские граждане»^{vi}.

В целом же внешнеполитические аспекты оставались на периферии президентской кампании Вильсона 1912 г. Однако именно в этот период взгляды Вильсона претерпели заметную эволюцию от консерватизма к прогрессизму^{vii}. Постоянным рефреном большинства его выступлений (в том числе и затрагивавших проблемы внешней политики) стала борьба против так называемых «специальных интересов», под которыми он понимал интересы крупных корпораций. В этой связи Вильсон вновь апеллировал к историческому предназначению Америки. В одном из выступлений в 1910 г. он заявил, что задача США состоит не в том, чтобы править миром, прибегая к силе, или накапливать богатства. Америка, заключал Вильсон, «должна думать о мире», поскольку она «рождена служить примером преданности идеям справедливости, основанным на откровениях Священного писания»^{viii}. Главной темой президентской кампании 1912 г. Вильсон поначалу хотел сделать хорошо знакомую ему проблему тарифов. Но все его речи, затрагивавшие вопросы внешней политики, сводились исключительно к упрекам, адресованным республиканцам, которые во имя служения трестам отвергали, якобы, более важную проблему экспансии на рынках сбыта: «Наши внутренние рынки не могут нас более удовлетворять. Мы нуждаемся в иностранных рынках». Этот аргумент он повторял не раз, и поэтому американский историк Н. Левин назвал его «неизменным лейтмотивом» всей президентской кампании 1912 г.^{ix} Другими словами, кандидат от Демократической партии свел все внешнеэкономические аспекты своей программы к своей концепции «Новой свободы». Перспективы Америки, по мнению Вильсона, зависели от введения новых тарифов, сулящих неограниченные экономические возможности для всех. Но прежде Соединенным Штатам следовало увеличить число судов торгового флота.

При этом экспорт американских товаров Вильсон напрямую связывал с экспортом американских идей^x.

Кандидат в президенты не мог обойти вниманием и такой насущной для того времени проблемы, как сохранение мира. Выступая перед членами авторитетной общественной организации – Всеобщего союза мира, Вильсон перечислил стадии достижения мира: сначала следовало добиться «индустриального мира», затем – справедливости в двусторонних отношениях, а уже потом – обсуждать вопрос о международном мире. Последнюю стадию он сравнил с «правильно работающей машиной, в которой практически исключено трение, что обусловлено безупречностью конструкции». Говорил Вильсон и о роли международных судов, которые должны стоять на страже мира. Однако это выступление было практически единственным, где кандидат в президенты хоть как-то затронул проблемы международной безопасности. Один из руководителей Всеобщего союза мира, Эдвин Мид, писал Вильсону, что он огорчен отсутствием в программе Демократической партии каких-либо предложений относительно решения «наиболее настоятельной проблемы наших дней» – проблемы поддержания мира. По мнению Мида, именно США могли бы способствовать переходу от «угрожающей гонки вооружений» к новой эпохе «международного сотрудничества»^{xi}. Такое же впечатление от встречи с Вильсоном осталось и у журналиста Освальда Вилларда, записавшего в своем дневнике, что кандидат в президенты игнорировал большое количество актуальных политических проблем, в том числе и международных. Видимо, отмечал журналист, «они никогда его не привлекали». Во время этой встречи прозвучали ставшие уже традиционными призывы к борьбе за внешние рынки и к созданию большого торгового флота^{xii}.

Внешнеполитическая философия кандидата в президенты от Демократической партии становилась еще более понятной в связи с обсуждаемым в 1912 г. вопросом об иммиграции. В одном из писем Вильсон высказался по этому поводу, приведя в качестве примера Калифорнию, где

осело много выходцев из Японии и Китая: «Я стою за национальную политику ограничения иммиграции [из Азии. – *В.Р.*], в противном случае мы не добьемся гомогенности нации, столкнувшись с трудностью смешения рас». Конечно, Вильсон тотчас оговорился относительно незыблемого равенства всех граждан. Но это письмо стало поводом для газетной кампании против кандидата от демократов. Правда, пресса, подконтрольная У. Херсту, подняла шум, обвинив Вильсона в том, что он, якобы, поддерживает выходцев из Азии. В итоге Вильсон даже проиграл праймериз в штате Калифорния^{xiii}. Позиция Вильсона не осталась без внимания и поэтому 17 мая 1912 г. на беседе с представителями «Альянса итало-американцев» ему пришлось заявить, что у него никогда не было предубеждения против иммигрантов из Южной Европы. В сентябре того же года на очередной встрече с делегацией итало-американцев Вильсон прибег к тезису, который впоследствии не раз использовал во время Первой мировой войны: «Нам не следует говорить об итальянских американцах, германских американцах. Все мы – американские граждане»^{xiv}.

Таким образом, деятельность Вильсона накануне и в период президентских выборов 1912 г. способствовала завершению формирования его внешнеполитической философии. Это выразилось, прежде всего, в том, что его взгляды пополнились элементами «политического прагматизма». Вильсон попытался осмыслить экономические мотивы американской внешней политики и даже отдельные проблемы мировой геополитической ситуации. При этом «прогрессистские мотивы» вильсоновских выступлений были вполне адекватны имевшимся у него религиозно-нравственным убеждениям и вере в особое предназначение своей страны. Не будет преувеличением сказать о том, что идейные начала обозначенной в тот период вильсоновской внешнеполитической стратегии окажут огромное влияние на характер американской дипломатии на протяжении всего XX в.

ⁱ Подробнее см.: Согрин В.В. Политическая история США. М., 2001. С. 204-209; Иванян Э.А. История США. М., 2004. С. 332-336.

-
- ⁱⁱ *Wilson W.* Constitutional Government in the United States. N.Y., 1908. Цит. по: *The Papers of Woodrow Wilson / Ed.: Link A.S. et al.* Vol. 1-69. Princeton, 1966-1994 (Далее – PWW). Vol. 18. P. 99-100, 108, 120-121.
- ⁱⁱⁱ A Credo. Aug. 6, 1907 // PWW. Vol. 17. P. 337; *Поршакова А.А.* Вудро Вильсон: либерал по велению времени // *Либеральная традиция в США и ее творцы.* М., 1997. С. 179.
- ^{iv} Notes for an After-Dinner Speech. June 27, 1908 // PWW. Vol. 18. P. 347; After-Dinner Remarks in New York to the Friendly Sons of St. Patric. March 17, 1909 // *Ibid.* Vol. 19 P. 107.
- ^v An Address in Denver on the Bible. May 7, 1911 // *Ibid.* Vol. 23. P. 14-15.
- ^{vi} WW to H. Bernstein. July 6, 1911 // *Ibid.* P. 191; A News Report and An Address in New York Protesting Russian Discrimination against American Jews. Dec. 7, 1911 // *Ibid.* P. 586-587.
- ^{vii} *Link A.S.* Wilson: Road to the White House. Princeton, 1947. P. 32.
- ^{viii} A Campaign Address in Atlantic City, New Jersey. Oct. 13, 1910 // PWW. Vol. 21. P. 317-318; An Address in Denver on the Bible. May 7, 1911 // *Ibid.* Vol. 23. P. 18-20.
- ^{ix} *Levin N.G.* Woodrow Wilson and World Politics. America's Response to War and Revolution. N.Y., 1968. P. 14.
- ^x An Address on the Tariff to the National Democratic Club of New York. Jan. 3, 1912 // PWW. Vol. 23. P. 639, 641-642; A News Report of an Address to the Jersey City Board of Trade. Jan. 25, 1912 // *Ibid.* Vol. 24. P. 70; A Speech Accepting Nomination in Sea Girt, New Jersey. Aug. 7, 1912 // *Ibid.* Vol. 25. P. 16; A Crossroads of Freedom. The 1912 Campaign Speeches of Woodrow Wilson / Ed. by J.W. Davidson. New Haven, 1956. P. 33, 47, 115, 416-417, 487-488.
- ^{xi} A News Report of an Address in Philadelphia to the Universal Peace Union. Feb. 19, 1912 // PWW. Vol. 24. P. 182-183; E.D. Mead to WW. Aug. 10, 1912 // *Ibid.* Vol. 25. P. 19.
- ^{xii} From the Diary of Oswald Garrison Villard. Aug. 14, 1912 // *Ibid.* P. 25.
- ^{xiii} WW to J.D. Phelan. May 3, 1912 // *Ibid.* Vol. 24. P. 382-383; *Hennings R.E.* James D. Phelan and the Woodrow Wilson Anti-Oriental Statement of May 3, 1912 // *California Historical Society Quarterly.* Vol. 42, № 4 (Dec. 1963). P. 291-300.
- ^{xiv} News Report. May 17, 1912 // PWW. Vol. 24. P. 405-406; Remarks to an Italian-American Delegation at Sea Girt. Sept. 5, 1912 // *Ibid.* Vol. 25. P. 108-109.

СТРАТЕГИИ АНАЛИЗА ВЫБОРОВ

О.В. Гаман-Голутвина

Государственная Дума ФС РФ 1993-2003 гг.:

эволюция персонального состава*

Углубленному пониманию сущностных и функциональных особенностей российского парламентаризма, качественных и количественных параметров депутатского корпуса России способствовала реализация исследования «Государственная Дума Российской Федерации в 1993-2003 гг.: персональный состав и тенденции эволюции», реализованного под руководством автора этих строк. Упомянутое исследование было осуществлено в рамках масштабного общеевропейского мегапроекта «Парламентское представительство в Европе. 1848-2005 гг.». Предметом исследования в рамках данного проекта был персональный состав национальных парламентов европейских государств; предмет исследования был рассмотрен в процессе полуторавековой эволюции. Национальные корпуса парламентариев изучались по единой методике. Российская часть проекта была реализована при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда.

Анализ развития российского парламентаризма XX в. в общеевропейском контексте показывает, что этот феномен претерпел сложную эволюцию, в рамках которой естественным образом выделяются три основных этапа – начало XX века (1906-1917 гг.), советский период, постсоветский этап. *Важнейшим результатом* эволюции российского парламентаризма в XX в., аналогичным результатам парламентской эволюции в других европейских странах, является становление политики в качестве сферы профессиональной

---

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (грант № 03-621а).

деятельности и формирование корпуса профессиональных политиков – то есть тех, кто, в соответствии с известным определением М. Вебера, «живет для политики и за счет политики».

Несмотря на радикальный характер трансформации российского парламента и политической системы в течение последнего двадцатилетия (от мягкого авторитаризма 1980-х гг. к парламентской республике начала 1990-х и далее – к сильной президентской республике в соответствии с Конституцией 1993 г.), можно зафиксировать *тенденцию преемственности в формировании парламентского корпуса и его профессионализацию. Профессионализация парламентской деятельности стала ведущей тенденцией* этого нелинейного, сопряженного с противоречиями и возвратным движением, развития.

В историческом масштабе главной составляющей процесса профессионализации российских депутатов является то, что *современный парламент стал одним из важнейших институциональных каналов рекрутирования и ротации общенациональной политической элиты.* Обретение статуса полноправного участия политического управления, несмотря на все трудности и неоднозначный характер эволюции российского общенационального парламентаризма, представляет важнейший позитивный итог его столетнего развития.

Остановимся подробнее на характеристиках депутатского корпуса Государственной Думы ФС РФ всех четырех постсоветских созывов.

Возраст. Подавляющее большинство депутатов как российской ГД ФС РФ начала XX в., так и членов национальных legislatures большинства европейских стран принадлежит к возрастной когорте 40-55 лет.

Гендерный профиль. Изменение гендерного профиля большинства европейских парламентов – наиболее заметная тенденция эволюции депутатского корпуса европейских стран: начиная с 1970-х гг. наблюдался устойчивый рост представительства женщин при значительной межстрановой разнице по этому показателю. Лидером процесса были страны

Скандинавии; к ним примыкала Голландия. К середине 1980-х гг. разница между двумя полюсами в гендерном аспекте (Норвегия и Великобритания) достигла 30 %. В 1990-х гг. разница начала сокращаться.

Что касается отечественных реалий, то практика использования квотного принципа представительства женщин, использовавшегося в советский период, обеспечивала присутствие трети женщин в составе депутатского корпуса СССР. Отмена квотирования в постсоветской России привела, как и повсеместно в странах Восточной Европы, к значительному падению удельного веса женщин-парламентариев (хотя в Европе этот спад не стал столь обвальным): с 13,3 % в 1993 г. до 10 % в 2003 г. 10-процентный уровень представительства женщин в Государственной Думе близок в соответствующему показателю во Франции.

Образование. Обращает на себя внимание высокий уровень образования депутатов Государственной думы – практически 100 % из них имеют высшее образование (за исключением 4 человек в четвертом созыве), причем уровень образования неуклонно возрастал с 93,4 % в 1993 г. до 98,2 % в 2003 г. Многие депутаты Государственной Думы имеют два-три высших образования, ученые степени и звания. Так, 37,8 % членов депутатского корпуса всех четырех созывов имели научную степень. Из них в среднем по всем четырем созывам 22,5 % депутатов имели научную степень по юридическим наукам; 10,1 % – в области технических и естественнонаучных наук; 22,5 % – по гуманитарным, социологическим и экономическим наукам. Практически всеобщий уровень высшего образования отличает депутатов Государственной Думы от их коллег в ряде европейских парламентов, в которых удельный вес обладателей университетских дипломов составляет 80-90 %. Например, в Великобритании доля обладателей университетских дипломов во второй половине 1990-х гг. составляла около 80%.

Что касается *профиля образования* депутатов Государственной Думы, то наиболее весома обладателей дипломов о техническом и естественнонаучном образовании – в среднем по созывам 45,5 %. Немногим уступает этому

показателю удельный вес специалистов гуманитарного, социологического и экономического профиля – 43,8 %. Доля специалистов с юридическим образованием составляла 10,7 %; причем этот показатель постоянно снижался с 13,2 % в 1993 г. до 10,1 % в 2003 г.

Социально-профессиональный состав Государственной Думы. Обращает на себя внимание высокий удельный трех категорий – *представителей госсектора, военных* и той категории, которая в рамках данного исследования была определена как «*управленцы и предприниматели*». Представительство депутатов от госсектора в Государственной Думе во всех четырех созывах весьма значительно. Например, в рамках созыва 2003-2007 гг. оно составляет около половины депутатского корпуса.

Если обратиться к *динамике изменений*, то в Государственной Думе наблюдается тенденция к сокращению доли представителей госсектора: представительство всех отраслей госсектора снизилось с 60 % в 1993 г. до 50,6 % в 2003 г. Вдвое упала в составе депутатов доля госслужащих высшего эшелона – с 13,3 % в 1993 г. до 6,1 % в 2003 г. Учитывая, что большинство школ и вузов в Российской Федерации являются государственными, в эту же тенденцию вписывается заметное сокращение преподавательского сектора. Удельный вес учителей и преподавателей вузов снизился с 9,6 % в 1993 г. до 4,9 % в 2003 г., или в 1,9 раза. Но в целом представительство госсектора весьма основательно – около половины депутатов Государственной Думы.

Во многом высокий удельный вес госсектора в депутатском корпусе является следствием традиционно активной роли российского государства в политике и экономике страны. Снижение этого показателя в течение последних десяти лет является следствием роста удельного веса частного сектора в экономике России и высокого уровня его политической активности. Общеευропейская тенденция имеет иную направленность: в течение последних трех десятилетий удельный вес представителей госсектора возрастал. Тенденцию растущего этатизма политического класса ряда стран эксперты рассматривают также как обусловленную трансформацией ряда европейских

политических партий в пользу их сближения с государством, что, в свою очередь, является следствием активного участия государства в политике и экономике ряда европейских стран.

Весьма симптоматичной для социального представительства в Государственной Думе России выглядит существенное снижение числа «синих воротничков». Их доля в Государственной Думе снизилась с 2,4 % в 1993 г. до 0,2 % в 2003 г., или в 12 раз (хотя траектория снижения не была регулярной: во втором созыве 1995-1999 гг. доля этой категория даже возросла по отношению к предшествующему созыву). Таким образом, значительные социальные слои оказываются представленными непропорционально их доле в составе населения. В европейских странах удельный вес парламентариев из среды синих воротничков активно возрастал во всех странах в первой половине XX в., достигнув пика между 1920 и 1940 гг. После Второй мировой войны на смену этой тенденции пришло усиление представительства госсектора.

Уровень представительства добывающих *отраслей промышленности и сельского хозяйства* в ГД ФС РФ 1993-2003 гг. колебался от 7-8 % в первом и втором созывах к 5 % в четвертом созыве 2003-2007 гг. Аналогичные, или даже более низкие показатели наблюдаются в европейских парламентах.

По сравнению с другими европейскими парламентами обращает на себя внимание более низкий уровень в Государственной Думе *представителей юридических специальностей*. Среднеевропейский уровень этого показателя составляет 7 – 8 % практикующих юристов в национальных легислатурах.

Примерно на одинаковом уровне среди депутатов Государственной Думы держится представительство всех категорий *партийных функционеров и функционеров общественных организаций*: 10,7 % в 1993 г. и 9 % в 2003 г. (среднеевропейский показатель – 16-18 %).

Стабильно представительство в думском корпусе *свободных профессий* (в рамках данной методики практикующие юристы были выделены в отдельную категорию). Оно держится на уровне 10-11 % для всех четырех

созывов Государственной Думы. А число журналистов упало – с 9,6 % в 1993 г. до 4,1 % в 2003 г., или в 2,3 раза. Вероятно, это обусловлено снижением политической роли журналистики по сравнению с эпохой М. Вебера и рубежом 80-90-х годов XX в.ⁱ.

Наиболее значима позитивная динамика по двум категориям – *военным* и той категории, которая в рамках методики данного исследования определялась как «*управленцы различного уровня и предприниматели*». Доля военных в Государственной Думе возросла с 3,9 % в 1993 г. до 11,1 % в 2003 г., то есть 2,8 раза.

Рост представительства менеджмента и бизнеса в Государственной Думе является не столь впечатляющим: менеджеры и предприниматели нарастили свое участие в 1,5 раза: с 28,8 % в 1993 г. до 44,4 % в 2003 г.ⁱⁱ. Однако удельный вес этой категории, как видим, значителен. Среди европейских стран высокий удельный вес менеджеров и предпринимателей был зафиксирован в 1990-х гг. в Великобритании (30-35 %) и во Франции конца 1990-х гг. (25 %). Высокий удельный вес менеджеров и предпринимателей во Франции и Великобритании нетипичен для других стран: среднеевропейский показатель скромнее – около 12 %.

Высокий удельный вес крупного бизнеса и менеджмента в Государственной Думе может быть интерпретирован как обусловленный двумя причинами, несколько отличными для двух составляющих данную категорию групп. Что касается управленцев, то их высокий удельный вес может быть интерпретирован как обусловленный определенной инерцией общественного мнения, традиционно лояльного к факту присутствия управленцев в органах законодательной власти. В данном контексте представляют интерес данные относительно доли управленцев в составе Съезда народных депутатов СССР 1989 г. и Съезда народных депутатов РСФСР 1990 г. Известно, что в результате выборов 1989-1990 гг. депутатский корпус СССР и РСФСР значительно обновился, когда на волне общественного подъема в парламент вошло много новых лиц. Однако, несмотря на значительное обновление,

удельный вес представителей управленческого корпуса среди избранных в 1989-1990 гг. депутатов остался на чрезвычайно высоком уровне. При этом среди народных депутатов РСФСР, избранных в 1990 г. этот показатель был даже выше (78,2 %), чем в рамках депутатского корпуса СССР, избранного в 1989 г. (66 %).

Что касается репрезентации предпринимателей в Государственной Думе, то следует принять во внимание, что десятилетие 1993-2003 гг. стало в России периодом интенсивного формирования не только институтов рыночной экономики, но и создания юридической базы ее функционирования. Заинтересованность крупных экономических структур в позитивных результатах законодательной деятельности в этой сфере привело представителей многих из них в стены Государственной Думы. Анализ законодательной деятельности нижней палаты Федерального Собрания в этой связи показывает, что в течение 1994-2000 гг. правовая база рыночной экономики применительно ко всем ее ключевым сферам была создана. Активное участие в этом процессе принимали представители доминирующих субъектов рыночной экономики – крупных экономических структур.

Кроме того, активное участие крупного бизнеса в высшем законодательном органе Российской Федерации обусловлено решающей ролью парламента в принятии законов и распределении бюджетных средств.

Важной характеристикой Государственной Думы является *соотношение в ней различных политических сил*, и, прежде всего, соотношение влияния различных политических партий. Европейские политические партии на протяжении всего XX в. были доминирующим субъектом парламентского рекрутинга в своих странах. Большая роль партий в формировании национального парламента рассматривается экспертами в качестве важного показателя профессионализации парламентариев. Именно партии выполняли и продолжают выполнять до настоящего времени роль социального лифта, возносящего своих участников к вершинам парламентского Олимпа. Именно партийная карьера выступает важнейшим механизмом рекрутирования

членов парламентов Германии, Великобритании, Франции, Италии, Австрии и других европейских стран. Так, например, в 1998 г. 48 % членов Бундестага занимали ключевые позиции в своих партиях.

Анализ соотношения политического влияния партий показывает в результате парламентских выборов 2003 г. показывает заметное снижение присутствия коммунистов в Государственной Думе четвертого созыва. Эта партия потерпела на выборах 2003 г. ощутимое поражение, потеряв 15 % мест по сравнению с предыдущим созывом, что означает сокращение вдвое по итогам выборов представительства в Государственной Думе. Победы добились ЛДПР и блок «Родина», выступившие под национал-патриотическими лозунгами, успешно используя мобилизационные возможности своих лидеров и информационные ресурсы федеральных СМИ. Партии либерального направления – СПС и «Яблоко» остались вне стен Государственной Думы.

В результате последних выборов соотношение политических сил в рамках нижней палаты Федерального Собрания Российской Федерации изменилось. Во-первых, большинство обрели центристы. Во-вторых, вдвое уменьшилось представительство левой оппозиции. В-третьих, впервые в парламент вошли политические силы национал – патриотической ориентации. Вне Государственной Думы впервые оказались партии либерального направления. Отмеченные тенденции характеризуют существенное изменение политического профиля Государственной Думы, которая из оппонента исполнительной власти превратилась в ее сторонника.

Важной характеристикой депутатского корпуса является *связь парламентариев с регионами*. Для всех четырех созывов ГД ФС РФ характерен высокий удельный вес депутатов, у которых не совпадают место рождения, избрания и проживания. В первом созыве таких депутатов было 31,5 %, а в четвертом – 27,7 %. Доминирующим фактором связи с регионом остается совпадение места избрания и проживания.

Для понимания особенностей профессионализации российских депутатов важную роль имеют такие параметры, как *степень и характер преемственности парламентского корпуса, а также специфика политического опыта, определяющего преемственность депутатского корпуса*. Средний уровень обновления в национальных парламентах европейских стран составляет около 20-30 %; шансы инкубентов быть переизбранными, как правило, благоприятны: значительная часть парламентариев сохраняет мандат в течение трех и более сроков, обретая таким образом, важный опыт, способствует переизбранию. Анализ динамики обновления состава Государственной Думы ФС РФ выявляет следующие тенденции. Прежде всего, это стабильное снижение впервые избранных депутатов. Так, с каждым созывом Государственной Думы процент новичков снижается: с 66,5 % во втором созыве до 50,6 % в четвертом созыве. Так, в четвертом созыве работало 28 депутатов, которые были избраны в Государственную думу четыре раза – в 1993 г., 1995 г., 1999 г. и 2003 г. Трижды в Государственную Думу избиралось 50 депутатов, дважды – 144, а 228 депутатов были избраны в Государственную думу впервые. При этом со второго созыва происходит естественное снижение числа переизбранных без перерывов депутатов, а число избранных на три срока и более с перерывом возрастает. Таким образом, в рамках депутатского корпуса оформляется ядро – пул профессиональных парламентариев, которое с незначительными изменениями переходит в каждый новый созыв.

Что касается *значения и качества политического опыта, определяющего успешное избрание*, то следует различать *политический опыт советского и постсоветского периода*. В течение последнего десятилетия наблюдалось очевидное снижение влияния всех факторов традиционных форм советского политического опыта в качестве условия успеха на парламентских выборах.

Среди параметров политического опыта постсоветского периода важнейшим электорально значимым критерием является парламентский опыт: как отмечено выше, около половины депутатов четвертого созыва имеют

подобный опыт. Второе место удерживает лидерство в политических партиях и общественных организациях (30 %). Далее следует политический опыт на региональном и/или местном уровне. Этот показатель также стабилен и составляет около 20 %. Почти в два раза снижается влияние опыта работы в управленческих структурах постсоветского периода, что весьма логично, учитывая управленческую неэффективность данных структур. Значение этого фактора снижается почти в 2 раза: с 9,3 % в 1993 до 5,1 % в 2003 г.

***

Сопоставление постсоветского российского парламентаризма с европейским контекстом показывает, что отличительной особенностью постсоветского парламента РФ является высокий темп изменения его состава, политических ориентаций, партийной аффилиации. Это определено сложносоставной повесткой российского транзита, в ходе которого решались задачи не только политической трансформации (как это было в странах Латинской Америки и Южной Европы), но также создавались институты рыночной экономики и менялась социальная структура общества. Это обстоятельство наложило отпечаток как на состав, так и на особенности функционирования российского парламента. Он характеризуется неоднозначной динамикой процессов рекрутирования и ротации российских депутатов. Если изучение парламентского рекрутинга в других странах, в том числе в странах с длительной парламентской традицией, обнаруживает сосуществование в рамках одного парламента различных уровней, моделей и стилей представительстваⁱⁱⁱ, то логично ожидать весьма неоднозначных тенденций рекрутирования и ротации российской парламентской элиты.

ⁱ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990.

ⁱⁱ Представительство среднего и малого бизнеса в Государственной Думе крайне незначительно – 0,22 % в 1993 г. и 1,58 % в 2003 г., что примерно соответствует среднеевропейским показателям.

ⁱⁱⁱ Parliamentary Representation in Europe 1848-2000. Legislative Recruitment and Careers in Eleven European Countries / Ed. by H. Best, M. Cotta. Oxford: Oxford Press, 2000. P. 494.

Региональные выборы как фактор эволюции элит в России

В российской политической системе происходят важные изменения. С 2005 г. отменены губернаторские выборы. Меняется избирательная система: в регионах с 2003 г. в обязательном порядке вводится смешанная система, а следующие думские выборы пройдут по пропорциональной системе. Повышается заградительный барьер на выборах по партийным спискам. На думских выборах барьер составит 7 %, в регионах пока нет единой нормы, но отмечается тенденция к повышению барьера до 7 %, а иногда и до 10 %. Продолжается муниципальная реформа с созданием тысяч новых муниципальных образований и проведением в них выборов. Все эти изменения серьезным образом влияют не только на политическую систему, но и на эволюцию российских элит.

Отношения региональных элит с партиями определяют задачи следующих парламентских и отчасти президентских выборов. Нынешние выборы в законодательные собрания рассматриваются как праймериз федеральных выборов. В связи с предстоящими федеральными выборами «Единая Россия» должна решить принципиальную задачу – сохранение конституционного большинства в условиях измененной избирательной формулы. В этом случае в России появится партийная система с доминантной партией. По итогам региональных выборов пока можно говорить о двух сценариях.

Первый сценарий – особенно важный для «партии власти», но пока не очень реальный. Это - превращение «Единой России» в полностью доминирующую партию, не нуждающуюся в союзниках. Региональные выборы 2003-06 гг. не позволяют прогнозировать такую перспективу. «Единая Россия» не способна набрать на федеральных выборах 50% голосов, и даже уровень в 40% дастся ей с трудом. Хотя при условии мобилизации

всех дополнительных ресурсов она может выйти на уровень 40-45%. Что, однако, не гарантирует конституционное большинство и требует проведения коалиционной политики.

В конце 2005 г. в электоральных показателях «Единой России» наметились изменения в лучшую сторону. Партия продемонстрировала солидный рост процентных показателей в Москве, Челябинской, Белгородской областях – в сравнении с федеральными выборами 2003 г. Но получить две трети мест по спискам ей мало где удастся. Если взять выборы 12 марта 2006 г. в восьми регионах, то нигде «Единая Россия» не сумела получить по спискам более двух третей мест, и только в двух завоевала более половины «списочных» мандатов. Еще в двух регионах «партия власти» сумела получить ровно половину мандатов, распределяемых по пропорциональной системе.

После президентских выборов 2004 г. региональные законодательные собрания были избраны в 39 субъектах федерации. Анализ их итогов для «партии власти» позволяет разделить регионы на три примерно равные группы. Можно определить 13 благоприятных регионов, где «Единая Россия» завоевала более 40% голосов. В четырех регионах она набрала более 60% голосов (Чечня, Агинский Бурятский, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО), еще в трех – более 50% (Белгородская и Челябинская области, Ханты-Мансийский АО). Показатели на уровне более 40% были получены еще в шести регионах – Хабаровском крае, Калужской, Нижегородской, Оренбургской, Тамбовской областях и Москве.

Напротив, список неблагоприятных регионов включает 14 субъектов федерации. Крайне слабые результаты на уровне менее 20% были в двух дальневосточных регионах – Амурской и Сахалинской областях. «Единая Россия» не сумела получить 30% голосов в Республике Алтай, Хакасии, Архангельской, Владимирской, Воронежской, Кировской, Курганской, Магаданской, Рязанской и Тульской областях, Корякском и Ненецком АО.

В остальных 12 регионах «партия власти» продемонстрировала средние показатели на уровне 30-40%. Напомним, что на федеральных выборах 2003 г. результат «Единой России» составил 37,4% голосов. Если сравнить итоги региональных и федеральных выборов, то окажется, что только в 17 регионах из 39 «Единая Россия» улучшила свои показатели. Хотя 12 марта 2006 г. улучшение электоральных показателей «Единой России» отмечалось уже в шести регионах из восьми.

Второй сценарий остается пока более вероятным, его можно назвать управляемой многопартийностью. Пропорциональная система и двухпартийность в мировой практике это – нонсенс. На сегодняшний день есть множество аргументов в пользу управляемой многопартийности. Это, прежде всего – недостаточная поддержка «Единой России» в обществе. Другая причина – конкуренция между группами влияния на федеральном уровне. Она накладывается на понимание федеральными игроками того, что ни одна из столичных клиентел не сможет полностью контролировать «Единую Россию». Роль «малых» партий в такой системе могут играть как дублеры «партии власти» (Российская партия жизни, созданная по типичному клиентельному принципу), так и «специалисты» по работе с протестным электоратом – ЛДПР, Российская партия пенсионеров, «Родина», «Патриоты России», АПР и др.

Главный претендент на роль «второй партии», КПРФ сейчас способна не только сохранять, но и улучшать свои показатели. Из 37 регионов, где КПРФ участвовала в выборах, в 25 она получила более высокий процент голосов, чем на выборах 2003 г. Отчасти это можно объяснить тем, что мобилизация традиционного электората КПРФ на региональных выборах с их низкой явкой проходит успешно. Но в то же время после 2003 г. КПРФ укрепила позиции в качестве лидера протестного движения – на фоне испытывающих организационные трудности конкурентов в лице «Родины» и Партии пенсионеров. Поэтому улучшить свой федеральный результат и

выйти на уровень минимум 14-15% КПРФ может без труда. На этом уровне коммунисты обычно и выступают в регионах (лишь четыре раза они смогли превысить рубеж в 20% и четыре раза опустились ниже 10%).

КПРФ сейчас решает задачу политического самосохранения, и делает это успешно. В отличие от прежних лет она, благодаря смешанной системе, смогла создать плацдармы в виде небольших фракций почти во всех регионах, что позволяет сохранить за КПРФ статус партии общенационального масштаба. В то же время относительные успехи КПРФ ненамного повышают привлекательность партии для некоммунистических групп региональной элиты. Некоторый приток в списки КПРФ на проходные места представителей малого и среднего бизнеса регионального масштаба стал заметным. Но тенденция слаба, поскольку количество проходных мест в списках КПРФ крайне мало, а их основную часть занимают проверенные партийцы.

ЛДПР имеет гораздо больший опыт сотрудничества с небольшими группами регионального бизнеса, которые оказывают ей спонсорскую помощь и зачастую целиком формируют проходную часть ее списков. Однако и в этом случае речь идет об очень ограниченном и притом сугубо прагматичном притоке бизнесменов в эту партию. Ее электоральные успехи в регионах не впечатляют, поскольку ЛДПР представляет собой лидерскую партию со слабой региональной сетью. Почти везде ЛДПР получала меньший процент голосов, чем на федеральных выборах, в ряде регионов не смогла преодолеть заградительный барьер, а более 10% голосов она набрала только в 11 регионах из 37 (где ЛДПР участвовала в выборах).

Претендовать на условное четвертое место в партийной системе может Российская партия пенсионеров – главное открытие региональных выборов 2004-06 гг. Она не имеет добротной региональной сети. Но в 16 регионах из 23, где Российская партия пенсионеров выставила свой список, ей удалось преодолеть заградительный барьер. На региональном уровне именно в

Партию пенсионеров пошел региональный бизнес, не сумевший договориться с «Единой Россией» и избегающий связей с КПРФ и ЛДПР. Именно этот факт усилил позиции Партии пенсионеров как нового политического игрока.

Однако при всех элементах клиентелистской многопартийности пока продолжается решение задачи-максимум. Вслед за Госдумой и Советом Федерации «Единая Россия» взяла большинство в губернаторском корпусе. Причем большинство несомненное: около 70 губернаторов вступили в ряды «партии власти». На выборах распространенной стала технология «паровозов», когда именно губернаторы встают во главе списка «Единой России». На выборах 12 марта 2006 г. так случилось в пяти регионах из восьми. Возник парадокс: на региональном уровне политическое влияние «Единой России» значительно выше, чем в центре, где ее рассматривают как инструмент в руках пока «беспартийной» верховной власти.

Происходит снижение интереса региональных элит к другим партиям, кроме «Единой России». Реально крупных фигур в местном бизнесе, обратившихся к КПРФ, ЛДПР, Партии пенсионеров или «Родине», немного. Напротив, вновь по партийному признаку формируется номенклатура, когда «Единая Россия» начинает восприниматься как перспективная карьерная лестница. Это влечет за собой важные последствия – конфликты в региональных элитах из межпартийных и «беспартийных» превращаются во внутрипартийные. Большой вопрос российской политики – насколько едина «Единая Россия»? Во многих регионах «партия власти» представляет собой «Ноев ковчег» разнообразных и зачастую враждующих группировок. Можно вспомнить прошлогодние выборы в Челябинской области, когда в список «партии власти» вошли два противника – губернатор П.Сумин и мэр областного центра М.Юревич. В Нижегородской области тройку списка «Единой России» составили лидеры различных групп региональной элиты – губернатор В.Шанцев, спикер законодательного собрания и бывший

претендент на губернаторский пост Е.Люлин и мэр областной столицы В.Булавинов (ранее, кстати, принимавший участие в губернаторских выборах). Результаты внутрипартийной конкуренции видны на выборах спикеров: в Республике Алтай на этот пост баллотировались два депутата от «Единой России».

Однако столь резкий разворот региональных элит в сторону «Единой России», произошедший в 2004-05 гг., пока нельзя назвать их стратегическим выбором – в отсутствие решения Кремля о судьбе всего проекта под названием «партия власти» (который гораздо больше и важнее, чем просто партия под названием «Единая Россия»). Судьба «Единой России» определится после декабря 2007 г. в зависимости от того, удастся ли ей решить задачу-максимум. Если вокруг нее не будет обеспечена полная консолидация элит на федеральном уровне, то возможен обратный процесс – раздел на части, кристаллизация новых партий на основе идеологизированных «крыльев» и иных внутрипартийных групп и даже создание новой «партии власти» взамен и лишь отчасти на основе старой.

Отмена губернаторских выборов привела к парадоксальному результату – замедлению кадровой ротации в регионах. На сегодняшний день губернаторские назначения прошли более чем в половине регионов – в 46 (назначений было 47, поскольку в Тюменской области губернатора назначали два раза). Если быть точным, то в результате 47 назначений в России остались 34 прежних губернатора, и появились 13 новых. Причем далеко не везде власть сменилась резко. Интересен случай Дагестана, где в результате назначения к власти вернулся бывший первый секретарь обкома КПСС М.Алиев, занимавший в последние годы пост спикера республиканского парламента. Хотя с другой стороны начальников советского происхождения в регионах осталось не так много, в основном теперешние губернаторы – это люди, сделавшие карьеру в 1990-е гг. Бывших первых секретарей обкомов

КПСС среди губернаторов всего четверо. Да и тех региональных лидеров, кто возглавил регион еще в 1990-95 гг., сейчас только 22.

Главным сценарием назначения губернаторов стало досрочное сложение полномочий с целью поставить перед президентом вопрос о доверии. Так поступили 25 губернаторов, и все они, в соответствии с неформальными правилами игры, получили назначение. В итоге уже назначены все губернаторы, полномочия которых истекали в 2006 г., а из тех, чей срок подходит к концу в 2007 г., остались только девять. Более «опасной» оказалась процедура назначения, связанная с истечением губернаторских полномочий и выдвижением альтернативного списка кандидатов. Ее прошли 16 регионов, из которых в семи появились новые начальники¹.

Подход федеральных властей к назначению губернаторов показывает, что центр не в состоянии задать новый вектор кадровой эволюции на местах. Скорее наблюдается раздел сфер влияния между элитами федерального и регионального уровней, и при В.Путине произошел передел сфер влияния в пользу центра. Центр был вынужден принять во внимание моноцентризм региональной власти как неустранимую реальность. Моноцентризм позволяет нынешним губернаторам обороняться от центра (который заинтересован в региональном административном ресурсе) и вести наступление на заведомо более слабые конкурирующие группы внутри региона. Победить губернаторский моноцентризм можно только с помощью направленной работы федеральной политической или финансовой группы. Но это случается довольно редко.

В то же время, как и в истории с «Единой Россией», инерционный сценарий задан только до 2007-08 гг. «Скамейка запасных» постепенно и непублично формируется. Ее занимают заместители нынешних губернаторов, бизнесмены, депутаты Госдумы и сенаторы, федеральные чиновники, в каждом регионе – свой набор. После президентских выборов

2008 г. и в зависимости от того, кто станет президентом, произойдет ротация губернаторского корпуса. Частичная ротация губернаторского корпуса после 2008 г. может совпасть с трансформацией «партии власти». Приход новых кадров на губернаторские должности не обязательно будет проходить под знаменами «Единой России». Возможны попытки создать новую «партию власти» на основе региональных чиновников «послепутинского призыва».

Нельзя сбрасывать со счетов интересы бизнес-элит. Попытки деполитизировать бизнес бессмысленны, его можно лишь сделать политически лояльным, и то на определенных условиях. Интерес бизнеса к власти во многом связан с сугубо инструментальными целями – извлечением прибыли за счет использования административного ресурса. Хотя налицо и карьерные цели, когда уход в политику понимается как новая возможность для самореализации бизнесмена. Региональные выборы продемонстрировали рост интереса бизнеса к Партии пенсионеров. Закономерно снижение интереса бизнеса к казалось бы «своим» партиям – СПС и «Яблоку». Прагматический расчет оказался сильнее идеологии, отсюда ставки части региональных бизнес-групп на Партию пенсионеров и «Родину». Кстати, роль бизнеса признает и президент, назначая губернаторов. Ведь в случаях замены губернаторов В.Путин часто следует двум сценариям. Первый – это поддержка государственных компаний, приближенных к власти. Второй – назначение бизнесменов регионального масштаба. В то же время налицо снижение влияния крупных частных бизнес-групп олигархического характера: В.Путин стремится минимизировать их влияние на региональную власть.

И в центре, и на местах сложился слой профессиональных политиков, балансирующих между общественными и коммерческими интересами. Эффективность регионального и муниципального управления сильно зависит от личностей руководителей, поэтому она очень разная, да и критерии оценки этой эффективности размыты. Но в то же время налицо попытки

ограничить вертикальную мобильность с целью закрыть сложившуюся в постсоветский период элиту от проникновения новых групп. Этим объясняется тенденция к сокращению числа выборных процедур, управлению выборами. Выросла и значимость партийной принадлежности, что влечет за собой формирование новой партийной номенклатуры. Однако при этом специалисты часто говорят о кризисе в российских элитах. Новый тип регионального лидера только формируется, и будет зависеть от двух долгосрочных факторов – помимо конъюнктурных результатов федерального выборного цикла 2007-08 гг. Во-первых, от стратегии и идеологии развития страны и ее регионов. Во-вторых, от многопартийности как реального представительства социальных интересов.

і В остальных случаях назначение проводилось в особых обстоятельствах: в трех регионах после отставки губернатора, по одному – в результате увольнения губернатора, его назначения на федеральную должность или трагической гибели.

Ресурсные базы кандидатов на выборах региональных законодательных собраний и формирование политических партий

Одно из основных заключений исследовательской литературы, посвященной выборам региональных законодательных собраний, состоит в том, что особого успеха на них достигали представители административных и хозяйственных элит. Например, согласно Д. Слайдеру, весной 1994 г. 29,1 % избранных депутатов занимали «исполнительные позиции в местных администрациях», 23,5 % были «руководителями предприятий», 15,1 % принадлежали к «интеллигенции», 6,3 % определялись как «коммерсанты», а 2,9 % – как «юристы»ⁱ. Ученый связал электоральное превосходство административных и хозяйственных элит с недоразвитостью политических партий. К сходному выводу приходили и другие исследователиⁱⁱ. Было эмпирически показано, что на общероссийских выборах в одномандатных округах значение личных политических ресурсов, не связанных по своему происхождению со сферой публичной политики, было больше, чем значение партийного выдвиженияⁱⁱⁱ. Ниже профессиональная принадлежность региональных законодателей в течение второго электорального цикла (август 1995 – июль 1999 г.) будет проанализирована не для того, чтобы еще раз эмпирически подтвердить факт «элитной колонизации» законодательных соображений (выражение Д. Хьюза), а для того, чтобы отследить воздействие этого процесса на партийное развитие более детально, чем это было сделано ранее.

Исследование было проведено по данным о профессиональной принадлежности 3420 депутатов, избранных в законодательные собрания 84 регионов в течение второго электорального цикла. Из-за недостатка данных мне пришлось исключить не только выборы, состоявшиеся в 1996-1997 гг. в Чечне, но и выборы 1996 г. в Свердловской области и 1998 г. в Вологодской области. Однако депутаты, избранные в этих областях, соответственно, в

1998 и 1996 гг., учитывались. Общее число депутатов, выдвинутых политическими партиями, составило 636. Из них 427 были выдвинуты КПРФ и близкими к ней организациями (местными левыми движениями, НПСР и др.), а 209 – другими партиями.

Профессиональная принадлежность депутатов была установлена на основе соответствующих записей в списках кандидатов, а значит, и в избирательных бюллетенях. Эти данные были опубликованы региональными избирательными комиссиями непосредственно или предоставлены для публикации в изданиях ЦИК. Серьезный недостаток данных такого рода состоит в том, что законодатели-инкубенты зачастую не оговаривали свое членство в ассамблее, ограничиваясь указанием на основное место работы. Поэтому категория законодателей в данном анализе включает в себя, в действительности, не всех депутатов, а лишь тех, для которых законодательное собрание было основным (как правило, единственным) местом работы. Разумеется, такое положение дел само по себе имело большое значение, но оценить преимущества инкубентства по имеющимся у меня данным невозможно. В целом, однако, данные достаточны для решения основной стоящей передо мной задачи, которая состоит в том, чтобы оценить взаимосвязь между профессиональным положением и партийностью на выборах региональных законодательных собраний.

Какие категории кандидатов могли с наибольшей степенью вероятности рассчитывать на электоральный успех? Это «городские лидеры», чиновники и бизнесмены. В категорию «городских лидеров» я включаю руководителей региональных центров, их заместителей, а также соответствующие позиции на нижестоящих уровнях административно-территориальной организации региона до районного и местного. Можно предположить, что при выборах региональных законодательных собраний, которые обычно проходят в сравнительно небольших округах, «прилагающиеся» к этим должностям ресурсы очень важны. Правда, в течение второго электорального цикла обладатели этих должностей наделялись своими полномочиями по-разному:

путем прямого избрания, непрямого избрания и назначения. Но я исхожу из допущения, что важность административных позиций определялась не способом их приобретения, а ключевой ролью, которую их обладатели играли в предоставлении населению ключевых услуг – отопления, водоснабжения, уборки территории и других, в России охватываемых понятием ЖКХ.

Категория «чиновников» включает всех других управленцев, работавших в федеральных и региональных органах власти, а также в органах местного самоуправления. Потенциальные преимущества представителей этой категории, конечно, зависят от должности. С одной стороны, она включает в себя региональных министров, начальников управлений областных администраций и руководителей федеральных органов власти в регионах, ресурсы которых, конечно, колоссальны. С другой стороны, к ней принадлежат участковые уполномоченные и всякого рода мелкие клерки, которым на электоральной арене не приходится на многое рассчитывать.

Говоря о преимуществах представителей третьей категории, «бизнесменов», на региональных выборах, можно было бы сконцентрироваться на доступных им финансовых ресурсах. Строго говоря, такой подход является односторонним. Хотя деньги всегда играли весьма важную роль в региональных избирательных кампаниях, у бизнесменов есть и другие важные ресурсы. Унаследованная с советских времен экономическая инфраструктура такова, что зачастую промышленное предприятие обеспечивает большинство жителей местности не только работой, но и многими базовыми социальными услугами. Соответственно, «забота о коллективе» стала важным элементом российской бизнес-этики^{iv} и идеологической ценностью, которая активно транслируется избирателям. Правда, часть функций такого рода была передана местным администрациям, но во втором электоральном цикле появилась новая – регулярная выплата зарплат в условиях, когда их задержки были массовым явлением. В сельской местности роль хозяйственных управленцев была еще больше. В советские времена председатель колхоза

играл основную роль в предоставлении социальных услуг своим подопечным. Эта ситуация, как и модель управления сельским хозяйством в целом, мало изменилась после 1991 г. При определении категории «бизнесменов» я не провожу различий между формами собственности, а также включаю в нее заместителей руководителей предприятий, членов правлений и советов директоров, главных инженеров и обладателей прочих должностей, которые легко идентифицируются как высоко стоящие в управленческих иерархиях. Однако управленческие позиции среднего и низшего звена отнесены к другой категории.

По поводу всех трех определенных выше категорий можно предположить, что партийная принадлежность – не главный ключ к электоральному успеху. Для «городских лидеров» и чиновников можно предложить формулу «власть + социальные услуги», а для бизнесменов – «деньги + социальные услуги». Обе эти формулы хорошо вписываются в понятие клиентелизма^v. В литературе показано, что существующие в регионах России клиентелистские сети коренятся в позднесоветском периоде, и что их устойчивость определяется преемственностью структур региональной элиты^{vi}. Понятие, которое может быть отнесено ко многим аспектам клиентелизма, но при этом содержательно шире и содержит дополнительные акценты – это «социальный капитал»^{vii}. Не вдаваясь в теоретическое обсуждение этого многозначного понятия, в узких эмпирических целях настоящего исследования достаточно установить, что под социальным капиталом чаще всего понимают преимущества разного рода, обусловленные принадлежностью к социальным сетям доверия и сочувствия. Если «городские лидеры» и бизнесмены побеждают на выборах благодаря превосходству своих административных или финансовых ресурсов, то социальный капитал тут не при чем. Если же источником электорального успеха служат их позиции на перекрестке различных социальных сетей, доставляющие им доверие и сочувствие избирателей, то роль социального капитала налицо. Проблема состоит в том, что эмпирически эти две ситуации

совершенно не различаются.

Поэтому я ввожу в настоящий анализ дополнительную профессиональную категорию, которая в целом лишена больших административных и финансовых преимуществ, но при этом по своей природе способна аккумулировать большие объемы социального капитала. Это категория врачей. Ясно, что в России врачи не располагают большими административными ресурсами (хотя какие-то, особенно на селе, у них есть), и что финансовое состояние большинства из них оставляет желать лучшего. В то же время, они весьма активно и зачастую успешно участвуют в выборах региональных законодательных собраний. Очевидно, что если гипотеза о роли социального капитала на выборах региональных законодательных собраний и поддается эмпирической проверке, то выделение врачей в отдельную профессиональную категорию позволяет осуществить эту проверку наилучшим способом. Это особенно верно применительно к сельской местности, где врачи пользуются большим уважением еще с дореволюционных времен. Если гипотеза верна, то врачи будут избегать партийного выдвижения, ибо у них есть важный альтернативный ресурс. Если же она неверна, то они будут выдвигаться партиями примерно так же часто, как и представители категорий, которым альтернативные ресурсы не приписываются. Отмечу, что в данном исследовании в категорию врачей включены разные позиции в медицинской профессии, от директоров клиник до санитаров, но не административные должности вроде начальников управлений здравоохранения разного уровня.

Кроме того, я ввожу три категории, охватывающие депутатов, профессиональное положение которых не сопряжено с обладанием административным, финансовым и социальным капиталом, и по поводу которых можно предположить, что их представители чаще выдвигаются политическими партиями. Одна из них определяется как «служащие» и включает в себя наемных работников на предприятиях и в организациях разных форм собственности. Сюда же отнесены немногие пенсионеры,

выигрывавшие места в законодательных собраниях. Аналитическая важность этой категории связана как раз с полным отсутствием альтернативных ресурсов, хотя понятно, что у ее отдельных представителей они могут наличествовать. Две другие категории занимают близлежащие места на гипотетической шкале партийной полезности. С одной стороны, это категория «профессионалов», включающая в себя высокообразованных наемных работников, которым их положение может сообщать некоторые объемы индивидуальных ресурсов – вузовские преподаватели, сотрудники исследовательских институтов, журналисты и юристы. С другой стороны, это категория «политиков», включающая в себя работников аппарата законодательных собраний, помощников российских и региональных депутатов, активистов политических и общественных организаций, а также депутатов нижестоящих (муниципальных) представительных собраний. Им, по понятным причинам, партийность может быть даже полезнее, чем служащим.

Результаты проведенного эмпирического анализа сообщаются в таблице 1. В согласии с основным объемом литературы по проблеме, данные подтверждают преобладание в законодательных собраниях административных и хозяйственных элит. В совокупности, три категории депутатов, которым можно приписывать наибольшие ресурсные базы (бизнесмены, «городские лидеры» и чиновники), занимали более 60 % мест в законодательных собраниях. Для данного анализа, однако, важнее сообщаемые в таблице сведения о процентных долях партийных выдвиженцев в каждой из категорий. Меньше всего их среди «городских лидеров». Далее следуют чиновники и бизнесмены. Пожалуй, наиболее интересно то, что среди врачей доля партийных выдвиженцев лишь незначительно больше, чем среди бизнесменов. Это подтверждает представление о социальном капитале как о ресурсе, альтернативном партийности. Доли партийных выдвиженцев среди законодателей и профессионалов почти идентичны. Наконец, выясняется, что чаще всего

услугами партий пользовались служащие и «политики». Таким образом, гипотетически сконструированная выше иерархия альтернативных ресурсов получает полное подтверждение. В действительности, важная роль административных и хозяйственных элит в российских законодательных собраниях не представляет собой ничего необычного в сравнительной перспективе. Сходные группы, с добавлением некоторых профессионалов, непропорционально широко представлены и в legislatures устойчивых демократий, как на общенациональном^{viii}, так и на местном уровнях^{ix}. Но у России, как выясняется, была одна чрезвычайно необычная особенность: именно те группы, которые обладают превосходящими политическими ресурсами, избегали политических партий.

Таблица 1

Профессиональная принадлежность региональных законодателей и партийное выдвижение, 1995-1999

Профессиональная принадлежность	Доля депутатов, принадлежащих к этой категории, %	Доля партийных выдвиженцев в этой категории, %
Бизнесмены	41.6	13.2
Городские лидеры	10.7	6.0
Служащие	9.4	37.1
Чиновники	8.9	12.4
Законодатели	8.8	27.0
Врачи	7.3	13.7
Профессионалы	7.2	27.8
Политики	6.1	41.0
Всего / Среднее по всем категориям	100.0	18.6

Примечание: 3420 наблюдений.

Чтобы уточнить этот результат, я ввел дополнительную дифференциацию в категорию партийных выдвиженцев, проанализировав различия между профессиональным происхождением депутатов КПРФ (включая местные левые движения, НПСР и прочие родственные ей организации), независимых депутатов, и представителей других партий. Результаты, которые сообщаются в таблице 2, выявляют явное различие между коммунистами и независимыми депутатами, причем выдвиженцы других партий занимают промежуточное положение. Правда, во всех трех группах самую большую категорию составляют бизнесмены. Но их доля среди депутатов от КПРФ

гораздо меньше, чем среди независимых. В целом, бизнесмены, «городские лидеры» и чиновники составляют среди независимых 66,4 %, а среди выдвиженцев КПРФ и других партий, соответственно, 37,0 и 43,0 %. В то же время, общая доля «служащих» и «политиков» возрастает с 11,8 % среди независимых до 27,2 % среди представителей некоммунистических партий, а затем до 34,7 % среди коммунистических депутатов. Опять-таки, в том, что среди коммунистов сравнительно больше представителей непривилегированных слоев населения, нет ничего экстраординарного. Левые партии во всем мире выполняют функцию «социального лифта», и нередко – куда более последовательно, чем КПРФ. Наибольшего интереса заслуживает то, что представители административных и хозяйственных элит предпочитали не полагаться на ресурсы политических партий. А это значит, что они рассматривали собственные ресурсы как достаточные. Но еще более важно то, что, как мы выяснили, помимо ресурсов административного и хозяйственного характера, важную альтернативу партийности мог составить и социальный капитал.

Таблица 4

Профессиональная принадлежность депутатов, избранных от разных партий или без партийного выдвижения, 1995-1999

Профессиональная принадлежность	КПРФ	Другие партии	Независимые
Бизнесмены	28.1	32.5	44.4
Городские лидеры	3.3	3.8	12.4
Служащие	21.8	12.4	7.3
Чиновники	5.6	6.7	9.6
Законодатели	13.6	11.0	7.9
Врачи	3.7	8.6	7.7
Профессионалы	11.0	10.0	6.4
Политики	12.9	14.8	4.5
Всего	100.0	99.8*	100.2*
Количество наблюдений	427	209	2784

* Не равно 100 % из-за округления.

Таким образом, сильные кандидаты предпочитали обходиться без услуг политических партий. Они могли положиться на альтернативные ресурсы. Выясняется, что основные ресурсы, задействованные на региональных выборах, не имели к партийности никакого отношения. Они были связаны преимущественно с положением их носителей в структурах

административного и хозяйственного управления. Думается, что это положение замещало даже информационную полезность партий, ибо названия должностей и хозяйственных структур давали избирателям больше информации, чем названия многих партий (не случайно действующее российское законодательство запрещает использовать названия государственных институтов при наименовании партий). При этом должностные и профессиональные ресурсы сообщали их обладателям не только материальный капитал, необходимый для успешного участия в избирательных кампаниях, но и социальный капитал. Естественно, эта ситуация крайне негативно воздействовала на формирование политических партий в регионах России.

ⁱ Slider, Darrell. 1996. "Elections to Russia's Regional Assemblies," *Post-Soviet Affairs*, 12, 3: 243-264.

ⁱⁱ Golosov, Grigorii V. 1997. "Russian Political Parties and the "Bosses": Evidence from the 1994 Provincial Elections in Western Siberia," *Party Politics* 3, 1: 5-21; Hughes, James. 1997. "Sub-National Elites and Post-Communist Transformation in Russia: A Reply to Kryshchanovskaya and White," *Europe-Asia Studies* 49, 6: 1017-1036.

ⁱⁱⁱ Golosov, Grigorii V. 2002. "Party Support or Personal Resources? Factors of Success in the Plurality Portion of the 1999 National Legislative Elections in Russia," *Communist and Post-Communist Studies* 35, 1: 23-38.

^{iv} Kharkhordin, Oleg, and Theodore P. Gerber. 1994. "Russian Directors' Business Ethic: A Study of Industrial Enterprises in St Petersburg, 1993," *Europe-Asia Studies*, 46, 7: 1075-1107; Brown, J. David. 1996. "Excess Labor and Managerial Shortage: Findings from a Survey in St Petersburg," *Europe-Asia Studies* 48, 5: 811-835.

^v Афанасьев М. Н. 1997. *Клиентелизм и российская государственность*. М.: МОНФ; Roniger, Luis, and Ayse Gunes-Ayata, eds. 1994. *Democracy, Clientelism, and Civil Society*. Boulder and London: Lynne Rienner.

^{vi} Matsuzato, Kimitaka. 1999. "Local Elites Under Transition: County and City Politics in Russia 1985-1996," *Europe-Asia Studies* 51, 8: 1367-1400.

^{vii} См. различные подходы и эмпирические применения в: Putnam, Robert. 1993. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press; Portes, Alejandro. 1998. "Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology," *Annual Review of Sociology* 24: 1-24; Dasgupta, Partha, and Ismail Serageldin. 2000. *Social Capital: A Multifaceted Perspective*. Washington, DC: World Bank Group.

^{viii} Loewenberg, Gerhard, and Samuel C. Patterson. 1979. *Comparing Legislatures*. Boston: Little, Brown; Norris, Pippa, ed. 1997. *Passages to Power: Legislative Recruitment in Advanced Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press.

^{ix} Jewell, Malcolm. 1982. *Representation in State Legislatures*. Lexington: University of Kentucky Press.

*Электоральные различия регионов России
как предмет статистического анализа*

Проблема оценки электоральных различий между регионами является одной из наиболее значимых для исследований современных российских выборов. В большинстве отечественных работ, посвященных данной тематике, авторы ограничиваются *одномерным* анализом распределения электоральной поддержки политических партий и блоков. Другими словами, субъекты федерации рассматриваются через призму интенсивности голосования за какую-то одну политическую партию, при этом господствует *порядковый* уровень оценки такой интенсивности. Типично рассуждение: «в регионах А, В и С поддержка партии *n* значительно выше среднего по России уровня, а в регионах X, Y и Z – значительно ниже». Интервальные оценки («поддержка партии *n* в регионе Z на 20 % выше, чем в регионе А») встречаются эпизодически и, как правило, не являются основным инструментом измерения различий, а лишь иллюстрируют отдельные тезисы. На основании анализа интенсивности голосования за отдельные партии нередко производятся попытки сконструировать комплексные типологии, основанные на устойчивых сочетаниях уровня поддержки различных политических сил. Например, широко известный электорально-географический конструкт «красный пояс» создан путем объединения регионов с устойчиво высоким уровнем поддержки левых политических сил (прежде всего КПРФ) и пониженным голосованием за партии либерально-демократической ориентации.

Никоим образом не отрицая познавательной ценности подобного подхода, следует указать на ряд связанных с ним проблем. Во-первых, это *проблема точности оценки региональных различий*. Операции на порядковом («более интенсивная / менее интенсивная поддержка») или номинальном (регион относится / не относится к данной типологической группе) уровнях не

позволяют дать точной количественной оценки электоральных различий между регионами. В том же случае, когда учитываются различия в абсолютных показателях электоральной поддержки, анализ неизбежно приобретает одномерный характер. Таким образом, за скобками остается вопрос о том, каковы различия между регионами *с учетом интенсивности голосования избирателей за все политические партии*, участвующие в выборах (или хотя бы за группу партий-лидеров).

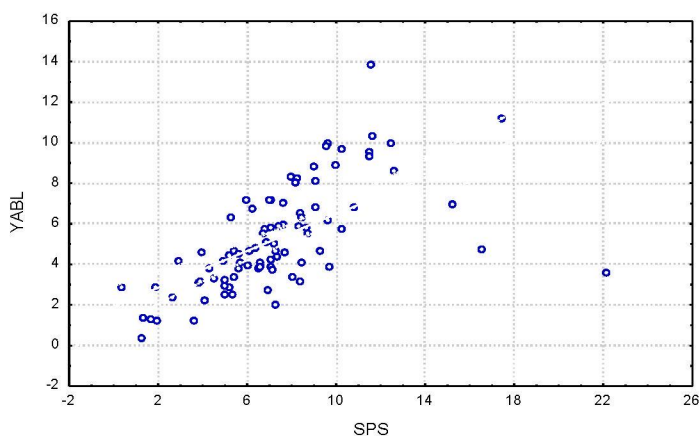
В то же время с точки зрения компаративных исследований актуальна потребность в конструировании некой *единой суммарной меры, на интервальном уровне отражающей отличие региона от всех других регионов в пространстве множества голосований*. Иными словами, ставится задача получить для каждого региона конкретный индекс, отражающий его *электоральную уникальность*. Решение такой задачи возможно в рамках ряда подходов, применяемых в многомерной статистике, прежде всего в кластер-анализе и факторном анализе.

В данной статье автор предлагает несколько альтернативных методик вычисления таких индексов. Однако общим для всех них методическим приемом является широко распространенное в статистике *геометрическое представление*. Речь идет о представлении случая (региона) как точки в некотором условном пространстве, «координатными осями» которого являются переменные «электоральная поддержка политической партии p или кандидата k ».

Рассмотрим простейший пример с двухмерным геометрическим представлением. Имеются две переменные – «электоральная поддержка «Яблока» на федеральных парламентских выборах 1999 г.» и «электоральная поддержка СПС на федеральных парламентских выборах 1999 г.». Для каждой переменной имеется по 88 значений, соответствующих числу регионов, принимавших участие в голосовании (на тот момент все, кроме Чеченской республики). Исходные данные имеют вид:

Случаи	Переменные (%)	
	Яблоко	СПС
Республика Адыгея	4.63	3.92
Республика Алтай	3.38	5.40
Республика Башкирия	3.95	6.04
Республика Бурятия	3.14	8.36
Республика Дагестан	0.39	1.22
И т.д. (всего 88 случаев)	....	....

Каждый из субъектов федерации мы в состоянии представить как точку в двухмерном пространстве голосований за правые партии. Ось x формирует признак «поддержка СПС», ось y – поддержка «Яблока» (либо наоборот, в данном случае это не существенно). Тогда «координатами» региона будут: по оси x – значение переменной «поддержка СПС» (процент, набранный в регионе данной партией), по оси y , соответственно, значение переменной «поддержка «Яблока»». Так, Республика Адыгея будет иметь координаты (3,92; 4,63), Республика Алтай – (3,38; 5,4) и т.д. На диаграмме рассеивания геометрическое представление будет иметь следующий вид:

Кстати, уже на диаграмме рассеивания невооруженным глазом видна корреляционная связь между поддержкой СПС и «Яблока» в 1999 г.; после чистки выбросов коэффициент корреляции Пирсона составит 0,77.

С помощью геометрического представления мы в состоянии вычислить точные *расстояния* между двумя любыми точками (регионами) в двухмерном пространстве голосований за демократические партии. В случае, когда переменных-«осей» больше трех, геометрическое представление нельзя визуализировать, однако это никоим образом не влияет на возможность математического расчета расстояний между объектами. Число участвующих

в анализе переменных практически не ограничено. Иными словами, мы способны вычислить расстояния между всеми парами регионов в пространстве всех федеральных голосований (что и будет сделано в данной работе). Общее число измерений электорального пространства составит 138 (13, 43, 26 и 23 партии и объединения на парламентских выборах 1993, 1995, 1999 и 2003 гг. соответственно и 10, 11 и 6 кандидатов в президенты РФ на выборах 1996 (1 тур), 2000 и 2004 гг. соответственно). Учтена также позиция «против всех», присутствовавшая в бюллетенях на всех выборах, кроме парламентских выборов 1993 г. Таким образом, общее число анализируемых случаев составит $138 \times 88 = 12144^1$.

Существенной методической проблемой при определении расстояния между парами объектов является выбор метрики или меры близости (distance measure). В современном кластер-анализе используется семь-восемь различных метрик, среди которых евклидово расстояние, взвешенное евклидово расстояние, манхэттенское расстояние, расстояние Чебышева, степенное расстояние, процент несогласия, коэффициент Пирсона и др. Применительно к нашим задачам разумным выглядит использование евклидова расстояния (euclidian distance) и расстояния, основанного на корреляции Пирсона ($1 - \text{Pearson } r$). Это две альтернативных метрики, существенно различающиеся по способу расчета расстояния.

Евклидово расстояние – это кратчайшее расстояние между двумя точками в n-мерном евклидовом пространстве (иногда его также называют геометрическим расстоянием). Оно вычисляется по простой формуле:

$$dist = \sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - y_i)^2}$$

Так, если мы имеем x с координатами (1,-1) и y (2;0), расстояние между ними составит

$$Dist = \sqrt{(1-2)^2 + (-1-0)^2} = 2$$

Для каждого федеральных выборов была рассчитана матрица парных евклидовых расстояний (матрица расстояний между всеми парами регионов,

симметричная вдоль главной диагонали), а затем вычислены суммы евклидовых расстояний для каждого региона. Таким образом, *сумма евклидовых расстояний, «отделяющих» субъект федерации от всех других регионов в многомерном пространстве голосований, становится первой базовой мерой его электоральной уникальности.* Чем больше сумма, тем более уникальным является регион. Ниже приводится фрагмент таблицы суммарных евклидовых расстояний для шести регионов: республик Дагестана и Ингушетии, Владимирской и Тверской областей, городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга. Даже беглый взгляд на полученные цифры позволяет увидеть существенные различия в степени электоральной уникальности субъектов федерации. Наиболее высокие значения характеризуют северокавказские республики, далее следуют обе столицы, замыкают перечень области центральной России.

	Euclid93	Euclid95	Euclid96	Euclid99	Euclid00	Euclid03	Euclid04
Дагестан	4586.604	2855.803	3293.889	2608.993	2731.291	3014.978	2297.291
Ингушетия	6390.901	3735.171	2358.888	7646.763	3662.876	3126.123	2687.8
Владимирская	1322.866	1330.974	1563.364	1284.139	1106.578	1228.416	866.2939
Тверская	1351.893	1504.188	1481.015	1273.943	1139.879	1097.2	843.1134
Москва	2561.947	2256.549	3059.919	3710.376	2152.578	1681.349	1223.488
Санкт-Петербург	2374.842	2176.084	2489.728	2182.431	1739.555	1680.613	1101.178

Следующим шагом является вычисление общей суммы евклидовых расстояний для каждого региона. Здесь необходимо отметить, что на абсолютное значение суммарных показателей для каждого выбора влияет число партий (кандидатов), принимавших в них участие. Поэтому корректнее складывать не абсолютные суммарные значения, а *ранги* регионов в каждом конкретном выборе. Ранговое преобразование представляет собой процедуру замены абсолютного значения на порядковый номер (ранг) региона в ранжированном перечне. Для нашего примера таблица рангов будет иметь вид:

	eucl93	eucl95	eucl96	eucl99	eucl00	eucl03	eucl04
Дагестан	87	84	88	80	87	85	87
Ингушетия	88	88	69	88	88	86	88
Владимирская	4	4	11	2	1	27	7

Тверская	11	25	2	1	7	3	3
Москва	82	77	86	86	83	74	64
Санкт-Петербург	81	74	75	73	69	73	51

Более высокие ранговые показатели отражают большую степень электоральной уникальности региона, более низкие, соответственно, меньшую. Так, для пяти выборов из семи Ингушетия имеет наивысший ранг уникальности – 88.

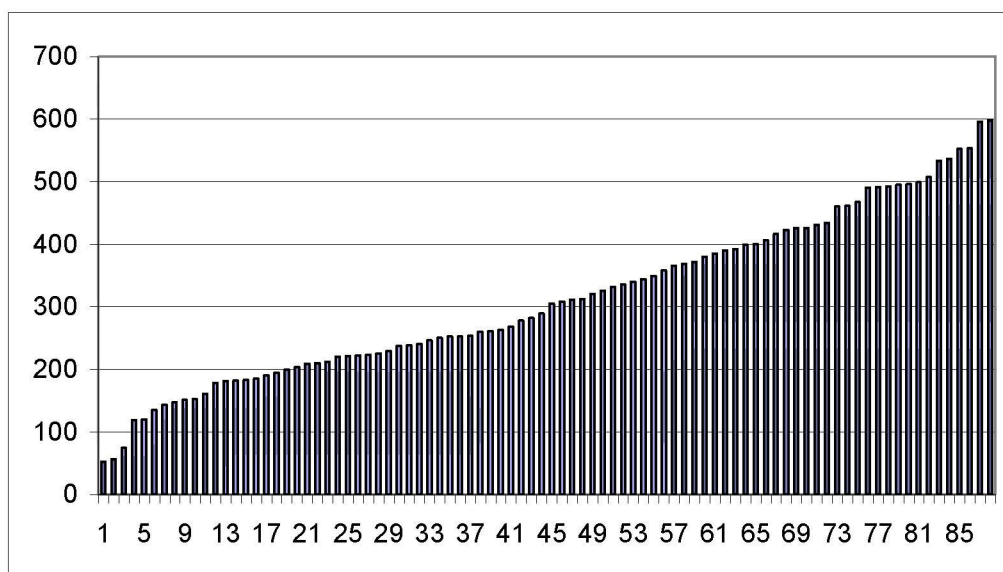
В таблице ниже приводится ранжированный по возрастанию суммарного ранга евклидовых расстояний перечень российских регионов (кроме Чеченской республики). Выделены группы максимальной и высокой уникальности.

Регион	Сумм. ранг	Регион	Сумм. Ранг	Регион	Сумм. ранг	Регион	Сумм. Ранг
Тверская	52	Удмуртия	212	Вологодская	305	Брянская	416
Владимирская	56	Читинская	220	Белгородская	308	Корякский	423
Калужская	74	Челябинская	221	Карелия	311	Чувашия	426
Костромская	119	Хакасия	222	Оренбургская	312	Тамбовская	426
Ростовская	120	Томская	223	Московская	320	Коми-Пермяцкий	431
Новгородская	135	Ленинградская	225	Камчатская	326	Свердловская	434
Саратовская	143	Хабаровский	229	Пензенская	332	Мордовия	460
Ивановская	147	Сахалинская	237	Усть-Ордынский Бурятский	336	Адыгея	461
Нижегородская	151	Марий Эл	238	Приморский	340	Татарстан	467
Иркутская	152	Смоленская	240	Республика Алтай	344	Чукотский	490
Астраханская	161	Бурятия	246	Кемеровская	349	Орловская	491
Краснодарский	178	Коми	250	Ненецкий	358	Ямало-Ненецкий	492
Волгоградская	181	Амурская	252	Магаданская	365	Карачаево-Черкесия	495
Рязанская	182	Псковская	252	Башкирия	368	Санкт-Петербург	496
Кировская	183	Ярославская	253	Алтайский	371	Агинский Бурятский	499
Калининградская	185	Самарская	260	Калмыкия	380	Таймырский	507
Тульская	190	Ульяновская	261	Липецкая	385	Тыва	533
Тюменская	194	Архангельская	263	Пермская	390	Северная Осетия	536
Курганская	199	Ставропольский	268	Курская	392	Москва	552
Красноярский	203	Якутия	278	Мурманская	399	Кабардино-Балкария	553
Омская	209	Воронежская	282	Ханты-Мансийский	400	Ингушетия	596
Еврейская	210	Новосибирская	289	Эвенкийский	406	Дагестан	598

Таким образом, согласно данной метрике в группу регионов максимальной электоральной уникальности попали пять национальных республик

(Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия и Тыва) и Москва. Наиболее «типичными» регионами с наименьшим значением показателя уникальности стали Тверская, Владимирская и Калужская области. Вспомогательным способом выделения таких групп стала визуализация данных в виде столбчатой гистограммы (ниже). На ней хорошо видно, что уникальность регионов возрастает не вполне равномерно, а как бы «ступеньками»:

Метрикой, альтернативной евклидову расстоянию, является мера близости $1-r$, в основе которой лежит коэффициент парной корреляции Пирсона. Данный коэффициент колеблется в интервале от 0 до ± 1 и отражает интенсивность (плотность) и направленность статистической связи между двумя интервальными переменными. Близость значения коэффициента к ± 1 отражает высокую плотность связи, знак – направленность связи. Отрицательным значениям коэффициента соответствует обратная связь, положительным – прямая.

В отличие от евклидовой метрики, рассчитывающей геометрическое расстояние между объектами, метрика $1-r$ основана на измерении *связей*. В нашем исследовании в качестве переменных выступают регионы, в качестве случаев – данные голосований на федеральных выборах за различные партии и кандидатов в президенты. Для каждой пары регионов вычисляется коэффициент Пирсона (r), которые в совокупности образуют симметричную

вдоль главной диагонали матрицу парных корреляций. Затем коэффициенты преобразуются в расстояния с помощью формулы:

$$dist = 1 - r$$

В основе этой формулы лежит следующая простая идея. Коэффициенты, отражающие плотные прямые связи, преобразуются в большие расстояния; коэффициенты, отражающие плотные обратные связи, преобразуются в меньшие расстояния. Так, коэффициент 0,9 трансформируется в расстояние 0,1 (1-0,9); коэффициент -0,9 трансформируется в расстояние 1,9 (1+0,9).

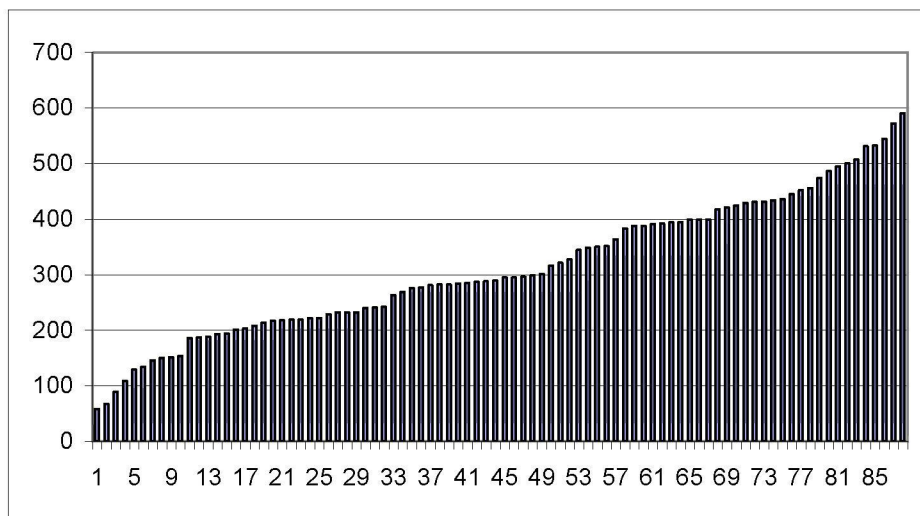
Матрицы парных расстояний 1-г вычисляются по всем регионам для всех федеральных выборов (отдельно). Далее алгоритм работы полностью соответствует тому, который применялся для евклидовых расстояний: 1) все расстояния для каждого региона в рамках одной выборной кампании суммируются 2) полученные суммы преобразуются в ранги 3) вычисляются суммарные ранги для каждого региона по всем кампаниям (вместе). Ниже приводится ранжированный по возрастанию электоральной уникальности перечень российских регионов на основании метрики 1-г.

Регион	Сумм. ранг	Регион	Сумм. Ранг	Регион	Сумм. ранг	Регион	Сумм. Ранг
Владимирская	58	Сахалинская	219	Вологодская	295	Карачаево-Черкесия	399
Тверская	67	Красноярский	222	Калмыкия	295	Пермская	418
Калужская	89	Читинская	222	Ярославская	296	Корякский	421
Ростовская	109	Смоленская	229	Кемеровская	299	Эвенкийский	424
Новгородская	129	Хакасия	232	Усть-Ордынский Бурятский	301	Татарстан	429
Саратовская	134	Томская	232	Московская	316	Тамбовская	431
Нижегородская	146	Хабаровский	232	Приморский	321	Орловская	431
Костромская	150	Челябинская	240	Новосибирская	327	Агинский Бурятский	434
Ивановская	151	Омская	241	Карелия	344	Ханты-Мансийский	436
Иркутская	154	Курганская	242	Башкирия	348	Мурманская	445
Рязанская	186	Ульяновская	263	Камчатская	350	Северная Осетия	452
Астраханская	187	Бурятия	269	Республика Алтай	351	Чувашия	456
Тюменская	188	Самарская	276	Оренбургская	364	Свердловская	474
Еврейская	193	Ставропольский	277	Курская	383	Кабардино-Балкария	486
Калининградская	194	Амурская	281	Брянская	388	Тыва	495
Тульская	201	Марий Эл	282	Мордовия	388	Ямало-	500

						Ненецкий	
Краснодарский	203	Воронежская	282	Адыгея	391	Чукотский	507
Ленинградская	208	Архангельская	284	Алтайский	392	Санкт-Петербург	531
Волгоградская	214	Белгородская	285	Липецкая	394	Таймырский	532
Псковская	217	Коми	287	Ненецкий	395	Дагестан	544
Удмуртия	218	Пензенская	288	Магаданская	399	Москва	572
Кировская	219	Якутия	289	Коми-Пермяцкий	399	Ингушетия	591

Гистограмма также будет имеет «ступенчатый» вид, как и в случае с евклидовой метрикой.

Сопоставив полученную таблицу с приведенной выше (ранги суммарных евклидовых расстояний), нетрудно заметить значительное сходство. И в первом, и во втором случае в группы максимальной и высокой электоральной уникальности входят республики Ингушетия, Дагестан, Тыва, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, автономные округа Ямало-Ненецкий, Агинский (Бурятский) и Чукотский. Тройка самых «типичных» регионов, обладающих самыми низкими ранговыми значениями, вообще не меняется (Владимирская, Тверская и Калужская области). Логичным образом возникает гипотеза о значительном сходстве ранжирования субъектов федерации по их электоральной уникальности при применении двух метрик: евклидова расстояния и 1-г. Гипотеза находит полное подтверждение по результатам корреляционного анализа. Коэффициент корреляции, между показателями, полученными с помощью двух разных метрик, приближается к единице

(0,97). Наличие столь плотной связи стало, в какой-то мере, неожиданностью. Евклидово расстояние и 1-г – это не просто разные способы вычисления дистанций между объектами: они основаны на принципиально разных методологических подходах.

Теперь мы имеем полное право объединить обе метрики в единую суммарную меру электоральной уникальности. Учитывая, что значения, рассчитанные с помощью обеих метрик, проходят ранговые преобразования, допустимо их просто суммировать. Таким образом, *мерой электоральной уникальности региона может служить сумма рангов совокупных значений расстояний региона до каждого другого региона, рассчитанных по методу евклидова расстояния и методу Пирсона для каждого выборов отдельно.*

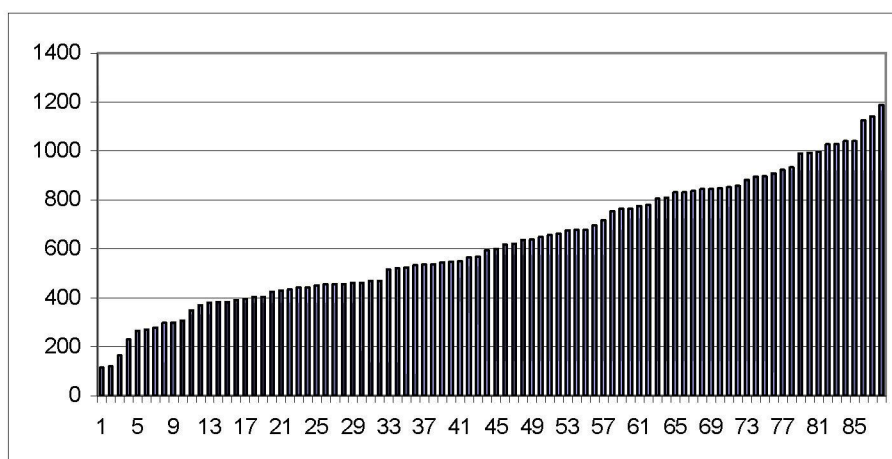
Общий алгоритм вычисления показателя выглядит следующим образом:

1. Расчет всех парных евклидовых расстояний между регионами по каждому выборам отдельноⁱⁱ.
2. Суммирование всех парных евклидовых расстояний для каждого региона, отдельно для разных выборов.
3. Ранговое преобразование полученных суммарных показателей для каждого выборов отдельно.
4. Расчет суммы рангов по всем выборам для каждого региона.
- 5 – 8. Повтор операций 1 – 4 с использованием метрики 1-г.
9. Суммирование итоговых показателей для каждого региона (п.4+п.8).

Следует подчеркнуть, что *сходство ранговых показателей электоральной уникальности регионов отнюдь не свидетельствует о сходстве электорального поведения их избирателей.* Ясно, что электоральная культура в Ингушетии и в Москве различается радикальным образом. *Показатель электоральной уникальности - это мера того, насколько отличаются голосования в данном регионе от голосований во всех других регионах совокупно.*

Ниже приводится «финальные» таблица и гистограмма, в которых отражены ранжированные значения электоральной уникальности регионов по объединенному критерию «евклидово расстояние + 1-r».

Регион	Сумм. ранг	Регион	Сумм. Ранг	Регион	Сумм. ранг	Регион	Сумм. Ранг
Владимирская	114	Курганская	441	Вологодская	600	Ханты-Мансийский	836
Тверская	119	Читинская	442	Новосибирская	616	Корякский	844
Калужская	163	Омская	450	Пензенская	620	Мурманская	844
Ростовская	229	Хакасия	454	Московская	636	Мордовия	848
Новгородская	264	Томская	455	Усть-Ордынский Бурятский	637	Адыгея	852
Костромская	269	Сахалинская	456	Кемеровская	648	Тамбовская	857
Саратовская	277	Хабаровский	461	Карелия	655	Чувашия	882
Нижегородская	297	Челябинская	461	Приморский	661	Карачаево-Черкесия	894
Ивановская	298	Псковская	469	Калмыкия	675	Татарстан	896
Иркутская	306	Смоленская	469	Камчатская	676	Свердловская	908
Астраханская	348	Бурятия	515	Оренбургская	676	Орловская	922
Рязанская	368	Марий Эл	520	Республика Алтай	695	Агинский Бурятский	933
Калининградская	379	Ульяновская	524	Башкирия	716	Северная Осетия	988
Краснодарский	381	Амурская	533	Ненецкий	753	Ямало-Ненецкий	992
Тюменская	382	Самарская	536	Алтайский	763	Чукотский	997
Тульская	391	Коми	537	Магаданская	764	Санкт-Петербург	1027
Волгоградская	395	Ставропольский	545	Курская	775	Тува	1028
Кировская	402	Архангельская	547	Липецкая	779	Кабардино-Балкария	1039
Еврейская	403	Ярославская	549	Брянская	804	Таймырский	1039
Красноярский	425	Воронежская	564	Пермская	808	Москва	1124
Удмуртия	430	Якутия	567	Коми-Пермяцкий	830	Дагестан	1142
Ленинградская	433	Белгородская	593	Эвенкийский	830	Ингушетия	1187

Пока что за пределами нашего рассмотрения оставалась Чеченская республика, избиратели которой не участвовали в двух парламентских голосованиях. Чтобы оценить уровень ее электоральной уникальности, были взяты данные только по тем выборам, в которых республика принимала участие (парламентские 1995 и 2003 гг., президентские 1996, 2000, 2004 гг.). На этом материале *Чеченская республика оказалась максимально уникальным регионом* (суммарный ранг 857), опередив Ингушетию (835), Дагестан (820) и Москву (790). Для сравнения: суммарные ранги «типичной тройки» (Калужская, Тверская и Владимирская области) составили соответственно 87, 91 и 106.

Принципиально иной, несколько более сложный подход к расчету показателя электоральной уникальности региона основан на *факторном анализе*. Факторный анализ является одним из наиболее мощных статистических средств анализа данных. В его основе лежит процедура *объединения групп коррелирующих друг с другом переменных* (т.н. «корреляционных плеяд» или «корреляционных узлов») *в несколько факторов*. Иными словами, цель факторного анализа – «сконцентрировать» исходную информацию, выражая большое число рассматриваемых признаков через меньшее число более емких внутренних характеристик, которые, однако, не поддаются непосредственному измерению (и в этом смысле являются латентными)ⁱⁱⁱ.

Ключевыми элементами статистики факторного анализа (весьма обширной) являются *собственные значения факторов* (eigenvalues), *факторные значения* (factor scores) и *факторные нагрузки* (factor loadings) для каждой переменной. Собственное значение фактора отражает его объяснительную силу. Чем выше собственное значение, чем большую долю вариации всех переменных он объясняет. Построение модели факторного анализа основано на замене значительного числа исходных переменных незначительным числом факторных переменных, обладающих наиболее высокими собственными значениями.

Факторные нагрузки можно представить как коэффициенты корреляции

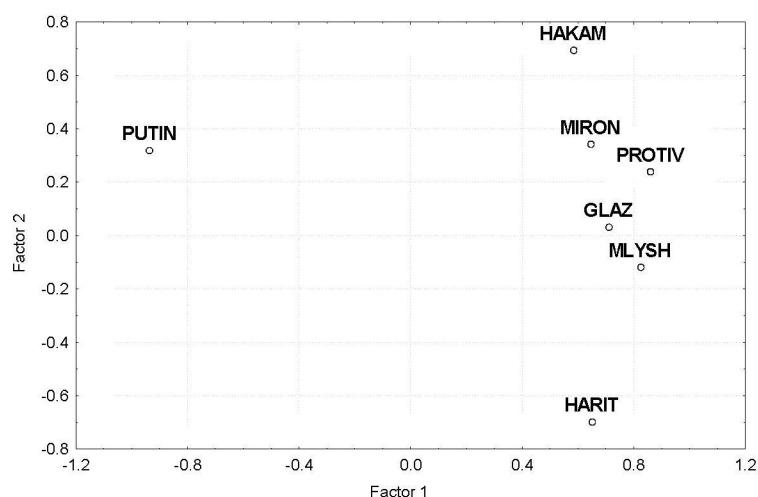
каждой переменной с каждым из выявленных факторов. Чем теснее связь переменной с рассматриваемым фактором, тем выше значение факторной нагрузки. Положительный знак факторной нагрузки указывает на прямую (а отрицательный знак - на обратную) связь переменной с фактором.

Так, ниже приведены собственные значения и факторные нагрузки, вычисленные на основе данных президентских выборов 2004 г. (по субъектам РФ). Используя т.н. критерий Кайзера (собственное значение больше или равно 1), оставляем в модели два первых фактора, которые в сумме объясняют около 75 % всей вариации переменных^{iv}.

№	Собственное значение	% объясняемой вариации	Накопленное собственное значение	Накопленный объясняемый вариации	%
1	4.00	57.14	4.00	57.14	57.14
2	1.25	17.96	5.25	75.10	75.10
3	0.72	10.42	5.98	85.53	85.53
4	0.43	6.20	6.42	91.73	91.73
5	0.35	5.02	6.77	96.75	96.75
6	0.22	3.23	6.99	99.99	99.99
7	0.0003	0.005	7	100	100

Исходные переменные и их обозначение	Факторные нагрузки	
	№1	№2
Глазьев (GLAZ)	0.71	0.03
Малышкин (MLYSH)	0.83	-0.12
Миронов (MIRON)	0.65	0.34
Путин (PUTIN)	-0.93	0.32
Хакамада (HAKAM)	0.59	0.69
Харитонов (HARIT)	0.65	-0.70
Против всех (PROTIV)	0.86	0.24

Полученные результаты можно представить геометрически, отложив нагрузки переменных на первый фактор по оси абсцисс, нагрузки на второй фактор – по оси ординат:

Как видно на графике, ключевой раскол отражает отношение к В. Путину («Путин vs все остальные»), который занимает четкое изолированное положение на оси первого фактора. Вторую факторную переменную можно интерпретировать в духе классического лево-правого раскола: полярные позиции здесь занимают кандидат КПРФ Н. Харитонов и ставленник праволиберальных сил И. Хакамада.

Однако в контексте наших задач наиболее интересным представляется не столько содержательная интерпретация пространства факторных переменных, сколько роль каждого из регионов в формировании такого пространства. В факторном анализе существует специальная статистическая характеристика, позволяющая оценить данный показатель, – *факторное значение*, представляющее собой значение факторной переменных для каждого случая (наблюдения). То есть в процессе анализа мы получаем для каждого региона дополнительно к исходным значениям (в нашем случае – доли активных избирателей, поддержавших различных кандидатов) еще и факторные значения:

	Исходные							Факторные	
	Глазьев	Малышкин	Миронов	Путин	Хакамада	Харитонов	Против всех	Фактор 1	Фактор 2
Адыгея	2.89	1.44	0.47	76.42	1.51	14.06	2.51	-0.81	-1.02
Алтай	3.39	1.38	0.73	75.03	3.51	13.48	1.71	-0.53	-0.13

Башкортостан	1.11	0.49	0.33	91.78	1.12	3.96	0.71	-2.28	-0.15
Бурятия	2.86	1.62	0.77	66.58	7.21	17.08	2.66	0.31	0.74
Дагестан	0.24	0.16	0.17	94.61	0.26	3.81	0.44	-2.74	-0.55
Ингушетия	0.12	0.19	0.73	98.18	0.10	0.52	0.06	-2.62	0.38
Кабардино-Балкария	0.37	0.14	0.12	96.49	0.31	2.22	0.25	-2.88	-0.41
Калмыкия	2.27	0.96	0.38	79.23	4.00	11.13	1.17	-1.18	-0.07
И. т.д. – всего 89 случаев									

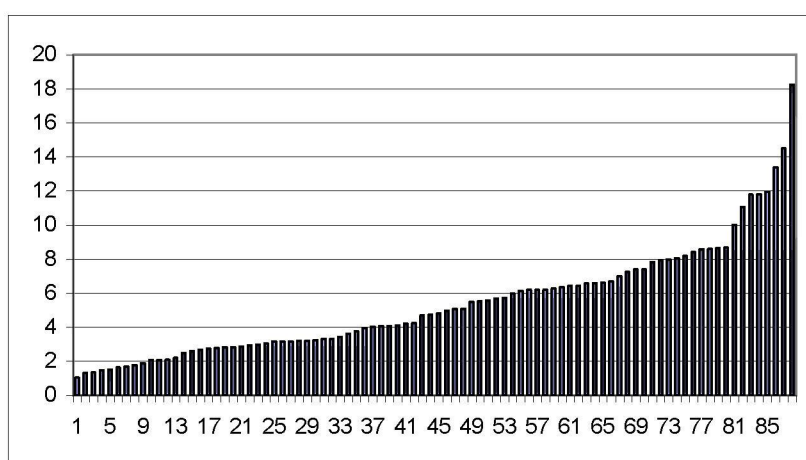
Факторные значения могут быть как положительными, так и отрицательными. Однако более важными с точки зрения измерения электоральной уникальности региона представляются модульные значения факторов. Чем выше модульное значение факторной переменной, тем сильнее электоральные отличия данного региона от остальных. Предлагаемая автором методика предполагает вычисление модульных значений только по первой факторной переменной как обладающей наиболее высокой объяснительной силой^v.

Таким образом, мерой электоральной уникальности региона в рамках данного подхода выступает сумма модулей факторных значений по всем федеральным выборам (1993, 1995, 1996, 1990, 2000, 2003, 2004 гг., кроме Чеченской республики). Получены следующие значения (ранжированы по возрастанию):

Регион	Сумм. модулей факт. значений	Регион	Сумм. модулей факт. значений	Регион	Сумм. модулей факт. значений	Регион	Сумм. модулей факт. значений
Читинская	1.0	Волгоградская	3.0	Пензенская	4.8	Усть-Ордынский	7.0
Костромская	1.3	Тульская	3.0	Липецкая	5.0	Бурятский	7.3
Тверская	1.3	Ленинградская	3.2	Брянская	5.1	Ненецкий	7.4
Якутия	1.5	Омская	3.2	Оренбургская	5.1	Корякский	7.4
Калужская	1.5	Кемеровская	3.2	Челябинская	5.5	Таймырский	7.8
Курганская	1.6	Амурская	3.2	Красноярский	5.5	Калмыкия	7.8
Марий Эл	1.7	Рязанская	3.2	Тамбовская	5.5	Ямало-Ненецкий	7.9
Удмуртия	1.8	Астраханская	3.2	Свердловская	5.7	Мурманская	8.0
Новгородская	1.9	Новосибирская	3.3	Белгородская	5.7	Чукотский	8.1
Псковская	2.1	Самарская	3.3	Эвенкийский	6.0	Приморский	8.2
Тюменская	2.1	Ярославская	3.4	Сахалинская	6.1	Хабаровский	8.4
Ростовская	2.1	Республика	3.6	Томская	6.2	Башкирия	8.6
						Камчатская	8.6

		Алтай					
Кировская	2.2	Калининградская	3.8	Орловская	6.2	Тува	8.7
Владимирская	2.5	Смоленская	4.0	Пермская	6.2	Санкт-Петербург	8.7
Бурятия	2.6	Алтайский	4.0	Архангельская	6.3	Агинский Бурятский	10.0
Краснодарский	2.7	Коми-Пермяцкий	4.1	Московская	6.3	Карачаево-Черкесия	11.0
Саратовская	2.7	Ставропольский	4.1	Карелия	6.4	Москва	11.8
Еврейская	2.8	Ульяновская	4.1	Магаданская	6.4	Северная Осетия	11.8
Ивановская	2.8	Воронежская	4.2	Татарстан	6.6	Мордовия	12.0
Вологодская	2.8	Чувашия	4.2	Курская	6.6	Ингушетия	13.4
Хакасия	2.9	Иркутская	4.7	Ханты-Мансийский	6.6	Кабардино-Балкария	14.5
Нижегородская	2.9	Коми	4.7	Адыгея	6.7	Дагестан	18.2

Сравнительный анализ ранжирования субъектов РФ с точки зрения электоральной уникальности по двум критериям – сумме рангов расстояний и сумме модулей факторных значений – наводит на мысль об определенном сходстве этих принципиально разных метрик. В частности, в группах максимальной и высокой уникальности в обоих случаях доминируют республики^{vi}, автономные округа и города федерального значения. Убедиться в схожести результатов позволяет все тот же корреляционный анализ: коэффициент Пирсона составляет 0,78, коэффициент Спирмана (корреляция ранговых значений) – 0,8. Близость показателей электоральной уникальности регионов, полученных в рамках различных подходов, выступает свидетельством обоснованности представленных методик.

Отдельной задачей является поиск факторов, определяющих именно такое распределение регионов с точки зрения электоральной уникальности. Некоторые гипотезы буквально напрашиваются: в частности, очевидное

значение имеет национально-территориальный фактор. Однако осуществить комплексное решение такой задачи не позволяет объем данной работы. Автор надеется, что предложенные им методики измерения региональных различий будут представлять самостоятельный интерес для специалистов по сравнительным исследованиям электоральных процессов.

ⁱ В общем случае исключается Чеченская республика, не принимавшая участия в выборах 1993 и 1999 гг. Она будет проанализирована отдельно на меньшем массиве данных.

ⁱⁱ Подобные вычисления можно быстро произвести с помощью профессиональных статистических программ (Statistica, SPSS и др.).

ⁱⁱⁱ Подробнее см. Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование. Уч. пособие. М.: Гардарики, 2006; Ахременко А.С. Структурирование электорального пространства в российских регионах: факторный анализ парламентских выборов 1995-2003 гг. // ПОЛИС. 2005. № 2; Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М.: Издательство МГУ, 1997.

^{iv} Факторный анализ президентских выборов 2004 г. приводится в иллюстративных целях, поэтому можно ограничиться двухфакторной моделью. Используя более гибкие критерии (прежде всего, матрицу воспроизведенных корреляций), мы оставили бы в модели три фактора, существенно повысив ее качество.

^v В принципе, возможен иной подход: модули факторных значений для каждого региона умножаются на весовые коэффициенты, в качестве которых выступают собственные значения факторных переменных, а затем суммируются.

^{vi} При анализе результатов выборов с исключением парламентских кампаний 1993 и 1999 гг. Чеченская республика входит в группу регионов высокой уникальности голосования – 82 ранговая позиция.

*Еще раз об «учредительных выборах», или
О возможности «демократического рывка» России в 1991 г.**

Постановка проблемы и обзор дискурса.

Исследователи политических процессов, изучая сложившиеся феномены, обязаны в итоге ответить, по крайней мере, на два ключевых вопроса: «Что случилось, как и почему?» и «Могло ли быть иначе?». Порой это невозможно сделать в полной мере: сказывается дефицит эмпирических знаний и исторического времени. Попытка ответа, однако, должна быть предпринята в любом случае. Без этого изыскания вряд ли могут считаться завершенными и успешными, страдая либо усложняющей политическую конструкцию описательностью, либо упрощающим реалии схематизмом.

Западные классики применительно к переходным странам ввели термин «учредительные выборы» как начальную фазу трансформации от авторитарного правления к демократическому¹. Из авторов, специализирующихся на изучении России, наиболее полно теория и практика перехода к «постсоциализму» изучена В. Я. Гельманом², К. Мацузато³ и А. Ю. Мельвилем⁴.

Роль «учредительных выборов» теоретически очень важна. В процессе переходов, пишет В. Я. Гельман, они играют тройную роль: 1. институциональную – они устанавливают систему политических институтов, в рамках которой развивается электоральная конкуренция; 2. бихевиоральную – они формируют «меню» предпочтений и паттерны поведения избирателей, тем самым определяя и контуры новой партийной системы; 3. трансформационную – они создают основу легитимации новых политических режимов и существенно ограничивают возможности возврата к старым и/или перехода к новым недемократическим формам правления⁵.

---

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-03-00057а).

Новая Россия в 1991 г. пропустила «учредительные выборы» и начала транзит в византийском стиле, используя назначения. Процедура была проста: президент назначает губернаторов, те, в свою очередь, – глав администраций субрегионов. Была введена просуществовавшая до 1995-1996 гг. система иерархического построения органов исполнительной власти, или «исполнительная вертикаль».

- Почему «учредительные выборы» в 1991 г. не состоялись?
- Могли ли они тогда состояться?
- Что сделала власть?
- Означал ли отказ от «учредительных выборов» в 1991 г. отказ от демократического перехода?
- Состоялись ли в России «учредительные выборы»?

Почему «учредительные выборы» в 1991 г. не состоялись (экспертные суждения)?

Аналитики «Демократической России» прогнозировали крупную неудачу сторонников президента Б.Н. Ельцина (лишь 10-12 побед). Именно этот прогноз послужил обоснованием реализации «исполнительной вертикали». Постановление Съезда народных депутатов РФ 1 ноября 1991 г. установило мораторий на выборы всех уровней до 1 декабря 1992 г.

Официальные объяснения апеллировали к опасности коммунистического реванша, «нового августа», чрезвычайным обстоятельствам, нависшей угрозе распада теперь уже российского государства. Эти сентенции («не дать России повторить судьбу распавшегося Советского Союза»⁶) широко представлены и в научной литературе.

Политики федерального уровня. А.Ю. Мельвиль вспоминает свое выступление середины 1990 гг. в Институте экономики переходного периода. Разговор шел об упущенных возможностях институционализации демократического прорыва осенью 1991 г. Его базовый тезис заключался в том, что из-за нежелания или неготовности Ельцина и его окружения пойти на «учредительные выборы» не была использована политическая атмосфера

того времени, благоприятствовавшая возникновению законодательного большинства демократов-реформаторов. Выслушав его соображения, Е.Т. Гайдар возразил: в конце 1991 г. страна находилась на грани голода и энергетического коллапса, соответственно – приоритеты были совсем иные, и заимствование хрестоматийных последовательностей зарубежных демократических транзитов повлекло бы за собой результаты, противоположные ожидаемым. Судя по всему, довод Гайдара был настолько убедителен, что Мельвиль пересмотрел собственную позицию: «...выбор политического сценария, который в других условиях был способен обеспечить успешный радикальный прорыв, просто не мог состояться из-за узости имевшегося коридора возможностей»⁷.

Весьма интересным нам представляется тот факт, что пересмотрели собственное видение возможностей «демократического рывка» в России и **региональные демократы**. Дважды, в 1995 и 2003 гг., автор этих строк брал интервью у пяти лидеров первой десятки тамбовского демократического движения ранней поры (1988-1994 гг.). Нас тогда интересовало видение хода и результатов «провинциальной политики» активных «демократических штыков». Состав респондентов оставался неизменен. Оба раза все ставили условием нашего сотрудничества конфиденциальность. Четверо из них работали (и работают ныне) на государственной или муниципальной службе и очень дорожили ею. Один оказался в топ-менеджменте серьезной бизнес-структуры и сторонился публичности.

В 1995 г. все, без единого исключения, говорили о неиспользованных возможностях 1991 г. Лейтмотив их рассуждений был таков. Президент тогда был «наш», губернаторы – «почти наши». Надо было формировать и федеральную, и региональную власти без участия номенклатуры, жестко продиктовать свои условия оппозиции, ни в коем случае не дать возможности реанимации коммунистического движения. Пойти на «учредительные выборы» и обрести тем самым легитимацию. Их мнение было единодушно: ничто этому помешать не могло.

В 2003 г. оказалось, что очень многое ими переосмыслено. «У нас без номенклатуры не было шансов сохранить власть», «Мы были бы сметены коммунистической оппозицией, если бы остались в одиночестве», «Мы не имели опыта конструктивной работы», «Бизнес был сформирован без нашего участия – мы были обречены в любом случае». Кстати, все они не склонны думать о приватизации экономики номенклатурой, уверенно говорят о третьей силе, подкравшейся из-за спин партийно-советской номенклатуры и демократического официоза. Так вот, все они считают, что шансы победить на выборах у них, конечно, были, но тогда была бы и иная ответственность. Груз ответственности пугал более всего.

Кроме того, спрашивали демократы рубежа 1980-1990 гг., где найти столько кандидатов от демократического движения? И сами же отвечали, что нигде. В любом случае это были бы люди из той же номенклатуры: партийной, советской или хозяйственной. Выборы легитимировали бы не демократическую власть, а власть все той же номенклатуры. И надо ли это было делать? Нет, не надо.

Отчего такое изменение оценок? Ответ и в том, что исчезла демократическая ортодоксия, пришло более глубокое понимание проблем государственного строительства, выходящее за рамки банального противоборства «свои – чужие». Немаловажно и то, что наши герои довольно комфортно чувствуют себя в качестве верных охранителей нового государства. Причем, это та ситуация, когда государство без них обойтись может вполне легко, а вот им без него будет, как минимум, некомфортно. Таким образом, «узость коридора», на взгляд наших респондентов, была обусловлена еще и не самым лучшим обеспечением «человеческим материалом». Оказалось, что новой власти было крайне сложно найти качественную опору. Эти признания ценнее традиционного возражения Гайдара («Страна находилась на пороге голода»), всерьез почти никем не воспринимаемого. При всем том, что относительно голода он, конечно, прав. Очень хорошо о тех днях свидетельствует Л. Васильева: «В магазине «Ткани» на Беговой – пусто. В

магазине «Молоко» – ремонт. Сегодня всюду ремонт в магазинах – нечем торговать. Люди вот второй год готовятся к голодной зиме. Можно ли готовиться к голоду? Да. Запасаться. А если скоро негде будет запастись? В магазине «Обувь» на Беговой продаются одни галоши. Больше ничего нет»⁸. Вот только голод сам по себе был лишь поводом для отказа от демократических выборов. А глубокие предпосылки, как теперь ясно, совсем в другом: выборы неминуемо отстраняли от власти триумфаторов августа 1991 г. Настолько мало их было. Настолько слабыми и беспомощными они себя чувствовали.

Что сделала власть? Процедура и результаты назначений проанализированы нами в деталях⁹. На региональном уровне «горбачевскими десантниками» (удачная терминологическая находка И. Егорова и К. Мацузато¹⁰) стали советская номенклатура и директорат.

Рассмотрим «рязанский случай». 25 сентября 1991 г. указом президента главой администрации Рязанской области был назначен председатель облисполкома (1988-1990 гг.), работник аппарата СМ СССР (1990-1991 гг.) Л.П. Башмаков. Для новой власти он был идеальной фигурой. Не имел серьезного номенклатурного прошлого, не был, по сути, на партийной работе. Пик партийной карьеры – секретарь парткома завода в Ровно (1972-1980 гг.). Главными гарантиями его лояльности, как нам представляется, были три обстоятельства. Во-первых, это был типичный хозяйственник. Директорат новому российскому руководству представлялся политическим союзником. Во-вторых, работая председателем облисполкома, он занимал гибкую и в чем-то демократичную позицию, демонстрировал политическую толерантность. В отличие от партийного руководства, он никогда не выдавал образцы ортодоксальной коммунистической лексики. В-третьих, он был для Рязанщины неукорененным чужаком. Для руководства России и стремительно организовывающихся местных кланов это было хорошо. Плохо в перспективе могло быть только Башмакову. Исподволь нарастал его конфликт с лидером «ортодоксальных демократов» мэром Рязани В.В.

Рюминым. В результате сильнее оказались московские и собственно рязанские связи мэра. С формулировкой «за систематическое превышение своих полномочий» в 1994 г. был уволен как раз губернатор. Такая развязка вовсе не выглядит аномалией: в 4 из 7 территорий, изученных нами, губернаторы-назначенцы из-за конфликтов интересов вынуждены были подать в отставку. Срок их деятельности – от двух недель (Ульяновская область) до 3,5 лет (Тамбовская область).

В Рязанской области глава областной администрации разумно опирался на тех, кого знал и кому доверял. 21 из 29 глав городских и районных администраций оказались председателями или заместителями председателей гор- и райисполкомов. В целом же по 7 регионам РФ главы администраций рекрутировались почти в половине случаев, 48,2 %, из председателей гор- и райисполкомов. Далее со значительным отставанием, 17,6 % и 16,6 %, следовали хозяйственники и первые секретари. Впечатляющий успех советских работников дополнили заместители председателей исполкомов (6,5 %) и председатели/заместители председателей Советов (4,0 %). В совокупности позиций получилось, что из аппарата советской номенклатуры к руководству субрегионами пришли 58,8 %.

Состоялись ли в России «учредительные выборы»?

В. Я. Гельман некогда сделал вывод, что отказ от «учредительных выборов» стал крупнейшей политической ошибкой новой власти, барьером на пути демократизации страны, ударом по партийной системе, источником противостояния президента и парламента¹¹. Примерно так же оценивал происшедшее и автор настоящей статьи. Казалось, что это была рукотворная, во многом искусственная, ошибка, связанная с критически низким качеством и особым миропониманием послепутчевого российского руководства. Новые обитатели Кремля, вероятно, борясь с КПСС, не только не верили в собственную победу, но боялись ее и уж точно не были готовы к исполнению ответственной роли. Они не обладали ни государственным мышлением, ни опытом созидания, находились в плену копившихся в них десятилетиями

комплексов и стереотипов, оттого позиционировали себя осажденной крепостью и воспринимали все вокруг только как враждебное. Видимо, так и было, но Гельман, тонкий аналитик, понимал и то, что столь жесткие и однозначные представления о роли «учредительных выборов» выводят за рамки рассмотрения иные варианты трансформации политического режима¹². Российскую политическую систему называют «управляемой демократией», «номенклатурной демократией», «полудемократией», «гибридным режимом». Россия переходит от коммунистического правления к гибриднему режиму, сочетающему черты демократий и недемократических режимов. И это вовсе не уничижительные оценки, а объективные констатации состояния политического режима. Они важны для того хотя бы, чтобы сформулировать и иное понимание траектории российского демократического перехода, где немедленные «учредительные выборы» были желательны, но для новой власти контрпродуктивны.

«Учредительные выборы» не состоялись в 1991 г., но это не значит, что они не прошли вовсе. Таковыми можно считать думские выборы 1993 и 1995 гг., президентскую кампанию 1996 г. (при всех ее пороках надо понимать, что она могла не состояться) и губернаторские кампании 1995-1996 гг. На местном уровне это произошло в сопоставимые сроки. Лидер тамбовских демократов В.Н. Коваль, став мэром Тамбова по указу президента, пошел на выборы, и 27 марта 1994 г. уверенно победил в первом же туре (53,3 %) в конкуренции с недавним первым секретарем ГК КПСС А.М. Сафоновым, шедшим от КПРФ. В массе же своей главы местного самоуправления были избраны во время первого электорального цикла 1994-1996 гг.

А.Ю. Мельвиль призывает отнестись со вниманием к «транзитологической парадигме»: страны, «выбравшие» демократический путь, раньше или позже придут к торжеству демократии. Указав на невозможность просто «выбрать» идеальную модель и имплантировать ее в чужеродное социальное тело, он отмечает, что транзиты бывают самыми разными и не все они имеют демократический характер¹³.

Строительство нынешней «вертикали», как и в 1991 г., не должно ассоциироваться со шлагбаумом на пути демократического перехода. Хотя, в обоих случаях в канонах классической демократии это ее безусловные ограничения. Полагаем, однако, что это *такой* переход.

---

¹ O'Donnel G., Schmitter P.C. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 1986; Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1996; Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

² Гельман В. Я. Региональная власть в современной России // Полис. 1998. № 1. С. 87-105; Гельман В. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989-1996) // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 64-81; Он же. «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 46-64; Он же. Федеральная политика и местное самоуправление // Власть. 1997. № 9. С. 73-80; Он же. Федеральная политика и местное самоуправление в России: критический обзор // Местное самоуправление: теория и практика (2-е издание). М.: Фонд Фридриха Науманна, 1997. С. 53-62; Он же. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М.: МОНФ, 1999.

³ Matsutato K. From Communist Boss Politics to Post-communist Caciquismo – the Meso-elite and Meso-Governments in Post-communist Countries // Communist and Post-Communist Studies. 2001. № 34. P. 175-201; Matsutato K. From Ethno-Bonapartism to Centralized Caciquismo: Characteristics and Origins of the Tatarstan Political Regime, 1990-2000 // The Journal of Communist Studies & Transition Politics. 2001. Vol.17. № 4. December. P. 43-77. Matsutato K. Local Elites Under Transition: County and City Politics in Russia 1985-1996 // Europe-Asia Studies. 1999. Vol.51. № 8. P. 1367-1400; Matsutato K. The Split and Reconfiguration of Ex-Communist Party Factions in the Russian Oblasts: Chelyabinsk, Samara, Ulianovsk, Tambov, and Tver (1991-1995) // Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. 1997. Vol.5. № 1. P. 51-88.

⁴ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: МОНФ, 1999; Он же. Так что же случилось с «российским выбором»? // Полис. 2003. № 4. С. 161-164.

⁵ Гельман В.Я. «Учредительные выборы»... С. 46.

⁶ Березовский Е. В. Политическая элита российского общества на рубеже эпох. Ч. 1 (1991-1996): Историко-социологическое исследование. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 161.

⁷ Мельвиль А.Ю. Так что же случилось с «российским выбором»? С. 161-164.

⁸ Васильева Л. Кремлевские жены. М.: Вагриус, 1994. С. 136-137.

⁹ Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов: ОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. С. 201-223; Он же. Первые секретари ГК и РК КПСС (1991-1992 гг.): продолжение или завершение карьеры? // PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып.2. Политические партии и выборы в российских регионах / Редкол.: В.М. Юрьев (пред.), В.Ф. Пеньков, С.В. Самгин, Д.Г. Сельцер (отв. ред.). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. С. 135-156; Seltser D.G., Crosston M.D. Mutating Power: Tracking the Changes in Authority of the Sub-Regional Communist Party Nomenclature During Late-stage Soviet and Post-Soviet Socialism (1985-2005) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2005. Т. 11. № 2Б. С. 578-589.

¹⁰ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская республика: Хроника политического процесса (1988-1999) // Регионы России: хроника и руководители. Т. 7: Республика Татарстан, Удмуртская республика, Республика Мордовия (Occasional Papers on the Elite of the Mid-Volga Ethnic Republics № 3). Саппоро: SRC, Hokkaido University, 2000. С. 274.

¹¹ Гельман В.Я. «Учредительные выборы»... С. 52-53.

¹² Там же. С. 47.

¹³ Мельвиль А.Ю. Так что же случилось с «российским выбором»? С. 161-164.

Как видно из графиков, полученные в работе сплайн-функции с погрешностью менее 15% описывают поведение системы в области фазового перехода. Таким образом, использование сплайн-функций при проведении вычислительного эксперимента позволяет увеличить в 30–35 раз шаг изменения вероятности заполнения решетки при той же допустимой погрешности вычислений. Предложенный авторами подход дает возможность сократить объем вычислений более чем в 20 раз. Результаты двумерного моделирования могут быть использованы при исследовании процессов фазовых превращений в тонких пленках и жидких кристаллах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stauffer D., Aharony A. Introduction to Percolation Theory. — London: Taylor & Francis, 1992.
2. Grimmet G. Percolation. — Berlin: Springer-Verlag, 1999.
3. Калиткин Н.Н. Численные методы. М.: Наука, 1978. — 508 с.
4. Самарский А.А. Введение в численные методы. — Изд. 3-е, стер. — СПб.: Лань, 2005. — 269 с.
5. Бахвалов Н. С. Численные методы. — Изд. 2-е. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2001. — 630 с.

SPLINE INTERPOLATION IN PERCOLATION MODELS

© 2012

N.I. Limanova, doctor of technical sciences, associate professor,
professor of the chair «Applied Mathematics and Computer Science»

M.A. Trenina, senior lecturer of the chair «Applied Mathematics and Computer Science»
Togliatti State University, Togliatti, (Russia)

Keywords: mathematical modeling; numerical methods; spline interpolation; models of cell percolation.

Annotation: In the paper it is proposed to approximate by spline interpolation the dependences of the percolation probability from probability of filling the lattice for a variety of small finite systems. Obtained by the authors spline-functions with an error of less than 15% describe the behavior of the system in the area of phase transition. Using these functions allows you to increase the step changes in the probability of lattice filling in the process of computing experiment in the same margin of calculations error. The proposed approach makes it possible to reduce the amount of calculations in more than 20 times.

УДК 519.688

ЕЩЁ ОБ ОДНОМ ПОДХОДЕ К РЕШЕНИЮ ПСЕВДОГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ КОММИВОЯЖЁРА

© 2012

С.Б. Макаркин, аспирант
Тольяттинский государственный университет, Россия

Ключевые слова: задача коммивояжёра; псевдогеометрический вариант задачи коммивояжёра; геометрические методы решения; рандомизированные алгоритмы.

Аннотация: в настоящей работе изучаются методы восстановления координат городов на основании матрицы расстояний псевдогеометрической задачи коммивояжёра и минимизации отклонения матрицы расстояний, рассчитанной на основе восстановленных координат городов от исходной матрицы расстояний. Также рассмотрены аппроксимационные методы расчёта координат городов в случаях, когда расстояния между ними не удовлетворяют условиям, необходимым для геометрической интерпретации задачи.

ВВЕДЕНИЕ

Задачи оптимизации вообще, и дискретной оптимизации в частности, относятся к кругу востребованных проблем современной прикладной математики. К настоящему времени разработано значительное количество методов решения подобных проблем. Тем не менее, несмотря на невероятный рост вычислительных мощностей в последние десятилетия, проблемы размерности и вычислительной сложности по-прежнему накладывают существенные ограничения на применимость этих методов. Исследования, описанные в настоящей работе относятся к т.н. задаче коммивояжера (ЗКВ). Задача эта заключается, в общем случае, в нахождении наименее затратного маршрута, проходящего через все указанные города с возвратом в исходную точку. Особенностью этой задачи является то, что при относительной простоте определения задачи и нахождения хорошего решения, нахождение действительно оптимального маршрута является сложной задачей (строго говоря, эта задача, как при обобщённой постановке задачи, так и для большинства её вариаций, относится к классу NP-полных) [1,2].

ПСЕВДОГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ ЗКВ

Одним из наиболее изученных является т.н. геометрический вариант ЗКВ [3], для которого стоимость маршрута между двумя городами определяется расстоянием между ними (Евклидова норма). В настоящей статье рассматривается двумерный симметричный *псевдогеометрический* вариант ЗКВ, отличающийся от геометрического тем, что все элементы матрицы расстояний дополнительно умножается на случайные числа, генерируемые с нормальным законом распределения, заданной дисперсией и математическим ожиданием 1. Процедура генерации исходных данных для двумерного случая псевдогеометрического варианта такова: в единичном квадрате случайным образом располагается n точек, $n \in \mathbb{N}$. Полученный набор точек рассматривается как вершины $V=\{v_1, \dots, v_n\}$ полного взвешенного графа $G=(V,E)$. Элементы матрицы смежности данного графа $D(i,j)$ определяются, как евклидова норма

$$D(i, j) = \sqrt{(x_i - x_j)^2 + (y_i - y_j)^2}. \quad (1)$$

После этого каждый элемент матрицы смежности умножается некоторое случайное число. Для того, чтобы сохранить симметричность, умножаются только элементы, расположенные левее и выше главной диагонали, а элементы, расположенные левее и ниже устанавливаются равными соответствующим рассчитанным элементам ($d_{ij} = d_{ji}$). Такое преобразование матрицы расстояний, трансформирующее геометрическую задачу в псевдогеометрическую, не влияет на точность решения, получаемого с применением алгоритмов, оперирующих только матрицей расстояний (например, т.н. муравьиных алгоритмов, например, [4]). В то же время для подходов, опирающихся на координаты точек такое преобразование требует дополнительной обработки исходных данных. Одним из таких подходов является метод эластичной сети, впервые предложенный Р. Дубриньим в [5]. Для использования подобных подходов необходимо привести координаты точек в соответствие с полученной матрицей расстояний.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ТОЧЕК НА ПЛОСКОСТИ

Для того, чтобы рассчитать координаты точек, воспользуемся следующей методикой. Сначала из множества точек (вершин графа) V выбираются две произвольные точки, v_1 и v_2 . Первая точка располагается в начале координат, а вторая - на оси Ox так, чтобы расстояние от этой точки до начала координат соответствовало расстоянию между выбранными точками d_{12} , т.е. $v_1=(0,0)$;

$v_2=(d_{12},0)^T$. Координаты третьей точки, v_3 , могут быть найдены как точка (точка) пересечения окружностей с центрами в a_1 и a_2 , радиусом d_{13} и d_{23} соответственно. Таким образом, необходимо решить систему квадратных уравнений

$$\begin{cases} (x - x_1)^2 + (y - y_1)^2 = d_{13}^2, \\ (x - x_2)^2 + (y - y_2)^2 = d_{23}^2 \end{cases} \quad (2)$$

где x_1, y_1 – координаты точки v_1 , а x_2, y_2 – координаты точки v_2 (назовём такие точки *опорными*), d_{13} – расстояние от v_1 до v_3 и d_{23} – расстояние от v_2 до v_3 . В зависимости от конкретных значений d_{13} , d_{23} и d_{12} возможны три варианта определения координат точки v_3 .

Если $(d_{13} + d_{23}) < d_{12}$, система не имеет решений в области рациональных чисел (т.е. окружности не пересекаются). В этом случае предположим, что точка v_3 расположена на прямой v_1v_2 на расстоянии d_{13}' от v_1 и d_{23}' от v_2 так,

что $\frac{d_{13}'}{d_{23}'} = \frac{d_{13}}{d_{23}}$. Если $(d_{13} + d_{23}) = d_{12}$, система имеет единственное решение $x_3, y_3 \in \mathbb{R}$, которое и будет координатами точки v_3 . Если $(d_{13} + d_{23}) > d_{12}$, система имеет два решения $v_3' = (x_{31}, y_{31}), v_3'' = (x_{32}, y_{32}) : x_{31}, y_{31}, x_{32}, y_{32} \in \mathbb{R}$.

В этом случае случайно выберем одну из точек с уже известными координатами a_i , рассчитаем расстояние от v_3' и v_3'' до v_3 (d_{3i}' и d_{3i}'' соответственно) и выберем решение системы

$$v_3 = \begin{cases} v_3' & \text{если } d_{3i}' \leq d_{3i}'' \\ v_3'' & \text{если } d_{3i}' > d_{3i}'' \end{cases} \quad (3)$$

где d_{3i} – расстояние от точки v_3 до v_i согласно матрице расстояний.

Координаты четвёртой и последующих точек определяются как среднее арифметическое от координат, полученных аналогичным способом для всех пар уже рассчитанных точек.

Рассмотрим собственно решение системы уравнений.

1. Алгебраический метод решения системы уравнений

Этот метод решения использован в [6] – решение системы квадратных уравнений методом сложения, либо методом подстановки. Обратим внимание на то, что в решении этой системы уравнений присутствует операция деления на координату одной из опорных точек, что может приводить к делению на 0 (если опорная точка лежит на одной из осей координат).

2. Геометрический метод решения системы уравнений

Существует другой подход к нахождению координаты точек пересечения окружностей, обладающий большей численной устойчивостью. Назовём этот метод *геометрическим*. Сначала задача нахождения точек пересечения двух окружностей сводится к нахождению точки пересечения окружности и прямой [7], после чего решается с применением геометрического подхода [8].

ОЦЕНКА ПОГРЕШНОСТИ ВЫЧИСЛЕНИЙ

Для оценки погрешности вычислений использован подход, аналогичный [6] – вычислим нормированное расстояние Хемминга [9]:

$$D_H = \frac{\sum_{i,j=0}^n (d_{ij} - d_{ij}')}{n^2}, \quad (4)$$

⁷ Здесь и далее d_{in} означает расстояние от точки a_n до точки a_i , согласно матрице смежности D .

где $D = \{d_{11}, d_{12}, \dots, d_{nn}\}$ — исходная матрица расстояний, $D' = \{d'_{11}, d'_{12}, \dots, d'_{nn}\}$ — матрица расстояний рассчитанная после расположения точек на плоскости согласно исходной матрице расстояний. Очевидно, что $D_H > 0 \forall D, D'$, т.к. на точности расчёта сказываются, по меньшей мере, ошибки округления. Для случая псевдогеометрической ЗКВ невязка будет обусловлена ещё и тем, что при преобразовании геометрической задачи в псевдогеометрическую нарушается т.н. правило треугольника $\forall d_{ij}, d_{jk}, d_{ki} \in D: d_{ij} + d_{jk} \geq d_{ki}$, что делает невозможным расположение узлов графа на плоскости с сохранением всех расстояний между узлами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Для сравнительной оценки точности вышеописанных методов расположения точек по матрице расстояний, автором была разработана программа на C++. Данная программа генерирует координаты n точек $V = \{v_1, v_2, \dots, v_n\}$ в единичном квадрате с равномерным законом распределения, и по полученным координатам рассчитывается матрица расстояний D каждый элемент которой определяется согласно (1). Далее, каждый элемент матрицы D умножается на случайное число (нормальное распределение с математическим ожиданием 1 и дисперсией μ). На основании полученной матрицы D расстояний выполняется расчёт координат точек $V' = \{v'_1, v'_2, \dots, v'_n\}$ одним из двух вышеупомянутых способов (аналитическим или геометрическим). Т.к. мы рассматриваем симметричный вариант ЗКВ, при расчёте расположения точек рассматриваются только те элементы матрицы расстояний, которые расположены выше и левее главной диагонали. На основании рассчитанных координат точек V' рассчитывается матрица расстояний D' . После чего рассчитывается невязка — нормированное расстояние Хемминга (4) между D и D' . Для простоты сравнения и анализа мы будем использовать абсолютное значение рассчитанной невязки. Невязка для 100 случайно сгенерированных графов с числом городов 2000 приведена на рис. 1. Среднее время расчёта координат по матрице расстояний составило 178 мс для аналитического метода и 183 мс для геометрического.

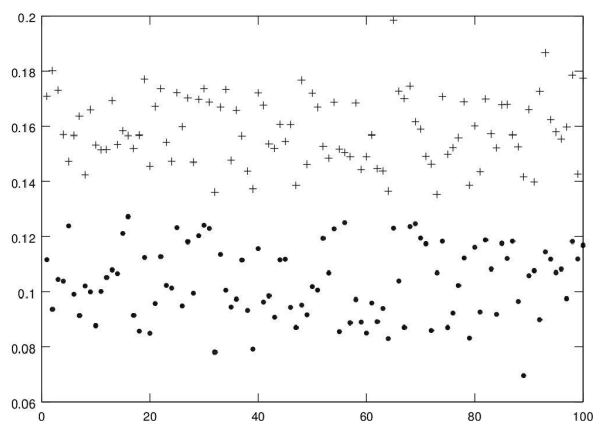
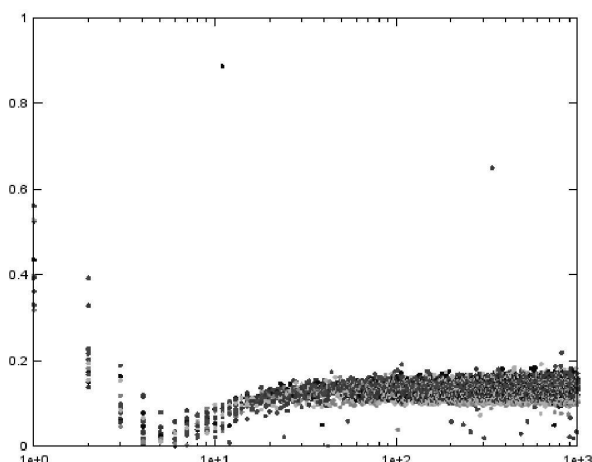

Рис. 1. Невязка исходной и расчётной матриц расстояний; аналитический (+) и геометрический (*) метод.

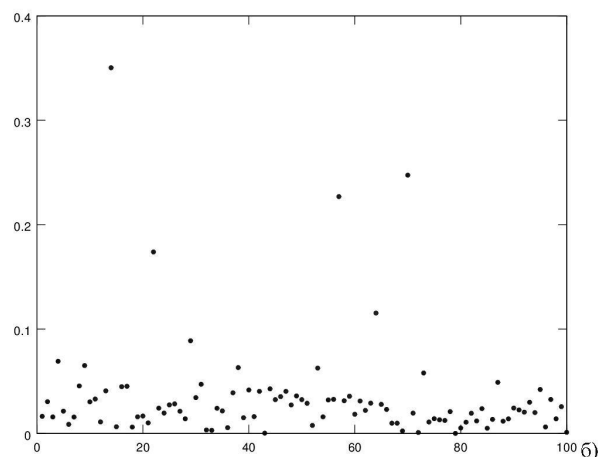
Из полученных данных видно, что для всех обработанных графов геометрический способ решения дал более точный результат. Его мы и будем рассматривать далее.

Сложность расчёта координаты каждой текущей точки на основании координат всех уже известных точек будет расти экспоненциально с увеличением размера задачи, так что для достаточно большого числа городов такой расчёт может оказаться невыполнимым. Возможным решением для упрощения этого расчёта является использование некоторого фиксированного количества случайно выбранных пар опорных точек. Для оценки того, как это решение повлияет на точность результата, были рассчитаны координаты точек для 14 задач размерностью 1000 точек. Для каждой задачи при расчёте координат в качестве опорных точек использовались от 1 до 1000 случайно выбранных пар точек. Результаты расчётов приведены на рис. 2.

Выполненные расчёты показывают, что наименьшее значение невязки получается при использовании 6 пар опорных точек (рис. 2а). Кроме того, из приведённых данных видно, что при дальнейшем (более 6) увеличении количества используемых пар опорных точек невязка не уменьшается, а стремится к некоторому пороговому значению. Таким образом, использование большого количества опорных точек неоправдано.

а) Зависимость невязки от количества пар использованных опорных точек

Невязка при использовании шести пар опорных точек

Рис. 2. при использовании фиксированного числа случайно выбранных опорных точек.

На рис. 2б приведено значение невязки для 100 задач размерностью 1000, для которых координаты точек были рассчитаны на основании координат 6 случайно выбранных опорных точек. Из представленных данных видно,

что для большинства случаев невязка оказывается менее 0,05. В то же время, для некоторых входных данных невязка оказывается в несколько раз больше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате данной работы автором получен алгоритм расположения точек на плоскости, демонстрирующий для большинства наборов входных данных существенно лучший результат (как величине невязки, так и по времени выполнения), чем алгоритм, предложенный [6]. Тем не менее, полученный алгоритм не лишён определённых недостатков, в частности, нестабильность точности, приводящая к появлению всплесков невязки для некоторых входных данных. Для сглаживания таких всплесков возможно применение некоторых эвристик, позволяющих оценить верхнюю границу невязки при получении координат каждой точки. На основании этих эвристик принимается решение о повторном расчёте координат (с использованием других пар опорных точек). Разработка и тестирование таких эвристик – предмет дальнейших исследований.

Работа автора частично поддержана региональным грантом РФФИ № 13-01-97003, а также Федеральной целевой программой “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 годы, соглашение № 14.В37.21.1934.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hromkovic J. Algorithmics for Hard Problems. Introduction to Combinatorial Optimization, Randomization, Approximation, and Heuristics. Springer, 2003.
2. Громкович Ю. Теоретическая информатика. Введение в теорию автоматов, теорию вычислимости, теорию сложности, теорию алгоритмов, рандомизацию, теорию связи и криптографию. БХВ-Петербург, СПб., 2010.
3. Мельников Б., Романов Н. Ещё раз об эвристиках для задачи коммивояжёра // Теоретические проблемы информатики и её приложений. — 2001. — Т. 4. — С. 81–92.
4. Dorigo M., Gambardella L. M. Ant colonies for travelling salesman problem // TR/IRIDIA/1996-3, Universit Libre de Bruxelles, Belgium
5. Dubrin R., Willshaw D. An analogue approach of the travelling salesman problem using an elastic net method // Nature. — 1987. — Vol. 326. — P. 689–691.
6. Крашениникова К. Об одном подходе к решению псевдогеометрической версии задачи коммивояжёра. // Вектор науки ТГУ. — 2011. — Vol. 2(16). — P. 21–24.
7. Пересечение двух окружностей // MAXimal URL: http://e-maxx.ru/algo/circles_intersection (дата обращения: 28.07.2012).
8. Пересечение окружности и прямой // MAXimal URL: http://e-maxx.ru/algo/circle_line_intersection (дата обращения: 28.07.2012).
9. Hamming R. Error detecting and error correcting codes // The Bell System Technical Journal. — 1950. — Vol. 2.

ONE MORE APPROACH TO SOLVING PSEUDOGEOMETRICAL VERSION OF TRAVELLING SALESMAN PROBLEM

© 2012

S.B. Makarkin, postgraduate student
Togliatty state university, Russia

Keywords: traveling salesman problem; pseudogeometrical variant of the traveling salesman problem; geometrical approaches to the solution of the traveling salesman problem; randomized algorithms.

Annotation: This paper concerns methods of calculation of the cities coordinates based on the distance matrix and ways to minimize difference between initial distance matrix and distance matrix calculated using restored coordinates. For the cases when distance between cities do not meet the geometrical requirements, some approximation methods are used.

*Выборы главы городской власти в Рязани:
история и проблемы*

Среди вопросов, связанных с развитием и реформированием местного самоуправления в России, вопрос о формах выборов глав МСУ является одним из самых чувствительных и привлекающих внимание. Наряду с проблемами разграничения полномочий между муниципальными и региональными уровнями власти, бюджетно-финансовой обеспеченности муниципалитетов, территориальной организации МСУ, вопросы выборов глав являются наиболее часто обсуждаемыми специалистами. В последнее время тематика МСУ анализируется в основном в контексте происходящей муниципальной реформы, провозглашенной с принятием в 2003 году закона «Об общих принципах организации местного самоуправления». Подгоняемая «комиссией Козака» подготовка к реформе велась в весьма интенсивном темпе, работали группы, разрабатывались и вносились законопроекты, устанавливались контрольные сроки. Но, выйдя из кабинетов, реформа забуксовала. Ее полномасштабная реализация, намеченная на 2006 год, была, как известно, отложена до 2009 года. А ее «творец» и организатор Дмитрий Козак отбыл из федерального центра полпредом в ЮФО. О причинах пробуксовки реформы говорится немало¹, хотя из первых и центральных тем российской политики она постепенно отошла на второй план. Более значимыми стали другие темы, например, переход к фактическому назначению губернаторов или проблемы «наследования» президентской власти. Между тем, и муниципальная реформа, и связанные с ней проблемы никуда не делись. Они остаются и требуют своего анализа и осмысления в различных аспектах. Остается и проблема выборов глав МСУ, статуса этих глав и их отношений с

региональной властью, периодически обостряющаяся в некоторых регионах.ⁱⁱ

Ниже на примере рассмотрения истории института выборов главы города Рязани (ранее «муниципального образования», а ныне – «городского округа») мы попытаемся анализировать проблемы, сопровождающие введение и трансформацию этого института в условиях как предшествующих, так и текущей реформы МСУ. Определяющим в нашем рассмотрении будет исторический и политологический угол зрения, хотя в отдельных сюжетах нельзя обойтись и без правовых аспектов.

Конечно, рассмотрение отдельно взятого случая трансформации институциональной формы (в данном случае – выборов главы МСУ) не сможет раскрыть или даже обозначить все проблемы, которые могут сопровождать этот процесс во множестве других мест. Тем не менее, в каких-то аспектах «исследование случая» позволяет рассмотреть проблемы более детально, проследить эволюцию более подробно, и, тем самым, внести лепту в понимание общих проблем.

Первая попытка введения прямых выборов «мэра» Рязани. 1990-91 гг.

Проблема прямых, всенародных выборов главы («мэра») города стала публично обсуждаться в Рязани еще в период реформ «поздней перестройки». Весной 1990 года в ходе избирательной кампании по выборам городского Совета об этом говорили представители «демократической общественности», многие из которых затем прошли в Горсовет. Его председателем также был избран «демократ» Валерий Рюмин. Вскоре после этого в городе была объявлена реформа городской власти, предусматривающая создание городского управления с «сильным мэром», избираемым всенародно. Эта реформа поддерживалась новым российским руководством и вдохновлялась Союзом российских городов, президентом которого в тот период стал

Рюмин. Против этой реформы активно выступал Областной Совет, в котором решающие позиции принадлежали областному партийному руководству, часть городского Совета и ряд районных Советов Рязани, где доминировали функционеры КПСС. Кульминационного пункта дебатов по этой реформе достигли летом 1991 года после первых выборов президента РСФСР и «экспериментальных» всенародных выборов мэров Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга). На них, как известно, победили Ельцин и представители «демократов» в городах – Гавриил Попов в Москве и Анатолий Собчак в Санкт-Петербурге. Рязанские «демократы» тоже усилили натиск, а местные «партократы» усилили противодействие, но до событий августа 1991 года дебаты по реформе в Рязани так и не привели к результату. После этих событий позиция «демократов» резко поменялась. Уже назначенные всенародные выборы органов местной власти были в октябре 1991 года неожиданно отменены. Вместо них была реализована процедура назначения главы («мэра») города в рамках властного «треугольника» Горсовет – администрация президента – администрация области. На пост «мэра» в декабре 1991 года был назначен Рюмин. Он был рекомендован на этот пост Горсоветом, а назначен (по представлению Президента РФ) постановлением главы администрации области. Таким образом, первая попытка введения всенародных выборов главы города оказалась безуспешной. Ее первоначальные сторонники и инициаторы эволюционировали к «назначенческой» модели «сильного мэра», поддержанного центром. Другие главы администраций районов области были назначены главой администрации области.ⁱⁱⁱ

Вторая попытка. Начало 1994 г. Эта попытка была предпринята в обстановке конфликта между мэром Рязани Рюминым и главой администрации области Львом Башмаковым, особенно обострившимся после октябрьского кризиса 1993 года. Мэр обвинил главу администрации в нелояльности президенту, «саботаже реформ» и

потребовал его отставки. Тогда Башмаков, ссылаясь на указы президента о реформе местного самоуправления в регионах, объявил о назначении весной 1994 г. (одновременно с выборами городского представительного органа) выборов мэра Рязани населением. Рюмин потребовал отмены этих выборов, ссылаясь на то, что сначала должен быть принят Устав города (на референдуме). Он обратился в суд с иском на незаконные действия главы областной администрации. Конфликт сопровождался многочисленными взаимными обвинениями и закулисной борьбой в центре. Он разрешился отставкой в январе 1994 г. главы областной администрации Башмакова и назначением новым главой администрации области близкого к мэру вице-мэра Рязани Геннадия Меркулова. Сразу после этого назначения выборы мэра Рязани были отменены. Вместо них было объявлено о проведении в марте 1994 г. референдума по Уставу города. Референдум, как и выборы городского представительного органа, не состоялись ввиду низкой явки избирателей.

Таким образом, и вторая попытка введения прямых выборов мэра закончилась неудачей. В дальнейшем город продолжал управляться исключительно мэрией. Рюмин вскоре добровольно ушел в отставку. В апреле 1994 г. новым мэром Рязани был назначен вице-мэр Владимир Марков. Его назначение было осуществлено по представлению из Москвы (Администрация Президента РФ) главой администрации области. Ввиду отсутствия в тот период в городе представительного органа, он в процедуре назначения никак не участвовал.

Третья попытка и кризис городской власти 1996 года. Во второй половине 1995 года, после принятия федерального закона об общих принципах организации МСУ Областная Дума приняла целый пакет региональных законов о формировании в области местного самоуправления. Одновременно с выборами представительных органов МСУ в 25 районах области прошли референдумы по основным

положениям уставов муниципальных образований. В Рязани на референдум было вынесено, в том числе и положение о всенародных выборах мэра города. Правомочные представительные органы на этот раз были избраны во всех городах и районах, а референдумы в 4 урбанизированных территориях не состоялись из-за низкой явки. В Рязани референдум также не состоялся. В нем приняло участие менее 20 % избирателей при необходимых 50 %. В большинстве других территорий, где на референдум был вынесен вопрос о прямых выборах глав местных администраций, он был поддержан большинством. А там, где выносился вопрос о выборах глав представительным органом, ответы были неоднозначны. Таким образом, в большинстве районов избиратели явно демонстрировали тенденцию к поддержке нормы о прямых выборах глав МСУ.^{iv}

Но в Рязани референдум не состоялся, поэтому вопрос о выборах мэра решался там другим путем. На муниципальных выборах 7 апреля 1996 г. были избраны депутаты городского представительного органа, который получил название «городской Совет». Большинство из них представляли КПРФ. В июне 1996 года они приняли Устав города, согласно которому глава исполнительной власти должен был избираться из состава депутатов на заседании Совета. В ответ на это при содействии мэрии в городе были организованы выступления за проведение еще одного референдума по способу избрания главы исполнительной власти. Мэрия и областная администрация высказались против принятого Устава. 17 июля текст Устава был опубликован в печати. В соответствии с решением горсовета после публикации в СМИ Устав должен был считаться вступившим в силу. Однако после этой публикации областное управление юстиции выступило с заявлением о недопустимости публикации Устава до его регистрации. Прокуратура также указала, что, несмотря на опубликование, Устав не может вступить в силу до регистрации.

В начале августа мэр города Марков неожиданно покинул свой пост и перешел на работу заместителем главы областной администрации. Исполняющим обязанности мэра распоряжением главы администрации области был назначен заместитель мэра Ромашкин. Горсовет посчитал это незаконным и 19 августа на внеочередном заседании избрал главой исполнительной власти города председателя горсовета Павла Маматова. В городе оказалось два «мэра». Мэрия Рязани, областные власти, управление юстиции не признали это решение горсовета и блокировали вступление Маматова в должность. От горсовета требовали отменить решение об избрании Маматова и изменения положения Устава о выборах «мэра» горсоветом. После многочисленных заявлений и обращений в суд конфликт переместился в Областную думу. 6 октября Дума приняла решение о назначении выборов глав местного самоуправления в городах и районах области, в том числе и в Рязани, населением. Они были назначены на 8 декабря 1996 года. Маматов заявил о согласии подтвердить свое избрание горсоветом на всенародных выборах.

Таким образом, с третьей попытки введение института прямых выборов главы исполнительной власти в Рязани состоялось. Оно, как и две предыдущие, проходило в обстановке политического конфликта и в городе, и в области, и в стране в целом. Но на этот раз основные участники конфликта все же пошли на определенные компромиссы. В этом смысле введение прямых выборов способствовало выходу из кризиса городской власти и стабилизации обстановки.

Первые всенародные выборы главы города. Декабрь 1996. На этих выборах основная борьба развернулась между уже фактически избранным горсоветом главой городской администрации П. Маматовым и вице-мэром еще существующей мэрии В. Ампиловым. Уже в ходе начавшейся избирательной кампании Устав города был признан вступившим в силу, и областная администрация по представлению

прокуратуры и Минюста санкционировала вступление Маматова в должность «мэра» Рязани. Но согласно Уставу города должность мэра в Рязани упразднялась, ликвидировалась и сама мэрия. Вместо нее вводилась городская администрация и должность ее главы, которую и занял Маматов. В отличие от мэрии администрация и ее глава в значительно большей мере зависели от решений горсовета и должны были работать с ним в более тесной кооперации.

Фактически вступление в должность Маматова было отложено до выборов, поэтому активно использовать административный ресурс он не мог. Положение его противника Ампилогов, который представлял уже формально упраздненную Мэрию, тоже было неопределенным. Конкуренция носила достаточно острый и открытый характер. Важным обстоятельством для Маматова было то, что одновременно с выборами «мэра» шла и кампания по выборам губернатора, которые тоже были назначены на 8 декабря 1996 года. Основным кандидатом в губернаторы от КППРФ был Вячеслав Любимов, с которым Маматов, тоже представлявший КППРФ, координировал свою кампанию. Это создавало важный эффект будущей кооперации «мэра» и «губернатора», тогда как их противники представляли разные группировки (Ампилогов – городской бизнес, а кандидат в губернаторы Ивлев – аграриев) и фактически не координировали свои действия.

На выборах Маматов добился победы. Он получил 45 % голосов, Ампилогов – 31,5 %. Третий кандидат – А.Тарасов – 14 %. Участие в выборах было довольно высоким – 42 %, на что влияли совмещенность с губернаторскими выборами, высокая конкуренция и интенсивность кампании. В то же время очень высоким было голосование «против всех» – 21 %, что объяснялось новыми технологиями «борьбы компроматов» и недовольством части избирателей острой борьбой мэрии и горсовета в предшествующий период.

После выборов конфликт горсовета и администрации в Рязани прекратился, между ними установились отношения взаимной лояльности. В основном кооперационные формы приняли и отношения нового главы города с губернатором, которым был избран Любимов. Важным фактором, обеспечивающим лояльность этих отношений, была возможность решения возникающих проблем на неформальном уровне через руководящие структуры КПРФ, в которые входило и городское, и областное руководство.

Спустя полгода, горсовет изменил положение Устава о выборах главы исполнительной власти города. Но отказа от принятого ранее способа избрания главы горсоветом не произошло. Депутаты внесли альтернативную формулировку, оставив за собой право выбора из двух вариантов: выборы главы горсоветом или всенародные выборы.^v

Попытка отмены прямых выборов. 2000 год. Вышеназванная формулировка оказалась востребованной в 2000 году, когда на муниципальных выборах, проходивших в марте этого года (одновременно с президентскими), произошла значительная смена состава горсовета. Совмещение выборов привело к тому, что голосование прошло с необычно высоким для муниципальных выборов уровнем участия. Твердого ядра коммунистического электората для победы представителей КПРФ в этих условиях оказалось недостаточно. Победы добились в основном представители городских бизнес-групп, опирающиеся на локальные клиентелы в округах и освоившие технологии «электоральных машин». Представительство КПРФ в горсовете резко уменьшилось. Новые депутаты почти сразу вступили в конфликт с главой администрации Маматовым и поставили вопрос о возвращении к способу избрания на эту должность на заседании горсовета. В сентябре это решение было принято и депутаты стали готовиться к выборам нового главы городской администрации. Это решение было оспорено в суде горизбиркомом как незаконное, но суд

подтвердил правоту депутатов. Голосование было назначено на 8 декабря 2000 года, дату истечения срока полномочий Маматова, избранного 8 декабря 1996 на четыре года. Противники КПРФ и Маматова имели в горсовете явное большинство, поэтому рассчитывали легко избрать на должность главы администрации своего человека. Но этого не произошло. После нескольких туров голосования ни одна из выдвинутых кандидатур не набирала необходимого большинства. Стало очевидно, что большинство в горсовете расколото, и часть депутатов большинства блокирует выборы нового главы. Объяснить эту неудачу можно тем, что 3 декабря 2000 года, за несколько дней до голосования в горсовете в области прошел первый тур губернаторских выборов. На нем с большим отрывом лидировал действующий губернатор Вячеслав Любимов, имеющий коалиционные отношения с Мамтовым. Смещение последнего открывало для депутатов перспективу конфронтации с губернатором, в победе которого во втором туре уже не оставалось сомнений. Многие депутаты предпочли не идти на обострение отношений и отказаться от замены Мамтова. После неудачи голосования в горсовете новые прямые выборы главы администрации города были назначены на март 2001 года.^{vi}

Вторые всенародные выборы главы администрации Рязани. 2001 год. Эти выборы были во многом не похожи на предшествующие. Значимой конкуренции для действующего главы на них не было. Его противники были расколоты и деморализованы предшествующей неудачей. Общей сильной фигуры против него выдвинуто не было. Продолжал активно работать фактор коалиции Маматова с только что одержавшим убедительную победу на выборах губернатором Любимовым. В распоряжении действующего главы находился и административный ресурс. Главной проблемой на этих выборах было низкое участие. Отсутствие значимой конкуренции и ограниченные ресурсы кампании не позволяли рассчитывать на большую активность

избирателей. К тому же муниципальные выборы на этот раз были совмещены лишь с выборами Областной думы, которые сами традиционно испытывали в городе проблемы с явкой избирателей. Не исключалось и скрытое противодействие противников, которые могли предпринять усилия, направленные на срыв явки.

Тем не менее, выборы все-таки состоялись. Необходимый минимум явки 25 % от общего числа избирателей к концу голосования был достигнут. Маматов победил с огромным отрывом – около 60 % голосов, его ближайший соперник – депутат горсовета А.Михайлов набрал около 20 %. Участие составило ок.27 %. Основные коалиционные отношения с губернатором у главы горадминистрации сохранились. С горсоветом тоже установились в целом компромиссные отношения. В руководстве КПРФ Маматов тоже сохранил свои позиции.

Таким образом, прямые выборы главы исполнительной власти города снова способствовали снижению конфликтности и политической стабилизации на региональном и муниципальном уровне. Неудача сторонников их отмены способствовала дополнительному укреплению этого института. Возможно, что после двух избирательных циклов этот институт стал бы укрепляться и дальше, но последующие события резко изменили эту тенденцию.

Отмена прямых выборов. 2004 год. Непосредственное начало этому процессу положила смена губернатора области на выборах в марте 2004 года. Действующий губернатор области Любимов неожиданно проиграл эти выборы уже в первом туре. Проигрыш Любимова объяснялся серией расколов в поддерживавшей его коалиции акторов, в том числе и расколом с действующим главой администрации Рязани Маматовым. В период второго срока (после 2000 года) Любимов активно сближался и взаимодействовал с аграрной группой, что осложняло его отношения с городом. Рязань практически не получала бюджетной поддержки, что

вызывало конфликты с Маматовым. Они уже не находили разрешения на неформальном уровне (внутри КПРФ) и все чаще приобретали публичный характер. На губернаторских выборах Маматов, вопреки просьбам и намерениям Любимова, сам выдвинулся кандидатом в губернаторы. Раскол бывших союзников привел и к расколу их электоратов, что заметно ослабило электоральный потенциал Любимова в Рязани. Вторым фактором был конфликт между Любимовым и руководством КПРФ, что еще больше ослабило его электоральные возможности. В итоге, Любимов оказался за бортом второго тура губернаторских выборов, в который вышли отставной генерал Шпак и депутат ГД, член фракции «Единой России» Игорь Морозов. Маматов также не прошел во второй тур, но активно поддерживал Морозова. Во втором туре Морозов потерпел поражение, губернатором области стал Шпак, что предопределило нарастание конфликта между новым губернатором и Маматовым.

Вторым фактором стало дальнейшее обновление депутатского корпуса в горсовете. Новый состав горсовета, сформированный на выборах в марте 2004 года, оказался для Маматова еще менее благоприятным, чем предшествующий. Там появилось еще больше амбициозных бизнесменов, недовольных господством горадминистрации.

Новый губернатор, ссылаясь на установки новой реформы МСУ и на конфликтные отношения с Маматовым, предложил депутатам вернуться к модели избрания главы города горсоветом. Это нашло отклик. 15 июля 2004 года депутаты внесли изменения в Устав города, в том числе в положение о выборах главы города, упоминание о прямых выборах там было упразднено. В этот же день на пресс-конференции Маматов сообщил, что от имени губернатора ему было предложено добровольно уйти в отставку, но он отказался. Вскоре стало известно, что прокуратурой против Маматова возбуждено уголовное дело о превышении служебных полномочий. В ноябре 2004 года по

представлению прокуратуры и решению суда он был отстранен от должности главы администрации города.

Выборы главы города из состава депутатов Горсовета. Отказ от прямых выборов главы города в какой-то мере привел к повторению ситуации декабря 2000 года, когда депутаты никак не могли выбрать главу администрации города. С той, впрочем, разницей, что тогда они пытались это сделать сами, а теперь кандидатуру нового главы им навязывал губернатор. В декабре 2004 года, ссылаясь на рекомендации полпреда в ЦФО, губернатор предложил депутатам избрать на пост председателя горсовета и главы города (по измененному Уставу города) бывшего мэра Чебоксар Анатолия Игумнова. Он был приглашен Шпаком в Рязань и вскоре получил мандат депутата на довыборах в горсовет в одном из округов города. Но депутаты отказались от предложенной кандидатуры. Это вызвало раскол и конфликт в горсовете, его работа была парализована, сообщалось о давлении на депутатов. После нескольких неудачных попыток Шпак был вынужден отказаться от навязывания кандидатуры Игумнова. Вскоре после этого он сложил депутатский мандат и уехал из Рязани. В апреле 2005 года истекли формальные полномочия отстраненного от должности главы администрации города Маматова. Депутаты снова приступили к выборам главы города из своего состава, и снова это породило затяжной конфликт и раскол, горсовет опять был парализован. Наконец, после нескольких десятков несостоявшихся заседаний председателем горсовета и главой города минимальным большинством в 18 голосов (из 35) был избран депутат Семен Сазонов. Но конфликт на этом не завершился. Часть депутатов не признали этого решения и обратились в суд. Вскоре большинство, избравшее Сазонова, превратилось в меньшинство, а его противники стали большинством. Конфликт продолжался несколько месяцев, депутаты бойкотировали заседания,

проводили альтернативные заседания и т.д. Лишь к декабрю 2005 года работа горсовета более или менее нормализовалась.

Таким образом, отказ от прямых выборов главы города и переход к выборам в горсовете вновь вызвал рост конфликтности и расколов в муниципальной и региональной политике, что мы уже не раз наблюдали в прошлом. Компромиссные стратегии сменились конфронтацией и дестабилизацией городской власти и управления. В какой-то момент кризиса в горсовете и депутаты, и представители партий заговорили о необходимости возвращения к прямым выборам. Но эти призывы не имели отклика.

Принятие нового Устава города. Конфликты вокруг выборов главы города, сотрясавшие горсовет почти полтора года, привели к тому, что новый Устав города, в полной мере учитывающий требования муниципальной реформы, так и не был принят. Упомянувшиеся изменения, внесенные в Устав июле 2004 года, еще не давали нового качества. К тому же, не были разработаны и соблюдены предусмотренные процедуры принятия Устава. В связи с этим горсовету было сделано представление прокуратуры. Наконец, 19 апреля 2006 года проект нового Устава города был принят. В нем норма о прямых выборах главы города опущена^{vii}. На проходивших в мае 2006 года публичных слушаниях в Устав было предложено обязательно внести эту норму. Но, как стало известно, обсудив поправки и предложения, внесенные на публичных слушаниях, депутаты не приняли ни одной из них. Таким образом, предложение о введении положения о прямых выборах главы Рязани осталось не принятым. Новый Устав утверждается без него. А это значит, что и горсовет, и муниципальную систему города при каждой новой смене главы ожидают затяжные и острые конфликты.

ⁱ Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1999-2001. М.; СПб., 2002; Нечаев В.Д. Территориальная организация местного самоуправления в регионах России: генезис и институциональные эффекты. Курск, 2004;

Тихонов Д.А. Местное самоуправление и муниципальная автономия в современной России. М., 2004; и др.

ⁱⁱ Наибольший резонанс в последнее время имели конфликты мэров и губернаторов в Самаре, Воронеже, Волгограде, Нижнем Новгороде и др.

ⁱⁱⁱ Подробнее см.: Авдонин В.С. Этапы реформ местного самоуправления в Рязанской области // Муниципальные и региональные процессы в условиях глобализации и европеизации. М., 2006.

^{iv} Подробнее см.: Авдонин В.С. Муниципальные выборы и референдумы в Рязанской области // Местное самоуправление в современной России: политика, практика, право. М., 1998; Он же. Рязанская область: реформа местного самоуправления в условиях раскола элиты // Реформа местного самоуправления в региональном измерении. М., 1999; Он же. Взаимодействие трех уровней власти в Рязанской области / Центр – регионы – местное самоуправление / Под ред. Г.М. Люхтерханд-Михалевой и С.И. Рыженкова. Серия «Studia Politica». Вып. 4. М.-СПб., 2001.

^v Устав города Рязани. Рязань, 1998.

^{vi} Подробнее см.: Выборы органов государственной власти Рязанской области. Сравнительно-политический анализ / Под общ. ред. В.С. Авдонина. Рязань, 2002.

^{vii} Устав городского округа «город Рязань» // Рязанские ведомости. 2006. 20 апреля.

Социальное поле формирования политических настроений избирателей: анализ городской проблематики в постперестроечной России (на материалах социологических исследований, проведенных в Тамбове в 1993-2006 гг.)

В перечне факторов, влияющих на электоральное поведение гражданина, социальной группы, не последнее место занимают социальные настроения, формирование которых во многом предопределяется доминирующими ценностями. Общественные настроения, являясь чутким индикатором, с одной стороны, инерционны, с другой – весьма мобильны, испытывают на себе давление экономических, социально-политических, этнических, военно-политических и иных компонентов. Настроения модифицируют социальное поведение людей, которое, по оценкам М. Вебера, во многом формируется на основе установок. Представляя установки в виде операционализированных ценностей, он рассматривал их как «положительное или отрицательное воздействие психологического объекта», предлагал использовать этот термин для того, «чтобы описать потенциальное действие по отношению к объекту»¹. Заметим, что ценности воздействуют на социальные интересы, которые «управляют» поведением людей. В свою очередь, результаты деятельности воздействуют на социальные настроения.

Как показывают наши исследования², важнейшими «агентами влияния» на социальное самочувствие жителей провинциального города выступают социальные проблемы, а также различные фобии и мифы.

Анализ динамики городской проблематики включает временные периоды 1993-1997 гг., 1998-2001 гг. и 2002-2006 гг. В первый период

---

¹ См. подробнее: Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 628.

² Речь идет о мониторинговых исследованиях, организованных Центром изучения общественного мнения (г. Тамбов) в 1993-2006 гг. в городе Тамбове по методике автора данной статьи. Используя квотную выборку и многокритериальную систему обработки данных, ЦИОМ (г. Тамбов) получены уникальные в своем роде срезы общественного мнения, позволяющие проследить динамику аксиологических предпочтений горожан периода реформ.

доминирующие проблемы людей мы квалифицировали как «страхи». Тогда в представлениях тамбовчан они были связаны с появлением и усилением вероятности гражданской войны, неверием в завтрашний день, с боязнью за жизнь и судьбу детей. Проблематику 1998-2001 гг. можно охарактеризовать как «хождение под страхом». В современных условиях относительной стабильности жизни (2002-2006 гг.) те проблемы, которые можно назвать «глобальными страхами», сохраняются в массовом сознании как некое предчувствие срыва не только в масштабах страны, но и всего мира. Непрерывающаяся череда террористических актов, военных действий в самых разных точках постепенно «воспитывает» у респондентов некий «иммунитет» к катастрофам, войнам, смерти, «притушевывает» ужас, бесповоротность развития мировых событий, продолжая отражать негатив в психологическом состоянии людей.

В зависимости от глобальных событий наши опросы фиксировали всплески тревоги, формировавшие появление в тихой провинции новой разновидности фобии – страха перед безысходным вариантом гибели человека, почти роковым страхом, на который не могут повлиять ни военные, ни политики, ни цивилизация в целом, ни человек в отдельности. Это страх перед природными и техногенными катастрофами, которые в последнее время учащаются и усиливают психологическое воздействие на сообщество. Опросы показывают, что происходит это независимо от политического, религиозного, географического и других факторов.

Начиная с 2002 года, наши замеры указывают на некий переход значительной части проблем из категории «проблема-страх» в разряд «волнующая проблема». Так, продолжается указание на главную проблему городского социума – жизненный уровень населения. Здесь различные группы демонстрируют высокий уровень согласия. Наиболее благополучные, средние и бедные слои городского населения в примерно равной степени негативно оценивают уровень жизни, собственно его снижение. Эта

проблема продолжает удерживать лидирующее положение, «проступая» через рост цен, дисбаланс оплаты труда и ее несоответствия реальному «прожиточному минимуму». Считая насыщение рынка товарами достижением последних лет, ноты одобрения у тамбовчан обычно сопровождаются оговорками о невозможности «воспользоваться этими благами для себя». Группу проблем, занимающих второе место, можно объединить как «собственное здоровье», «здоровье детей и членов семьи», а также как проблему медицинского обслуживания.

Третью по значимости проблему выделить затруднительно, поскольку отмечается ряд факторов с одинаковым уровнем тревожности (13-17 %) – проблема жилья и его обслуживания (17 %); неуверенность за будущее своих детей (14 %); рост преступности (14 %); проблемы с получением образования (14 %); безработица и/или ее угроза (13 %).

К числу проблем, которые в последние два-три года изменили свое «звучание», относится *жилищная*. Традиционно проблема жилья рассматривается как необходимость серьезного улучшения условий проживания (расширения, отделения от старшего поколения или других родственников, увеличения площади). Группа, выделяющая жилищную проблему с этих позиций, еще не потеряла надежды ее решить. Но безграничная временная перспектива ее решения убивает веру и, как ни парадоксально, снижает остроту социального проявления, переводит ее обсуждение с уровня «серьезного улучшения» в ракурсе «обслуживания жилья или возможности серьезного капитального ремонта». Сегодня значительное число опрошенных ставят жилищный вопрос как проблему обслуживания и как проблему, касающуюся вопросов их проживания.

Психологическая неустойчивость и тревожность социального настроения горожан прослеживается в признании *неуверенности за свое будущее, будущее своих детей, всего молодого поколения страны*. Но эта проблема поступательно перемещалась с первого места на четвертое, набрав

за последние четыре года всего 14 % (в октябре 2002 года эта проблема волновала 33 %). Проценты, которые «отпачковались» от проблемы неуверенного самочувствования граждан по поводу своих перспектив, перебазировались в блок менее глобальных, менее общественных, но более личностных проблем. Этот показатель спустился по иерархической лестнице на уровень ниже. Так, мнение тамбовчан «жизнь в целом складывается» подразумевает оценку тех элементов, которые связаны с нематериальной стороной их жизни, т.е. с непосредственным окружением человека (семья, интересная работа, друзья и т.п.). Фактически доминирует то, что связано с межличностным общением.

Одновременно с этим в социальных настроениях снижается значимость общественных проблем, важных в масштабах страны, области, города, общества и набирают вес разнообразные оттенки проблемы граждан, их жизни и жизни их семей. К примеру, впервые за многие годы социологических замеров в Тамбове появляется количественно значимая социальная группа, для которой первоочередными являются проблемы личной жизни, ее обустройства (выйти замуж/жениться, удачно сдать экзамены, пережить развод, решить проблему одиночества).

Индикатор «*рост преступности*» носит опосредованный характер по отношению к опрашиваемому (к самому респонденту, тому месту, где он живет, его ближайшему окружению), формулировки звучат как эмоции. Замер 2006 года показал, что понимание этой проблемы расширяется, появляется разнообразие «равноправных» элементов, составляющих ее суть. Сюда горожане относят преступность низшего уровня (кража, воровство, разбой), криминализацию общества (ОПГ и легализация их лидеров), правонарушения, связанные с «кавказским следом», с беженцами, с элементами социального дна. Коррупционность во властных структурах население окрашивает не просто красками «недостойности», а относит эту проблему к рангу преступности и криминализации.

С недавних пор *тамбовчанами* в одном ряду с алкоголизмом стала оцениваться и проблема наркотизации общества. При «проявлении» этого сюжета в 1994 году, возникший страх поднимал проблему наркотиков на самый высокий уровень общественной значимости. В анкетах содержались истории молодых людей и целых семей, которые для опрошенных были соседями, родственниками, знакомыми. Сегодня для провинциальной жизни наркомания молодежи, увы, стала «обычной» темой, такой же как, к примеру, алкоголизм. Можно предположить, что общество адаптировалось к данному страху, свыклось с ним. Более того, все чаще сообщество «отодвигается» от участия в решении этой проблемы.

Оценивая современную тамбовскую проблематику общественных настроений, заметим, что в кризисный период круг проблем был весьма ограничен, их звучание кодировалось 10-12 наименованиями. В 1996-2001 гг. проблематика практически не изменялась. 2001-2005 гг. характеризуются большей подвижностью проблем, мобильностью оттенков их звучания. Наиболее рельефно это «читается» при оценке людьми сферы социальной защиты. Хотя количественная представительность остается неизменной (те же 10 % респондентов сегодня волнуют вопросы социальных льгот), на наш взгляд, происходят изменения в качестве ее звучания: это менее упорные требования к власти, формулировки скорее выглядят как стариковские сетования, чем уверенные запросы.

Исследования 2006 года показывают, что современные проблемы населения имеют четкую классификацию по степени их актуальности. Предлагаемые для оценки темы, наиболее волнующие респондентов, представляют не просто перечень формулировок, а распределяются в иерархическую систему жизненно важных и социально ориентированных приоритетов. По нашим данным схема включает три уровня актуальности: 1. обязательный стандарт жизнеобеспечения; 2. вторичные заботы; 3. проблемы аутсайдеры.

Наш инструментарий позволяет сделать вывод о том, что за последние годы сформировался «стандартный набор» позиций, включающий *пять основополагающих проблем жизнеобеспечения*: низкий уровень жизни; проблемы с собственным здоровьем и здоровьем членов семьи; безработица или опасение потерять работу; неуверенность в завтрашнем дне, невозможность планировать свою жизнь; общая ситуация нестабильности в России. Данный стандарт сохраняется при разных условиях группировки опрошенного массива респондентов. Независимо от возраста, реального уровня ежемесячного дохода, уровня доходов, базирующегося на самооценке людьми их собственных доходов (самоидентификационный уровень), проблемы «обязательного стандарта жизнеобеспечения» имеют рейтинг насущных проблем общественного сознания (см. таблицы 1-2). Деление выборочной совокупности по признаку доходности и совпадение актуальности городской проблематики в рассматриваемых группах горожан говорит о том, что, ежемесячные доходы в 2,5 и 5,0 и более тыс. руб., взятые за дифференцирующий признак, сегодня не разделяют людей на бедных и богатых. Современный городской социум представляет собой больше социально однородную группу, нежели дифференцированное сообщество по материальному признаку. Это подтверждается и тем, что на протяжении ряда лет проблема низкого уровня жизни в разных социальных категориях неизменно занимает первую планку проблем тамбовчан.

Справедливости ради, заметим, что уровень доходов населения остается действующим показателем, характеризующим современное состояние городского социума. Так, степень «захвата» этой проблемой в рассматриваемых группах (с низким уровнем дохода; с уровнем дохода ниже среднего; со средним уровнем) варьируется. Так, в первой группе «озадачено» более 60 % респондентов, во второй – 54, в третьей – в два раза меньше, чем в первой. У самых «бедных» на пятое место поднимается традиционно патерналистская проблема социальной незащищенности

населения, тогда как у двух других групп она располагается на 7 и 8 ступеньках рейтинга. Выявлена устойчивая зависимость: чем ниже уровень доходов, тем более актуализируется «обязательный стандарт жизнеобеспечения».

Здоровье прочно занимает второе место в перечне актуальных проблем горожан (исключение составляет группа молодежи в возрасте 18-24 лет). Здесь прослеживается ряд подпроблем: 1. Коммерциализация медицинских услуг, подрывающая семейные бюджеты и/или делающая выздоровление несбыточной мечтой, накладывая «табу» на возможность быть прооперированным, получить дорогостоящие лекарства и, как следствие, - массовые заболевания населения всех возрастных групп («4 инфаркта, а цены на лекарства растут»; «в нашей стране нельзя болеть – медицина платная»; «дорого лечиться»; «медицина платная»; «нет возможности сделать операцию, дорого»); 2. Минимизация валидности полиса, который перестал гарантировать обеспечение медицинской помощью («с полисом, а не могу попасть к врачу к какому хочу»); 3. Снижение качества медицинского обслуживания («медики не лечат, а калечат»; «антисанитария»), «качество обслуживания в больницах плохое»); 4. Снижение качества лекарственных средств («некачественные лекарства»); 5. Наличие барьеров в получении медицинских льгот («невозможно оформить инвалидность»); 6. Проблема взяточничества в медицинской среде («врачи берут много взяток»; «пока не выложишь, не полечишься»).

В этой же группе проблем *безработица и опасность потерять работу рассматриваются опрошенными как угроза*, а работа – как реальный источник, обеспечивающий возможность существовать, жить и развиваться.

Блок «Вторичные заботы» составляют проблемы собственно «каждодневные, социальные проблемы». Наши опросы фиксируют неизменную актуализацию образования: 1. Переход системы образования на рыночные отношения («платное образование»; «учеба в ВУЗе – дорогое

удовольствие»; «в школе поборы на все»; «особенно в сессию нужны деньги»); 2. Проблематичность получения образования («проблема, как поступить ребенку в институт»); 3. Низкое качество образовательных услуг, деструктивность в системе образования («нет распределения»; «за учебу надо платить, а глубоких знаний и профессии образование не дает»; «качество образовательных услуг не на должном уровне»).

В перечне жилищных проблем оценки горожан также весьма стабильны и связаны, прежде всего, с отсутствием возможности приобрести хорошее жилье по доступной цене: 1. Трудности с покупкой жилья у большей части населения («трудно купить жилье»; «нет жилья, а купить невозможно – дорого»); 2. Ограниченный доступ к жилью молодых семей, имеющих слабую материальную опору («молодым невозможно получить жилье»; «для молодых нужны беспроцентные кредиты на жилье»; «нет своего жилья, проживаем с родителями»); 3. Неэффективная льготная жилищная политика («30 лет в очереди на квартиру»); 4. Аварийное состояние жилья («ждем сноса 40 лет»; «требуется ремонт кровли и канализации»; «квартира старая»; «в подъезде упала плита и висит, это никого не волнует»; «разваливается фундамент дома»); 5. Низкое качество жилищных услуг, входящее в диссонанс с их растущей стоимостью («отключают свет, радио, воду, а цена растет»; «отопление никуда не годится»).

Наши исследования показывают *превалирование материальных проблем над нематериальными*. Все три группы оценили снижение духовно-нравственной культуры как проблему-аутсайдер, ее рейтинги в современной жизни занимают 12,13 и 16 позиции (из 16 предлагаемых). Это можно объяснить тем, что данная проблема не воспринимается «на себя», («это кто-то безкультурный, но не я»), она не оценивается как проблема респондента, как проблема первого блока и в силу этого воспринимается как проблема общественная и поэтому далекая от личностных запросов. Тем не менее, формулировки относительно необходимости проявления серьезного внимания к молодежи, ее воспитанию, звучат эмоционально и взывающее:

1. Низкий духовный уровень молодежи («моральный спад в молодежной среде»; «езде шприцы, мат, девочки курят и поздно гуляют»; «наркотизация, духовное развращение молодежи»; «распушенность подрастающего поколения»; «деградация молодежи»); 2. Падение нравственности в обществе в целом, низкая культура взаимоотношений («соседи плохо относятся, хотят с ума свести»; «черствыи взаимоотношения между людьми»; «не обращают внимание на пожилых, кричат на нас в автобусах»; «народ невоспитанный, не уступает места беременным в автобусах»; «пьяные, преступности много», «народ распустился»); 3. Муассирование антикультуры в СМИ («реклама на ТВ и радио раздражает»; «разврат на ТВ, бескультурье, бездуховность», «реклама на ТВ угнетает, плохо влияет на детей, развивает неврозы»).

В своей совокупности материальные/нематериальные проблемы, выстраиваясь в сознании граждан в определенной иерархии, оказывают воздействие на формирование системы ценностей и установок электората.

Наши исследования 2005 года показывают, что стабильность рейтинга В.В. Путина¹ во многом обусловлена «совпадением» остроты проблем, волнующих горожан, с высказываниями и приоритетными делами Президента России. Позитивная оценка главы государства зачастую экстраполируется на пропрезидентскую партию. Это наглядно подтвердили исследования партийно-политических предпочтений жителей Тамбова в канун выборов депутатов областной Думы (2005 г.). Вот основные детерминанты, аргументирующие выбор партии «Единая Россия»: 1. Партия является продолжением авторитета В.В. Путина («это партия Президента», «партия активно работает, как Президент», «партия объективная, как Президент»); 2. Партия старается перевести реформацию в стране в стабильное прогрессивное русло («стараются сделать что-то к лучшему», «изменила положение в стране к лучшему», «в стране спокойней стало, пусть

---

¹ Во втором полугодии 2005 года региональный рейтинг Президента России В.В. Путина в Тамбовской области составлял 71,67 процента.

работают»); 3. Партия поддерживает стабильность и порядок («в стране порядка стало больше», «в стране воруют меньше»); 4. Оптимальное сочетание демократических реформ и социальной политики («пенсионерам помогает», «поддерживает молодых», «новые рабочие места появились»); 5. «ЕР» выполняет свои обещания («партия честная, я им доверяю, говорят и делают», «мне их политика нравится, сдерживают обещания», «деятельная партия, добросовестно работают»); 6. Единороссы высказывают здравые, конструктивные мысли, отражающие действительное положение дел в стране («врут меньше других», «партия объективно смотрит на вещи»).

Базовую группу потенциального электората «Единой России» в 2005 году составляли молодежь и люди среднего возраста, разделявшие с единороссами приоритетность проблем «государственности, порядка, стабильности, законопослушности». Но при этом, в группе 18-24 лет число респондентов, симпатизирующих «Единой России» достигало 70 %, а число молодых людей, готовых принять участие в голосовании, не превышало 25 %.

А вот высказывания в пользу кандидатов от КПРФ. Согласно нашим данным, зачастую выбор компартии не определяется ее современной политической направленностью и конкретными действиями. Респонденты олицетворяли КПРФ с ее исторической предшественницей, с идеализированным прошлым страны. Мотивом подобных оценок для тамбовчан старше 55 лет была ностальгия по советскому периоду истории. Заметим, что значительный пласт сторонников КПРФ составляли в тот период горожане, чье видение действий властей (как местных, так и федеральных) не совпадали с их пониманием ситуации, с их иерархией ценностей и представлениями о путях решения проблем, а также те, кто позиционировал свое голосование за кандидатов от КПРФ, как протестное.

Респонденты в возрасте 18-25 лет и среднего возраста высказывали чаще негативное отношение к коммунистической партии, высказывали желание навсегда покончить с советской политической практикой, указывали

на готовность поддержать демократический курс преобразований и в целом модернизацию в России.

Анализ городской проблематики постперестроечной России показывает, что *мониторинг общественного мнения и социальных настроений может стать реальным индикатором*, корректирующим деятельность муниципалитета и властей, участников электорального процесса, способен содействовать формированию оптимальных моделей улучшения качества жизни граждан, содействовать выработке технологий реализации насущных потребностей населения.

Приложение
Таблица 1

Ранговое распределение городских проблем в зависимости от доходов населения в системе самоидентификации (г. Тамбов, 2006 г.)

Ранг актуальности	Группа со средними доходами (свыше 5,0 тыс. руб.)	Группа с доходами ниже среднего уровня (2,5 – 5,0 тыс. руб.)	Группа с низкими доходами (до 2,5 тыс. руб.)
Блок I. «Обязательный стандарт жизнеобеспечения»			
1.	Низкий уровень жизни	Низкий уровень жизни	Низкий уровень жизни
2.	Здоровье	Здоровье	Здоровье
3.	Безработица, опасение потерять работу	Неуверенность в завтрашнем дне	Неуверенность в завтрашнем дне
4.	Неуверенность в завтрашнем дне	Безработица, опасение потерять работу	Безработица, опасение потерять работу
5.	Общая ситуация нестабильности в стране	Общая ситуация нестабильности в стране	Социальная незащищенность
Распределение проблем (в %)	30 – 15	54 – 15	63 – 16
Блок II. «Вторичные заботы»			
1.	Жилищная проблема	Образование	Общая ситуация нестабильности в стране
2.	Социальная незащищенность	Жилищная проблема	Образование
3.	Отсутствие порядка, бездействие властей	Социальная незащищенность	Отсутствие порядка, бездействие властей

4.	Алкоголизм, рост наркомании	Отсутствие порядка, бездействие властей	Жилищная проблема
5.	Образование	Алкоголизм, рост наркомании	Алкоголизм, рост наркомании
Распределение проблем данного блока, (в %)	13 – 10	8 – 6	10 – 4
Блок III. «Проблемы–аутсайдеры»			
1.	Задержка и невыплаты зарплаты	Преступность, угроза личной безопасности	Задержка и невыплаты зарплаты
2.	Снижение духовно – нравственной культуры	Задержка и невыплаты зарплаты	Коррупция, произвол чиновников
3.	Коррупция, произвол чиновников	Снижение духовно – нравственной культуры	Ситуация в промышленности
4.	Ситуация в промышленности	Экологическая ситуация	Преступность, угроза личной безопасности
5.	Экологическая ситуация	Коррупция, произвол чиновников	Экологическая ситуация
6.	Преступность, угроза личной безопасности	Ситуация в промышленности	Снижение духовно – нравственной культуры
Распределение проблем (в %)	4 – 1	5 – 1	3 – 1

Таблица 2

Ранговое распределение городских проблем в зависимости от реальных доходов населения (г. Тамбов, 2006 г.)

Ранг актуальности	Группа со средними доходами	Группа с доходами ниже среднего уровня	Группа с низкими доходами
БЛОК I. «Обязательный стандарт жизнеобеспечения»			
1.	Здоровье	Низкий уровень жизни	Низкий уровень жизни
2.	Низкий уровень жизни	Здоровье	Здоровье
3.	Неуверенность в завтрашнем дне	Безработица, опасение потерять работу	Безработица, опасение потерять работу
4.	Общая ситуация нестабильности в стране	Неуверенность в завтрашнем дне	Неуверенность в завтрашнем дне
5.	Отсутствие порядка, бездействие властей	Общая ситуация нестабильности в стране	Социальная незащищенность населения

Распространение проблем (в %)	26 – 14	40 – 16	55 – 11
БЛОК II. «Вторичные заботы»			
1.	Социальная незащищенность	Социальная незащищенность	Общая ситуация нестабильности в стране
2.	Образование	Образование	Жилищная проблема
3.	Алкоголизм, рост наркомании	Алкоголизм, рост наркомании	Образование
4.	Безработица, опасение потерять работу	Жилищная проблема	Отсутствие порядка, бездействие властей
5.	Жилищная проблема	Отсутствие порядка, бездействие властей	-
Распространение проблем (в %)	12 – 7	13 – 8	10 – 5
БЛОК III. «Проблемы–аутсайдеры»			
1.	Ситуация в промышленности	Преступность, угроза личной безопасности	Преступность, угроза личной безопасности
2	Коррупция, произвол чиновников	Коррупция, произвол чиновников	Алкоголизм, рост наркомании
3	Экологическая ситуация	Задержка и невыплаты зарплаты	Задержка и невыплаты зарплаты
4	Задержка и невыплаты зарплаты	Экологическая ситуация	Снижение духовно – нравственной культуры
5	Снижение духовно – нравственной культуры	Снижение духовно – нравственной культуры	Экологическая ситуация
6	Преступность, угроза личной безопасности	Ситуация в промышленности	Ситуация в промышленности
7	-	-	Коррупция, произвол чиновников
Распространение проблем (в %)	5 – 1	5 – 2	4 – 1

***Особенности принятия политических решений
законодательной властью после введения пропорционально-
мажоритарного принципа в регионах (на примере Воронежской области)***

В условиях реформирования российского общества и государства, приведения регионального законодательства в соответствии с федеральными стандартами, особую актуальность приобретают вопросы, связанные с принятием политических решений местной законодательной властью. Значимость подобных решений обусловлена тем, что они затрагивают статус, интересы и права многих членов общества, устанавливают новые процедуры принятия решений и «правила игры» на региональной политической арене.

Деятельность законодательного органа государственной власти субъекта Федерации регулируется ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», принятым в 1999 году, но с приходом нового Президента потребовались определенные изменения и дополнения. Эти нововведения непосредственно повлияли на структуру регионального парламента, на характер работы депутатов.

Например, в соответствии с постановлением Конституционного суда Российской Федерации от 12 апреля 2002 года признаны несоответствующими Конституции России положения, согласно которым, в случае возбуждения дела в отношении действия депутата, оно не может быть передано в суд без согласия законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Федерации. Другими словами, эти положения, признанные неконституционными, утрачивают силу, а значит, ослабляется депутатская неприкосновенность законодателей. Серьезным дополнением считается поправка в действующем законе, в соответствии с которой Президент России может внести в Государственную Думу проект федерального закона о роспуске регионального парламента¹. Однако

наиболее существенным нововведением, по нашему мнению, является изменение, согласно которому не менее 50 % депутатов должны избираться по единому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутые избирательными объединениями, избирательными блоками².

В соответствии с данной правовой нормой в марте 2005 года выборы в Воронежскую областную Думу прошли по пропорционально-мажоритарному принципу. Безусловно, введение партийных списков в избирательный процесс оживило региональную политическую жизнь, но слабость институциональной системы «сдержек и противовесов», неконсолидированность местной политической элиты, недоверие, а порой и безразличие населения к политическим партиям, препятствуют развитию регионального парламентаризма. Институтом общественного мнения «Квалитас» (г. Воронеж) 15-19 сентября 2004 года был проведен опрос методом личного интервью. К респондентам обратились с вопросом: «В какой степени Вы одобряете или не одобряете тот факт, что выборы в областную Думу будут проходить как по партийным спискам, так и по одномандатным округам?». Почти каждый третий опрошенный заявил, что ему безразлично, каким образом будут избираться депутаты. Еще 24 % вообще не взяли на себя труд отвечать на этот вопрос. Таким образом, в целом 56 % воронежцев отстранились от этой проблемы, что может свидетельствовать об относительно низком уровне интереса к ней среди населения³.

Тем не менее, на мартовских выборах 2005 года жители Воронежской области продемонстрировали достаточно высокую явку на избирательные участки (46 %), достигнутую, главным образом, за счет сельского населения. Еще одной особенностью прошедших выборов явилось возросшее число голосующих против всех. Очевидно, что, несмотря на усталость от выборов, наличие «грязных» технологий и активного применения «административного ресурса», народ отнюдь не готов отказаться от самого права выбора.

Итак, по итогам выборов в Воронежскую областную Думу четвертого созыва победителем признана «Единая Россия», получившая по партийному списку 29%, но с учетом депутатов-одномандатников общее число мест в региональном законодательном органе превысило 50%. Успех ЕР многие аналитики объясняют повсеместным использованием административного ресурса. Возглавил партийный список единороссов губернатор В.Кулаков, для которого победа «партии власти» была важным условием в отношениях с Центром. Помимо всего прочего, наличие парламентского большинства в региональном законодательном органе ведет к усилению влияния губернатора на процесс принятия политических решений. Вторым результатом у «Родины», в активе которой 21% и, соответственно, 8 мест на депутатской скамье. В региональном парламенте представлена КПРФ (5 мест) и по два представителя у блока «Справедливость» и ЛДПР. Правые партии («Яблоко» и СПС), а также «Партия ЖИЗНИ» не получили необходимой поддержки избирателей⁴. Таким образом, сегодня Воронежская областная Дума отличается по своей структуре и партийно-политическому облику от предыдущих созывов.

Однако возникает вопрос, насколько идеологические предпочтения депутатов, их политизированность влияют на принятие того или иного решения. Заместитель председателя областной Думы Т. Мещерякова по этому поводу отмечает: «Сама область у нас пока еще не очень политизирована и в работе депутатов серьезных политических разногласий не чувствуется. Только, может быть, когда формировались думские «органы власти», избирались председатели комитетов, заместители председателя»⁵. Из этого высказывания видно, что партийная принадлежность законодателей имеет значение при распределении портфелей, но чья работа в областной Думе будет эффективнее: депутатов, избранных по одномандатным округам, или по партийным спискам? С этим вопросом консалтинговый центр «Контент» 5-7 мая 2005 года обратился к жителям Воронежской области. По результатам исследований 48% респондентов не видят различий, еще 35%

затруднились ответить, и только 9,5 % опрошенных считают, что одномандатники способны эффективнее выполнять свои обязанности, а 7,5 % высказались в пользу депутатов, прошедших по партийным спискам⁶.

Низкая степень доверия к представителям политических партий может быть объяснена исходя из ряда факторов. Во-первых, проблема заключается в составлении партийного списка, когда сохраняется риск включения в него «случайных людей». Во-вторых, партийные структуры часто ориентируются на федеральную общепартийную программу, слабо адаптируя ее к нуждам конкретного региона. В-третьих, существует недостаточно гибкий механизм учета социальных интересов широких слоев общества с одновременным преобладанием корпоративных, отраслевых групп давления. В-четвертых, наблюдается имитация региональными партиями публичной политики, в то время как настоящий раздел власти происходит на административном уровне и принятие важнейших политических решений по-прежнему осуществляется «при закрытых дверях».

При принятии политического решения законодательным органом власти весьма важным элементом выступает принцип обратной связи, когда система сигналов, поступающая из социальной среды, становится для нашего регионального парламента своеобразной лакмусовой бумажкой, с помощью которой депутаты определяют эффективность принятых и реализованных решений. Письменное обращение к гражданам - одна из основных форм подачи соответствующих сигналов. Так, например, в адрес областной Думы в первом квартале 2006 года поступило 376 подобных обращений. Среди актуальных вопросов, поднимаемых гражданами, можно выделить следующие: оказание материальной помощи, обеспечение законности, правопорядка, безопасности населения, оплата лечения, вопросы транспортного обслуживания и т.д.⁷.

Расширение общественного участия в процессе принятия политических решений – необходимое условие развития демократии, а в качестве важнейшего ее инструмента выступают публичные процедуры. Существует

ли в нашем регионе общественный институт, способный провести открытые слушания и вынести свой вердикт по тому или иному законопроекту? По всей вероятности, на эту роль претендует Общественная палата Воронежской области, объединяющая 364 общественные организации и ставящая перед собой цель конструирования переговорной площадки между различными субъектами государственного управления, с одной стороны, и представителями общественности, с другой. Однако, по признанию руководителя палаты Б.Прасолова, эта общественная структура создавалась в период предвыборной компании ныне действующего губернатора, т.е. с определенными политическими задачами и, по сути дела, была инициирована чиновниками сверху. Значит, в своей работе общественники, так или иначе, зависимы от политической конъюнктуры в нашем регионе. Кроме того, Б.Просолов, говоря о проблемах развития общественной палаты, особо подчеркнул: «У нас пока нет алгоритма действий. У депутатов алгоритм уже существует: депутаты выступают с законодательной инициативой, появляются законы, и деваться власти некуда. У общественной палаты нет такой возможности...»⁸. Как мы видим, Б.Прасолов посетовал на невозможность выступления общественных организаций с законодательной инициативой. Напомним, что в конце марта 2004 года Воронежской областной Думой был принят закон, в соответствии с которым права законодательной инициативы лишились региональные отделения политических партий, общественные и профсоюзные организации. Депутаты мотивировали свое решение тем, что в связи с изменением порядка формирования регионального парламента следующего созыва, представители общественных объединений и политических партий смогут отстаивать свои интересы в составе фракций⁹. Следует признать, что процедура общественных слушаний не получила должного развития, так как наиболее серьезные политические решения становятся достоянием гласности не в период их подготовки, а буквально перед принятием. Соответственно, ни о

каком полноценном обсуждении законопроектов региональной общественностью говорить не приходится.

Итак, Воронежская областная Дума четвертого созыва сформирована по пропорционально-мажоритарному принципу, и в ее работе теперь активно принимают участие депутатские фракции, но, по мнению специалистов, партийная принадлежность не является определяющей при принятии того или иного законодательного акта, поэтому количественное расширение депутатского корпуса не привело к качественному изменению законотворческой деятельности. Новый принцип формирования регионального парламента, возможность его роспуска Президентом России и ослабление депутатского иммунитета свидетельствуют о последовательном выстраивании федеральной вертикали власти при неизменном усилении президентского режима. «Партия власти» в этом процессе играет двоякую роль. Во-первых, являясь проводником политики Центра, обеспечивает дисциплинированность парламентского большинства в процессе принятия политических решений. Во-вторых, успех или неуспех «Единой России» служит индикатором в измерении политической лояльности руководства области лично В.Путину. По нашим оценкам, сегодня региональные партийные структуры создают видимость публичной политики, участвуя при этом в административных кулуарных соглашениях. А созданная чиновниками Общественная палата Воронежской области неспособна полноценно обеспечить проведение широких открытых слушаний, организацию диалога местной политической элиты с региональным сообществом. Недостаточная эффективность реализации принимаемых в регионе законов, программ и проектов связывают обычно с низким уровнем исполнительской дисциплины, отсутствием четкого механизма контроля персональной ответственности и слабым развитием института публичной политики.

К сожалению, при принятии важнейших решений законодательной властью недостаточное внимание уделяется независимой научной экспертизе.

Следовало бы более активно внедрять в законотворческий процесс публичные процедуры (круглые столы, дебаты в СМИ и т. д.), способствующие повышению информированности общества и открытости органов законодательной власти. Важно, чтобы это делалось в ходе подготовки политических решений, а не в процессе обсуждения их негативных последствий.

---

¹ ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». М., 2003. Ст. 9, п. 4.

² Там же. Ст. 4, п. 4.

³ Ежемесячный бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу. 2004. № 9. С. 12.

⁴ Иванченко А.В. и др. Пропорциональная избирательная система в России // (<http://www.vibori.ru/Publikat/PES/tab1-3-36.htm>).

⁵ Мещерякова Т. Нас объединяет стремление решать проблемы // Коммуна. 2005. 5 мая.

⁶ Депутатам к размышлению // Коммуна. 2005. 19 мая.

⁷ По адресу Кирова, д. 2 // Коммуна. 2006. 18 мая.

⁸ Сысоев против Прасолова // De Facto. 2006. № 2. С. 33.

⁹ Солодовникова Е. К вопросу о субъектах // Коммуна. 2004. 1 апреля.

ВЫБОРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

А.В. Зимин

Имидж кандидата в избирательной кампании:

Как это создается?

В настоящее время трудно себе представить избирательную кампанию кандидата и/или политической партии без понятия «имидж». Основные идеи предвыборной платформы кандидата довольно быстро стираются из памяти избирателей, в то время как его образ сохраняется в сознании людей. Профессионал по имиджу, консультирующий политика должен обладать разносторонними знаниями и широким кругозором во многих областях. Политику не нужно бояться окружать себя талантливыми людьми. Не случайно, интеллектуальные возможности команды, способной провести «мозговой штурм», позволят выработать эффективную стратегию и тактику избирательной кампании.

Термин «имидж» (англ. *image* – образ) означает сознательно конструируемый образ того или иного известного лица, общественного деятеля, политика и т.д. в восприятии рядовых граждан. Социальный психолог В.М. Шепель связывает феномен имиджа с искусством самопрезентацииⁱ. По его мнению, имидж представляет эстетическую конструкцию внешнего проявления определенных качеств и достоинств личности. Социолог И.А. Федоров трактует понятие «имидж» как символично-образный «ген», программирующий поведение людейⁱⁱ. Политические социологи В.Н. Амелин и А.А. Дегтярев придерживаются следующей точки зрения: «Имидж политика проявляется в ходе коммуникационных процессов как результат символического взаимодействия социальных групп и самого лидера, который «кристаллизирует» социальные ожидания и находит уникальные формы их

выражения»ⁱⁱⁱ. Российский журналист А.М. Цуладзе приходит к любопытному выводу: «Имидж может служить и средством облегчения диалога политика с избирателями, и средством манипуляции общественным мнением»^{iv}. Авторитетные специалисты в области политического консультирования Д.В. Ольшанский и В.Ф. Пеньков заключают: «Нами правят не люди, а их имиджы»^v. Несмотря на различные точки зрения можно сделать предварительный вывод: имидж политического деятеля представляет собой легкоузнаваемый психологический образ, спроецированный на массовое сознание таким образом, чтобы ракурс его восприятия умышленно смещался и акцентировался лишь на отдельных чертах, наиболее выгодных для субъекта.

Довольно негативной позиции в отношении технологии конструирования «нужного» имиджа придерживается один из отечественных идеологов левой оппозиции С.Г. Кара-Мурза. Наибольшую неприязнь у него вызывает то, что имидж отражает, не реальную сущность политика, а желание произвести на людей достойное впечатление^{vi}. Иными словами – стремление казаться, но не быть. В таком подходе содержится определенное зерно истины. Однако следует заметить, что главной задачей проектирования имиджа является не попытка ввести в заблуждение избирателей (хотя подобного нельзя исключать), а стремление профессионально довести до них политическую позицию кандидата, его видение решения злободневных социально-экономических и иных проблем. Не стоит забывать о том, что имиджевая стратегия поведения политика дисциплинирует, прежде всего, его самого и делает более открытым в общении с избирателями.

В ходе проведения избирательной кампании имидж кандидата должен отвечать ряду требований, соблюдение которых приводит к высокому результату. Во-первых, политику следует заручиться поддержкой, доверием и симпатией избирателей, добиваясь при этом их высокой сознательности и активности на выборах. Во-вторых, необходимо стремиться к повышению информированности населения по важнейшим проблемам социально-

экономического развития региона и страны в целом в весьма выгодном для кандидата ракурсе. В-третьих, попытаться корректно нейтрализовать действия и выпады политических оппонентов во время предвыборных баталий.

Американский исследователь С. Голдмен выделяет три основных фактора, определяющих имидж кандидата на пост президента США. Первый – это личность самого претендента; второй – отношением к нему СМИ; третий – конкретно-исторические события, определяющие характер действий политика, его умение преодолевать сложности и проблемы на пути к победе^{vii}.

В отношении первого фактора политолог замечал: «При создании образа американского политика сегодня едва ли существуют какие-то ограничения. Кроме сведений о его стиле руководства и управления американцы хотят знать все о его образе жизни, начиная с успехов в гольфе и кончая сведениями о том, как одевается его жена по выходным дням»^{viii}. Не случайно семья президента, – сетует ученый, – привлекает к себе такое же пристальное внимание как жизнь кинозвезд.

Вторым фактором, активно влияющим на формирование имиджа кандидата, выступают СМИ. Исследователь резюмировал: «Политики же подвержены человеческим слабостям, как и мы с вами, иногда даже чуть больше. А с помощью соответствующей подачи в прессе каждый негодяй может быть представлен святым, и наоборот. То, как средства массовой информации освещают личность, определяется отчасти поведением политического деятеля, отчасти характером новости о нем, отчасти отношениями, сложившимися у него с представителями прессы. Если кандидат с ними открыт и доброжелателен, публика и увидит его таким. Однако, если он избегает прессы, скрытен и недружелюбен к ней, последняя часто находит способ осветить малопривлекательные стороны кандидата»^{ix}. Поэтому исследователь настоятельно рекомендует, чтобы кандидат стремился

расположить к себе прессу, ибо тогда не составит труда привлечь на свою сторону голоса избирателей и победить на выборах.

И, наконец, третьим фактором, определяющим имидж американского политика, являются исторические события. С. Голдмен считает, что «великим людям могут повредить неблагоприятные обстоятельства, а средние могут достичь значительных высот в результате счастливого их стечения, появившись в нужном месте в нужное время. Имидж бывшего президента США Джимми Картера был разрушен нефтяным кризисом, захватом американских заложников в Иране, советским вторжением в Афганистан. Если бы в 1979 г. Рональд Рейган был президентом, скорее всего и он был бы так же непопулярен»^x.

Отечественные специалисты рекомендуют учитывать ряд требований при конструировании имиджа кандидата, участвующего в избирательной кампании: «Основными *общими требованиями* к моделям имиджа являются ***простота, выразительность и запоминаемость***. Сложные модели наверняка не будут восприняты и поняты, а невыразительные, сухие не вызовут эмоционального отклика у избирателей»^{xi}. Имидж должен соответствовать социальным установкам, ожиданиям и ценностным ориентациям избирателей, которые, особенно, обращают внимание на нравственные качества человека, умение четко и недвусмысленно изложить свою программу, общаться с простыми гражданами.

Репутация политика складывается в течение нескольких лет, а разрушить ее способен опрометчивый поступок или неосторожное высказывание в адрес своих оппонентов или рядовых избирателей. Безнравственно также прибегать к популизму и делать заведомо невыполнимые предвыборные обещания. Было бы неверным имидж кандидата отождествлять только с внешним видом (костюм, прическа, походка, мимика, жесты и пр.). Внутренние качества человека, участвующего в политической борьбе, являются важнейшей составляющей имиджа. Сюда входит высокий профессионализм кандидата, коммуникабельность, честность и добропорядочность, личная скромность и

религиозность, уважительное отношение к семье, близким и окружающим людям и т.д. Политик, в первую очередь, должен заинтересовать избирателей инновационными идеями, иначе незачем вступать в предвыборные баталии. Психологи для лучшего восприятия имиджа кандидата советуют: «Чтобы запомнить образ кандидата, избирателю необходимо столкнуться с ним **не менее 7 раз** и каждый раз это должна быть своеобразная яркая позитивная заявка, которая врезается в память и одновременно снижает необходимость примитивного навязывания имиджа путем бесконечного повтора роликов на ТВ или разбрасывания бесцветных листовок»^{xii}.

Политическая риторика во время выборов выступает основным средством коммуникации политиков, участвующих в борьбе за власть. Поэтому явным преимуществом обладают те кандидаты избирательной кампании, которые владеют основами ораторского искусства. Еще в античную эпоху сложились такие риторические приемы, используемые в речи, как шутка, каламбур, сарказм и др. Благодаря шутке слушатели проникаются доброжелательностью к выступающему политику. С ее помощью также можно легко парировать нападки оппонента.

Известный российский политический социолог А.В. Дмитриев изучил основные формы и приемы юмора, активно применяемые в политике. Чаще всего политики прибегают к сатире, иронии, остроумию, «веселой брани», насмешкам, шуткам. Несколько реже встречаются анекдоты, частушки, шаржи, карикатуры и прочее. Подобные формы и приемы весьма эффективны в предвыборной борьбе, позволяя кандидатам и их командам установить доверительные контакты с избирателями. По мнению Дмитриева, президентская избирательная кампания 1996 года по своей драматургии и театрализованности, преднамеренным и непреднамеренным ошибкам кандидатов своими чертами напоминала водевиль^{xiii}.

Консервативный политик Западной Германии второй половины XX века Ф.Й. Штраус в своих мемуарах делится богатым опытом участия в парламентских выборах. Так, в «Воспоминаниях» он обращает внимание

читателей на то, что огромное значение в достижении успеха играет ораторское искусство. Политику необходимо тщательно готовиться к своим выступлениям и проявлять максимальную вежливость по отношению к гражданам, пришедшим на встречу. Успех выступления зависит от контакта со слушателями. Последние могут утратить интерес к политику, если он будет перечитывать свою речь. Подготовленные записи важны, для того чтобы одним взглядом охватить узловые тезисы выступления, а также на тот момент, если возникнет необходимость приведения точных цифр. Большое значение для Штрауса имел внешний антураж помещения, т.е. насколько хорошо оборудован зал, нормальная ли в нем акустика, а также дисциплине, чтобы не было хождений туда-сюда. По его мнению, лучше выступать в небольшом, но заполненном до отказа помещении, чем в огромном зале занятом наполовину. Удачные спонтанные ответы способны развеселить публику. Однако при этом он отмечал, что выкрики с мест могут быть организованы противниками с целью срыва мероприятия. Против подобных приемов Штраус предлагал следующий арсенал защиты: «Если некто сзади выкрикивает реплику, не относящуюся к делу и имеющую лишь провокационный характер, то стоит несколько раз повторить вопрос: «Что вы сказали?» – это действует столь же остужающее, как и такая просьба: «Не могли бы вы повторить этот вопрос по-немецки?» <...>. Упорное переспрашивание с трибуны: «Простите, как вы сказали?» – делает немymi иных крикунов»^{xiv}.

Во время избирательной кампании кандидат довольно часто прибегает к радиовещанию, чтобы изложить свою программу. Помимо содержательной стороны самой предвыборной программы на избирателей могут оказать сильное впечатление такие, казалось бы «малозначительные» факторы, как тембр голоса, тональность, темп речи и др. С.Г. Кара-Мурза отмечал: «Во время избирательной кампании Кеннеди психоаналитики предсказывали, что в радиодebатах он будет проигрывать Никсону в определенных штатах из-за слишком высокого голоса и «гарвардского акцента» – там низкий и

грубоватый голос Никсона будет восприниматься как более искренний. Кеннеди советовали при любой возможности избегать радио и использовать телевидение – при зрительном восприятии проигрывал образ Никсона. После выборов анализ голосования в разных аудиториях подтвердил расчеты аналитиков»^{xv}.

Авторитетный специалист в области избирательных технологий А.И. Ковлер предупреждал: «Основной тактической ошибкой многих кандидатов при их выступлениях перед избирателями в ходе кампании был пересказ своей программы. Безусловно, не следует отклоняться от основных, «ударных» положений программы, но нельзя забывать, что многие избиратели уже прочитали ее (если об этом не позаботилась ваша «команда», то это большое упущение) и им хочется поближе познакомиться с кандидатом, его взглядами»^{xvi}. Исследователь рекомендует политикам выбирать темы своих выступлений исходя из характера аудитории. Во время выступлений следует уметь варьировать тон предвыборных заявлений. Если требуется высветить недостатки соперников или оспорить основные идеи оппонента, то лучше всего избрать полемический тон выступления. В тоже время делать ставку только на жесткую полемику было бы недальновидно, т.к. избиратели довольно быстро устают от споров и полемик. Когда кандидат рассказывает о своей собственной программе, лучше всего прибегать к нейтральному тону выступлений, постараться на этот момент не замечать и игнорировать своих соперников.

Кандидаты, участвующие в предвыборной борьбе, отличаются друг от друга не только социальным статусом или профессиональными качествами, но и возрастными и психологическими характеристиками. Потому при конструировании имиджа необходимо социальные и психофизиологические характеристики «обратить в достоинства». Так, например, если кандидат молод, то при построении имиджа следует всячески стремиться отразить его динамизм; зрелого возраста – подчеркнуть опыт; чрезмерно честолюбивый – показать волю; весьма робкий – продемонстрировать осторожность и т.д.^{xvii}.

Известный отечественный филолог Т.Н. Дорожкина в 1995-1996 гг. на основе опроса респондентов, выявила оптимальный речевой имидж политического лидера^{xviii}. Причем в социологическом исследовании акцентировалось внимание на коммуникативных характеристиках устной речи политиков, которые являлись наиболее эффективными с точки зрения рядовых избирателей. По мнению всех участников опроса, для того чтобы у слушателей сложился позитивный образ лидера, необходимо его воспринимать сквозь призму таких понятий, как грамотность, компетентность, эрудированность, влияние и демократичность. Респонденты высказались за грамотное соблюдение политиком всех языковых норм, в том числе, произношения, ударения, правильного употребления слов. Точность языка тесно связана как с культурой мышления, так и со знанием обсуждаемых проблем. В ходе опросов было выявлено, что одним из главных недостатков публичной речи выступает ее «закниженность», то есть чрезмерное использование чисто книжных языковых средств. К ним относятся: абстрактная лексика, слова с высокой пафосной стилистикой, а также узкоспециальной терминологией.

Респонденты также отрицательно высказывались в отношении злоупотребления иноязычными заимствованиями, поскольку усматривали в этом мотив низкопоклонства перед иностранным влиянием, желанием покрасоваться перед аудиторией и скрыть за «звонкими» словами бедность мысли. Негативную реакцию у респондентов вызвало использование политиками в тексте речи всевозможных «канцелярских» выражений, неправильных построений фраз, частых употреблений в предложении причастных и деепричастных оборотов, нагромождение существительных в косвенных падежах и т.п. «Штампованность» ораторской речи тесно переплетается с «новоязом», рожденным в номенклатурных кабинетах чиновников. Самым большим недостатком новояза является отсутствие личностного начала в тексте выступления, всеобщность адресации. Большинство респондентов указали на необходимость применять такие

языковые средства, которые усиливали выразительность и эмоциональность выступления. Большое значение опрошенные придавали тональности общения. Они бы предпочли, чтобы политик во время разговора избегал официальной или излишне высокопарной стилистики и стремился установить диалог. Единодушно высказались респонденты на недопустимости «непарламентских» выражений, навешивания ярлыков и грубых оценочных суждений в адрес оппонентов. По мнению Дорожкиной, вышеизложенные недостатки публичного выступления политического лидера снижают в глазах слушателей его ораторский и личностный образ.

Ведущие российские политологи М.В. Ильин и Б.И. Коваль пришли к следующему заключению: «Вождь (т.е. политиком с эффектным имиджем – А.З.) становится тот, кто находит слова и средства выразить то, о чем думает и мечтает каждый представитель той или иной группы, кто способен сделать это так, что данные мысли и оценки воспринимаются как свои собственные»^{xix}.

Политический социолог В.Н. Амелин, исходя из традиционных архетипов характерных для российского социума, выявил ряд образов политиков начала 90-х гг., которые были востребованы в ходе избирательных кампаний различного уровня. К основным образам исследователь относил четыре: мудреца, воина-защитника, царя-кормильца и борца за справедливость^{xx}.

По мнению известного политтехнолога А.А. Максимова, к концу 90-х гг. наиболее распространенными типажам политика были следующие: хозяйственник (Ю.М. Лужков), человек власти (Б.Н. Ельцин), борец (В.И. Анпилов), силовик (А.И. Лебедь), технократ (А.Б. Чубайс), бизнесмен (К.Н. Боровой), гуманитарий (Г.А. Явлинский), экзотик (И.Д. Кобзон) и др.^{xxi}.

По нашему мнению, на региональных и муниципальных выборах гораздо меньшую роль играет идеологическая составляющая кандидата. На выборных постах избиратели хотят видеть в первую очередь «крепких хозяйственников» способных отстаивать интересы простых граждан. Такие кандидаты обычно немногословны, но умеют «держат свое слово». По

сравнению с общенациональными местные выборы не отличаются высокой электоральной активностью. Хотя в них участвует много молодых кандидатов они, как правило, не получают должной поддержки; последнее особенно характерно и для женщин-политиков.

В заключении следует отметить, что имидж кандидата конструируется исходя реальных запросов, потребностей, ожиданий и интересов избирателей. Для того чтобы заручиться их поддержкой, субъектам избирательного процесса необходимо всячески демонстрировать свою открытость населению. Во время общения речь политика должна строиться на языке, понятном простым гражданам и затрагивать наиболее злободневные проблемы. Для электората важно не только *что*, но и *как* говорит потенциальный народный избранник. В памяти избирателей гораздо дольше сохраняется образ кандидата, чем содержание публичных выступлений. Необходимо стремиться, чтобы имидж стал ярким, живым, конкретным и апеллировал не только к *воображению*, но и к *разуму* людей. Имидж кандидата не должен быть полностью завершенным, чтобы избиратели смогли «довершить образ», исходя из своих идеальных представлений о лучшем политике.

ⁱ Шепель В.М. Имиджелогия: Секреты личного обаяния. М.: Культура и спорт; ЮНИТИ, 1994. С. 6.

ⁱⁱ Федоров И.А. Индивидуальный имидж как явление духовной жизни общества. Автореферат дисс. ...доктора социол. наук. М., 1999. С. 3.

ⁱⁱⁱ Амелин В.Н., Дегтярев А.А. Опыт развития прикладной политологии в России // Полис. 1998. № 3. С. 172.

^{iv} Цуладзе А.М. Формирование имиджа политика в России. М.: Книжный дом «Университет», 1999. С. 44.

^v Ольшанский Д.В., Пеньков В.Ф. Политический консалтинг. СПб.: Питер, 2005. С. 276.

^{vi} Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 142.

^{vii} Голдмен С. Как создается имидж в американской политике // США: Экономика. Политика. Идеология. 1990. № 10. С. 35.

^{viii} Там же.

^{ix} Голдмен С. Указ. соч. С. 36.

^x Там же.

^{xi} Политическая психология: Учебное пособие для вузов / Под общей ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 582.

^{xii} Малишевский Н.Н. Технология и организация выборов. Мн.: Харвест, 2003. С. 46.

^{xiii} Дмитриев А.В. Социология политического юмора: Очерки. М.: РОССПЭН, 1998. С. 120.

^{xiv} Штраус Ф.Й. Воспоминания: Пер. с нем. М.: Междун. отношения, 1991. С. 174.

^{xv} Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 74.

^{xvi} Ковлер А.И. Избирательные технологии: Российский и зарубежный опыт. М., 1995. С. 104.

^{xvii} Избирательная кампания. IV. М.: Фонд Жана Жореса. Изд-во «Прогресс-Академия», 1994. С. 9.

^{xviii} Дорожкина Т.Н. Речевой имидж политического лидера // Социс. 1997. № 8.

^{xix} Ильин М.В., Коваль Б.И. Личность в политике: «Кто играет короля?» // Полис. 1991. № 6. С. 134.

^{xx} Амелин В.Н. Социология политики: Спецкурс. М.: Изд-во МГУ, 1992.

^{xxi} Максимов А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов (российский опыт). М., 1999. С. 42.

М.Ю. Павлютенкова, Т.М. Чернышова

*Информационно-коммуникационные технологии в избирательном
процессе России*

Введение.

Информационные технологии проникают во все сферы общественной жизни России, заметно их влияние и на избирательный процесс, который уже сегодня располагает широким спектром применения новых информационных технологий: использование на всех стадиях автоматизированной системы ГАС «Выборы»; официальные сайты, электронная почта; дискуссионные группы; доски объявлений (message board); онлайн-опрос общественного мнения (polling) и обследования; мгновенные сообщения (Instant messaging); беспроводные (мобильные) коммуникации; виртуальные конференции и форумы; онлайн-голосование, митинги, протесты, обмен мнениями (онлайн-«чаты») и открытый доступ к огромным массивам информации. Остановимся на некоторых из них.

1. Государственная автоматизированная система (ГАС) «Выборы»

С момента основания деятельность системы избирательных комиссий Российской Федерации была неотделима от масштабного использования информационных технологий. Все выборы в Российской Федерации федерального и регионального уровней (включая муниципальный) проводятся с использованием единой Государственной автоматизированной системы «Выборы».

ГАС «Выборы» автоматизирует процесс демократического формирования властных структур государства, и в этом смысле ее пользователями являются не ведомства или производства, а все граждане, общество и страна в целом. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Выборы» (далее ГАС «Выборы») была создана Указом Президента Российской Федерации от 23 августа 1994 г. № 1723 «О разработке и

создании Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы». Сегодня ГАС «Выборы» стала неотъемлемой частью избирательной системы Российской Федерации. Она представляет собой организационную и упорядоченную систему документированной информации и информационных технологий, в которой используются средства вычислительной техники и связи, реализующие процессы сбора, обработки, накопления, хранения, поиска и распространения информации, необходимой для подготовки, проведения и обработки результатов выборов и референдумов, оперативного доведения этой информации до избирателей.

В ГАС «Выборы» реализуются современные компьютерные технологии учета избирателей, кандидатов в депутаты, регистрации избирательных объединений и блоков, планирования этапов избирательной кампании, контроля за поступлением и расходованием средств избирательных фондов, подведения итогов голосования и решения других задач, стоящих перед избирательными комиссиями.

Основное назначение системы заключается в повышении эффективности избирательного процесса на основе применения современных информационно-коммуникационных технологий. Программно-технические средства ГАС «Выборы» представляют собой комплексы средств автоматизации (КСА), развернутые в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, избирательных комиссиях субъектов Российской Федерации, окружных и территориальных комиссиях. ГАС «Выборы» активно применяется в ходе подготовки и проведения выборов и референдумов, а в период между выборами используется органами государственной власти и местного самоуправления для обмена информацией. Впервые элементы системы были использованы при проведении выборов депутатов Государственной Думы Российской Федерации 17 декабря 1995 г. В июне 1996 г. выборы Президента Российской Федерации готовились и проводились с использованием первой очереди системы уже более чем в 80% субъектов Российской Федерации. На тот

момент система в основном использовалась для составления списков избирателей и оперативного подведения предварительных итогов голосования. Эффект ее применения уже в таком режиме, по мнению специалистов, оказался существенным. На выборах в Государственную Думу 1999, 2003 г.г. и Президента России 2000, 2004 гг. система применялась уже в полном объеме в 89 субъектах Российской Федерации. Опыт эксплуатации ГАС «Выборы» в субъектах Федерации подтвердил ее экономичность, универсальность и гибкость. Наряду с экономией времени и материальных ресурсов при проведении выборов, система позволяет синхронно с голосованием проверять подлинность бюллетеней, технически гарантировать защиту результатов голосования от фальсификации, обеспечить демонстрацию хода выборов по всем регионам страны в динамике реального времени. В день выборов промежуточные итоги голосования по графику поступают в Центральную избирательную комиссию в виде статистической, схематической, текстовой, звуковой и визуальной информации и после обработки оперативно передаются средствам массовой информации.

По масштабам применения, количеству использованных технических средств и решений система «Выборы» считается одной из самых крупных компьютерных сетей страны. С точки зрения функционального потенциала, пакета программного обеспечения и универсальности структурного построения сегодня ее считают ведущей информационно-телекоммуникационной системой России¹.

Логическая архитектура системы «Выборы» полностью соответствует иерархическим взаимосвязям системы избирательных комиссий во главе с Центральной избирательной комиссией Российской Федерации и объединяет – в информационном смысле – работу всех избирательных комиссий.

Функционирование ГАС «Выборы» не сводится к решению технических проблем обработки и передачи данных. Несущей опорой системы является нормативно-правовая база выборов, которая постоянно совершенствуется. ГАС «Выборы» создана таким образом, что может настраиваться на

существующее законодательство о выборах и на вносимые в него изменения. На системном уровне решена задача преобразования норм гуманитарно-юридического характера (избирательного права) в набор формализуемых процессов, доступных автоматизации.

Именно поэтому можно говорить о том, что ГАС «Выборы» реально обеспечивает осуществление избирательных прав граждан в соответствии с Конституцией и законодательством Российской Федерации, международными избирательными стандартами.

Другое важное свойство системы – адаптивность. Учитывая постоянное совершенствование законодательной базы выборов в стране и регионах, система проектировалась и строилась как адаптивная и многозадачная, способная одновременно обеспечивать выборы разного вида, с опорой на нормативно-правовые акты различного уровня. Система поддерживает все типы избирательных процессов и, что принципиально, – ведет их одновременно.

ГАС «Выборы» одинаково надежно функционирует и в качестве системы федерального уровня, и в качестве самостоятельных региональных и даже муниципальных подсистем (фрагментов). Система позволяет одновременно проводить все возможные виды и уровни избирательных кампаний, существующие в Российской Федерации.

Следует остановиться на базовых функциях, предоставляемых ГАС «Выборы» в настоящее время для целей подготовки и проведения выборов, так, как это вытекает из законодательства России.

Это, прежде всего, непрерывное пополнение и формирование базы правовой информации, планирование избирательных кампаний и избирательных действий для каждой кампании, планирование финансового обеспечения избирательных кампаний из бюджетных средств.

Безусловно, пополняются и корректируются базы данных избирателей, ведется учет партий, избирательных блоков, кандидатов и распределение депутатских мандатов. В процессе собственно выборов осуществляется

контроль поступления и расходования средств избирательных фондов кандидатов на выборную должность и контроль соблюдения законодательства в части предвыборной агитации.

Наконец, реализуется ввод данных из протоколов участковых избирательных комиссий, подведение предварительных и окончательных итогов голосования и отображение и публикация информации о результатах голосования.

Целесообразно представить некоторые эксплуатационные характеристики ГАС «Выборы».

Система распределена по всей территории России (а это 11 часовых поясов) и находится практически в каждом из 3000 городов и районных центров. Вычислительный парк системы составляет почти 10 тысяч единиц компьютеров, объединенных в единую сеть и принципиально отделенных от среды Интернет.

За 4–5 часов ГАС «Выборы» способна собрать и обобщить данные из самых отдаленных районов страны (всего в стране свыше 94 тысяч избирательных участков)ⁱⁱ. При этом она позволяет одновременно проводить выборы разного уровня с учетом меняющихся и пересекающихся административно-территориальных делений.

Реализована инфраструктура комплексной безопасности при передаче и хранении данных системы, а также при обеспечении доступа к функциям и данным ГАС «Выборы». Безопасность обеспечивается комплексом технических, программных и организационных мер.

За прошедшее десятилетие ГАС «Выборы» успешно применялась при проведении семи федеральных, более 500 региональных и около 2000 муниципальных избирательных кампаний. Для наглядности следует отметить, что типичный пример избирательной кампании федерального уровня, характеризуется следующими цифрами: технологический процесс длится около 3 месяцев, в нем участвуют до миллиона членов избирательных комиссий и более 100 млн. избирателей России.

И еще одна важная, имеющая общественное значение характеристика ГАС «Выборы» – данные, собранные с помощью ее средств, отображаются в оперативном режиме для публичного использования на сайте ЦИК России в сети Интернет. Итоги голосования с каждого избирательного участка в объеме полных данных протокола размещаются на сайте избирательной комиссии субъекта РФ не позднее чем через сутки после окончания голосования. Таким образом, ГАС «Выборы» позволяет осуществлять эффективный общественный контроль за установлением результатов выборов.

ГАС «Выборы» Российской Федерации изначально имела национальный статус и создавалась как одно неразрывное целое вместе или параллельно с построением и развитием государственного института избирательных комиссий.

В январе 2003 г. вступил в силу Федеральный закон «О государственной автоматизированной системе «Выборы»ⁱⁱⁱ. В нем признана значимость системы, закреплена ее статус и способ использования. В настоящее время в мире не существует подобных законодательных актов и систем.

В результате ГАС «Выборы» официально приобрела новое качество инструмента государственного строительства, гаранта надежности, объективности и точности отслеживания важнейшего государственного процесса – проведения выборов и референдумов.

ГАС «Выборы» является открытой, социально и политически нейтральной системой, функционирующей в публично-правовом поле, напрямую затрагивающей интересы общества и граждан. Принятый закон впервые определил сущность нового средства государственного управления – это не учреждение, не институт власти, а глобальная специализированная автоматизированная система.

Это средство может быть точно и недвусмысленно определено и контролируется, что и зафиксировано в новом Федеральном законе. При этом надо понимать, что для закона внутренняя реализация системы

несущественна. Достаточно знать, что система технически адекватно повторяет операции в порядке, который определяется вытекающими из закона актами – нормативными правовыми документами ЦИК России. Система является точным, образно говоря, «часовым» механизмом, постоянное функционирование которого поддерживается обязательным соблюдением этих актов.

Следует остановиться на проблеме путей развития ГАС «Выборы». Сегодня автоматизация избирательных процессов в России вступает в новую фазу стабильного поступательного развития на основе современных достижений информационных технологий. Главная цель совершенствования ГАС «Выборы» – создание максимума удобств конечным пользователям системы, т.е. гражданам страны, избирателям.

В этом отношении одним из важных направлений считается обеспечение ГАС «Выборы» возможностью работы с любой зарекомендовавшей себя автоматизированной технологией сбора данных при голосовании граждан, будь то сканеры избирательных бюллетеней, электронно-сенсорные средства голосования, голосование через Интернет или использование мобильных телефонов.

2. Комплексы обработки избирательных бюллетеней и электронный подсчет голосов

КОИБы – комплексы обработки избирательных бюллетеней позволяют за считанные минуты подсчитать голоса избирателей, автоматически составить протоколы участковых избирательных комиссий и передать данные в систему ГАС «Выборы». В декабре 2003 г. экспериментальная партия КОИБов в количестве 25 была установлена на избирательных участках в Башкирии, которые в процессе подведения итогов голосования выдавали точный результат.

На выборах Президента Российской Федерации 14 марта 2004 г. применялись 1100 «электронных урн» на избирательных участках Москвы и Санкт-

Петербурга. Техническими новинками были оснащены по 10 процентов избирательных участков обоих городов.

Внешне КОИБ напоминает привычную урну для голосования. Комплекс состоит из сканера и бункера-накопителя для бюллетеней (который в случае технической необходимости может быть использован в качестве обычной урны для голосования), компьютерного устройства для подсчета, модема и принтера. Прибор легко складывается и переносится. Принтер необходим для распечатывания протокола, по модему его электронная версия передается в ГАС «Выборы». Устройство может сканировать бюллетени не только формата А4, но и увеличенные, формата А3, которые использовались на федеральных выборах в Госдуму. Бюллетень для электронного голосования имеет две технологические линии – сверху и снизу. Они позволяют комплексу определить уровень выборов, к которому бюллетень относится. Кроме того, на бюллетенях проставляется прямоугольная печать, с четким обозначением номера избирательного участка, что не позволит использовать бюллетень с соседнего участка. Преимущество электронного комплекса заключается в том, что он исключает ручной подсчет голосов. Комплекс прост в эксплуатации. Бюллетень вставляется в приемный лоток. Есть две индикаторные лампочки. Красная горит, если устройство не закончило обработку предыдущего бюллетеня, зеленая означает готовность принять следующий. Кроме того, имеется табло, на котором высвечивается общее число опущенных бюллетеней. Каждый избирательный участок был оснащен информационными материалами для избирателей о правилах пользования КОИБами, что существенно упорядочило процесс голосования.

По информации ЦИК России, до конца 2004 г. планируется изготовить более 6 тыс. технических средств^{iv}.

3. Интегрированные коммуникации в избирательном процессе

В настоящее время ЦИК России осуществляет работу над внедрением в избирательный процесс новой системы - электронно-сенсорного

голосования. Эта система исключит использование традиционных избирательных бюллетеней, позволит избирателю «одним лишь прикосновением пальца на соответствующий участок монитора выразить свое мнение по поводу того или иного кандидата» - заявил Глава ЦИК РФ А.А. Вешняков во время Интернет–конференции «Вопросы совершенствования избирательного законодательства. Региональные выборы во втором полугодии 2004 года», состоявшейся 11 августа 2004 г. в Центре информационных технологий компании «Гарант»^v. Электронно-сенсорное голосование предусматривает, что избирательный бюллетень будет высвечиваться на экране сенсорного устройства, и нажимая пальцем квадрат напротив соответствующей фамилии кандидата или партии, избиратель будет выражать свою волю. В новом устройстве будет предусмотрена специальная система контроля результатов волеизъявления избирателя, путем распечатки специального контрольного чека с результатами его голосования, который остается в ящике для голосования. При необходимости чеки можно будет посчитать вручную и проверить тот электронный результат голосования, которое было проведено с использованием сенсорного устройства. В случае решения технических, финансовых вопросов, внесения изменений в законодательство о выборах, такие устройства могут быть применены на нескольких сотнях участков на выборах 2007-2008 гг. Кроме этого, А.А. Вешняков проинформировал интернет-аудиторию портала «Гарант» о том, что ЦИК РФ совместно с Советом Европы изучает возможности голосования по мобильному телефону и через сеть Интернет. В то же время Глава ЦИК РФ отметил, что это не ближняя перспектива, с учетом того, что в мире еще ни одно государство на своих общенациональных выборах такую систему электронного, дистанционного голосования не применяло в полном объеме, лишь на уровне экспериментов в отдельных местных образованиях^{vi}.

Электронно-сенсорное голосование, голосование по мобильному телефону и через Интернет позволит не только экономить значительные бюджетные

средства, но и устранить слабое звено системы ГАС «Выборы» – присутствие человеческого фактора в технологии избирательного процесса. (люди, которые подсчитывают голоса на избирательном участке, оформляют протокол и затем вводят данные в систему ГАС «Выборы»).

Существенным направлением работы (и это зафиксировано в Федеральном законе о ГАС «Выборы») является внедрение технологий электронной цифровой подписи^{vii}, что в перспективе позволит придать электронным документам, создаваемым в системе, юридически значимый статус.

Таким образом, опыт развития российской избирательной системы свидетельствует в пользу того, что автоматизация избирательных процессов принципиально не сводима к некоторому «большому калькулятору». Последовательная автоматизация всего комплекса избирательных процессов позволяет обеспечить проведение действительно свободных, демократических и справедливых выборов^{viii}.

Неслучайно на встрече с членами ЦИК РФ 6 мая 2004 г. Президент России отметил, что выборные процессы организованы «четко, ясно, быстро и в политическом плане – прозрачны»^{ix}. Президент обратил внимание на организацию работы ЦИК на территории РФ. «Много было сделано ЦИК и с точки зрения административной организации, и технической, и технологической организации, проведения предвыборных кампаний и выборного процесса», - сказал глава государства.

Путин также высоко оценил систему подсчета голосов с помощью новых технологий. По его мнению, эта система эффективна, быстра и достоверна. «Результаты выборов эффективно и быстро появляются перед глазами миллионов избирателей, и это дает положительный политический эффект, поскольку показывает, что выборы организованы на высоком технологическом и политическом уровне», - сказал президент России^x.

Однако при всех положительных сторонах использования в избирательных кампаниях государственного масштаба подобных систем есть один важный момент, который заставляет еще раз задуматься над проблемами развития

этой автоматизированной системы. При любом уровне защиты данных работа этих созданных человеком систем не исключает полностью возможность доступа специалиста к результирующим данным, а следовательно, принципиально существует способ изменить нужным образом результаты голосования. Более того, ссылки на объективность компьютера и защиту информации от несанкционированного доступа в данном случае могут служить ширмой для прикрытия манипуляций с результатами голосования.

Вместе с тем дальнейшее развитие системы предусматривает сопряжение ГАС «Выборы» с другими информационно-коммуникационными системами, разработанными в соответствии с федеральными программами и проектами. Система ГАС «Выборы» участвует в Государственном регистре населения, информация о 109 миллионах граждан России внесена в базу (осталось ввести данные по лицам, не достигшим 18 лет), может быть использована другими ведомствами для решения ими оперативных задач. В частности, МЧС РФ может использовать каналы системы связи для оповещения о бурях, тайфунах, наводнениях, техногенных катастрофах. Министерство образования РФ использует систему для сбора информации по единому государственному экзамену. Минсвязи проводит селекторные совещания. Возможности видеоконференцсвязи использует Министерство здравоохранения для осуществления телемедицины, в частности, диагностика больного, проведение операций в различных отдаленных субъектах РФ с участием лучших врачей страны и мира. Предполагается, что в ближайшее время система будет использована Министерством труда и социального развития для осуществления учета всех льготных категорий граждан^{xi}.

Таким образом, возникают все предпосылки для создания в России единой информационной инфраструктуры, обеспечивающей информационную поддержку и взаимодействие органов государственной власти с общественностью. Важность этого обстоятельства для России трудно

переоценить, поскольку во всех развитых странах подобные информационные инфраструктуры уже давно и успешно функционируют, а собственно информационные ресурсы являются объектом повышенного внимания и контроля со стороны государства.

Кроме рассмотренных способов применения информационно-коммуникационных технологий в избирательной кампании используются и технологии мобильной связи, как, например, в предвыборной кампании Президента РФ в марте 2004 г.

29 февраля, за две недели до официальной даты президентских выборов, состоялось пробное голосование («праймериз») по каналам мобильной связи. Акция под названием «OSМыСли выборы»^{xii} проводилась по всей России и, по замыслу организаторов, «должна была дать возможность гражданам высказать предпочтение одному из кандидатов на должность президента РФ или проголосовать против всех».

Для участия в акции нужно было в течение 29 февраля отправить со своего мобильного телефона SMS-сообщение по номеру + 7 921 333 0000, в котором указать номер кандидата в избирательном бюллетене. Желавшие «проголосовать» за Сергея Глазьева набирали в тексте сообщения «1», за Олега Малышкина – «2», Сергея Миронова – «3», а дальше – по числовой возрастающей идут Владимир Путин, Иван Рыбкин, Ирина Хакамада, Николай Харитонов. Кандидату «Против всех» был присвоен 0.

Организатором акции выступила компания «INFON» при содействии Российского фонда свободных выборов. Компания «INFON» отработала технологию общероссийского SMS-голосования в рамках проекта «Народный артист», который осуществлялся телеканалом «Россия», а Российский фонд свободных выборов известен своим проектом «Общественный договор «Выборы - 2003» и организацией «горячей линии» связи с избирателями. Цель свою устроители «OSМыСления выборов» определяли в «повышении активности молодежи и среднеобеспеченных слоев населения на выборах, традиционно отличающихся низкой явкой».

4. Сеть Интернет в информационном обеспечении избирательного процесса

Среди множества вариантов применения информационно-коммуникационных технологий бесспорным лидером в последние годы стала глобальная компьютерная сеть Интернет. Она превратилась в важнейший элемент информационной инфраструктуры мирового сообщества. Темпы распространения сети Интернет носят взрывной характер, на российском рынке общедоступных телекоммуникационных сетей она вытесняет конкурентов. Сегодня использование всемирной компьютерной сети в предвыборных кампаниях представляется наиболее перспективным.

Практика выборов постоянно подтверждает потребность информационной прозрачности и открытости в деятельности избирательных комиссий всех уровней и освещении отдельных стадий избирательного процесса. Одним из средств реализации права граждан на свободный доступ к информации о выборах и референдумах, о деятельности избирательных комиссий является формирование общедоступных баз данных избирательных комиссий всех уровней, в том числе на доступных серверах российского Интернета. Здесь значительную роль играет сайт ЦИК России (www.cikrf.ru), открытый в мае 1998 года (обновлен в 2002 г.) и с тех пор освещающий все федеральные избирательные кампании и выборы всех уровней в субъектах Российской Федерации.

Этот сайт содержит информацию о составе и деятельности ЦИК России, избирательных комиссиях субъектов Российской Федерации, законодательной базе федеральных выборов и референдумов, сведения об участии политических партий в выборах разного уровня, о конференциях и других мероприятиях Центризбиркома, об освещении деятельности Комиссии в средствах массовой информации, календарь выборов и т.д. В нынешнем виде сайт выполняет не только представительскую функцию, но и дает оперативный комментарий ко всем электоральным событиям.

Анализ существующих интернет-ресурсов избирательных комиссий субъектов Российской Федерации по организации и степени актуальности информации позволяет разделить ресурсы на группы:

регулярно обновляемые и поддерживаемые ресурсы избирательных комиссий;

сайты (или страницы) избирательных комиссий, созданные для отображения хода и итогов конкретных избирательных кампаний.

Из 89 избирательных комиссий субъектов Российской Федерации регулярно обновляемые интернет-сайты имеют только одиннадцать.

Большинство из этих сайтов имеют разделы, содержащие информацию о составе избирательной комиссии субъекта Российской Федерации, о законодательных основах выборов, о ходе и результатах федеральных, региональных и местных выборов в регионе (в виде таблиц, диаграмм, графиков, карт), архивные данные, ссылки на интернет-ресурсы ЦИК России и избирательных комиссий других регионов.

Ресурсы избирательных комиссий таких субъектов, как Мурманская и Пермская области, Республика Татарстан снабжены поисковыми системами, имеют современный дизайн, наиболее полно отражают деятельность комиссий. Главная страница сайта Избирательной комиссии Мурманской области выполнена с использованием flash-технологии. На сайте Пермской областной избирательной комиссии организована гостевая книга, где посетители сайта могут высказать свои пожелания и предложения, кроме того, в разделе «Вопрос-ответ» члены Комиссии отвечают на вопросы избирателей. Следует отметить также сайты Центральной избирательной комиссии Республики Саха (Якутия), Тверской областной и Московской городской избирательных комиссий.

Сайты избирательных комиссий Оренбургской области (www.stormloader.com/orenburg) и Удмуртской Республики (www.udm.web.ru) хотя и имеют наиболее употребляемую структуру (разделы о деятельности

комиссии, об избирательном законодательстве и др.), но размещенная на них информация не обновляется

Ресурсы семи избирательных комиссий организованы только для отображения информации об одной или нескольких избирательных кампаниях в регионе. При этом отсутствует информация об избирательной комиссии и ее деятельности, а размещенная информация статична и актуализируется только во время проведения выборов.

Анализ сайтов позволяет сделать вывод о том, что они стремятся стать интеллектуальными узлами объединенной инфраструктуры избирательных комиссий, центрами ситуационного анализа, осуществляющими в своей деятельности мониторинг хода федеральных и региональных выборов.

Опыт проведения избирательных кампаний в России показал, что использование Интернета – это новый и технологически несложный способ оказывать влияние на избирателей. Первым политическим объединением, осознавшим силу интернета, стало «ЯБЛЮКО», создавшее свою интернет-страницу в 1996 г. Затем появились сайты и других политических объединений, содержащие устав и программу партии (движения), предвыборную платформу или тезисы, данные о регистрации в Минюсте России, а также эмблему и даже гимн. Период со второй половины 1998 г. по первую половину 1999 г. стал начальным этапом формирования ресурсов российского политического Интернета. С появлением и развитием глобальной информационно-коммуникационной сети общего пользования зародились новые возможности эффективного политического менеджмента. Особенно наглядно это просматривается в деятельности политических партий: Интернет по праву стал связующим звеном между политическими партиями и рядовыми гражданами.

Функция глобальной сети Интернет в деятельности современных политических партий состоит в обеспечении постоянного общественно-политического дискурса в реальном времени между партийной элитой и ее

электоратом. Политические партии активно используют Интернет для обобщения и учета различной информации, а именно:

- анализа мнений и настроений электората;
- проведения опросов и статистических исследований; обмена идеями с пользователями компьютерной сети «Интернет»;
- получения политических данных в режиме реального времени со всего мира; связи с региональными отделениями партий;
- анализа реакции пользователей Интернета на то или иное политическое явление и др.

Элиты политических партий используют Интернет и для иных целей, в частности:

- рекрутирования новых членов партии;
- презентации различных политических проектов и законодательных инициатив;
- распространения информации о деятельности партии;
- передачи пресс-релизов для журналистов;
- передачи политических новостей, касающихся функционирования партийной организации;
- сбора средств и пожертвований на нужды партии^{xiii}.

Ряд представителей современных российских партийных элит учитывают мнения граждан, используя сеть «Интернет», в ходе принятия важных политических решений. Например, в апреле 2003 г., покойный ныне С. Юшенков предлагал пользователям «Интернета» выдвинуть кандидатов в избирательный список «Либеральной России»^{xiv}.

Другой не менее интересный вариант использования сети «Интернет» в политической практике исходил от Г. Явлинского, лидера партии «Яблоко»^{xv}, который, кстати, еще в 2001 г. предложил использовать Интернет для общественного контроля за выборами. По его словам, существующая система контроля за проведением выборов далека от совершенства и дает возможность для «отклонений» при подсчете голосов. В частности,

манипуляция голосами избирателей происходит при составлении на основе первичных протоколов сводных ведомостей, в том числе и в регионах. В этой связи «ЯБЛОКО» полагает, что только обнародование первичных протоколов, которые составляются на избирательных участках «более-менее добросовестно», может обеспечить общественный контроль за ходом подсчета голосов. «Нам нужны копии первичных протоколов, их обработка уже в ночь после выборов, а это возможно только с помощью Интернета», - подчеркнул Г. Явлинский^{xvi}. Частично, данная инициатива лидера партии «Яблоко» была реализована в Федеральном законе «О выборах Президента Российской Федерации»: так, в пункте 9 статьи 80 данного закона, сказано: «введенные в государственную автоматизированную информационную систему данные об участии избирателей в выборах Президента Российской Федерации, о предварительных и об окончательных итогах голосования должны быть оперативно доступны (в режиме «только чтение») абонентам информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования (в том числе сети «Интернет») в порядке, устанавливаемом Центральной избирательной комиссией Российской Федерации^{xvii}.

Передача через Интернет и сопоставление первичных протоколов, а также публикация результатов так называемых «экзит-полов» (опросов избирателей при выходе с избирательного участка) должна способствовать созданию в России действенного гражданского механизма контроля за выборами. Часто партийные элиты используют Интернет и для проведения различных опросов, исследований и даже референдумов. Например, Г. Зюганов в сентябре 2002 г., после того как его партии отказали в проведении всенародного референдума, инициировал проведение «референдума на пробу» через популярное интернет-издание «Газета.ру»^{xviii}.

Политические партии активно борются за влияние в среде информационного сообщества. Сами пользователи, получающие политическую информацию по каналам сети Интернет, в большинстве своем являются «коммуникативной» элитой современного общества. Такие люди представляют особую ценность

для политических партий, т.к. к пользователям политических ресурсов Интернета преимущественно относятся: журналисты, преподаватели, политологи, эксперты и ряд других категорий граждан, активно участвующих в политической жизни страны. Поэтому привлечение этих слоев населения на свою сторону представляет особую ценность для любой партийной организации.

Примечателен и тот факт, что большинство современных политических партий активно набирает себе членов за счет пользователей сети «Интернет». Так на большинстве виртуальных представительств политических партий можно претендовать на вступление в члены партии или, по меньшей мере, получить информацию о том, как это можно сделать в ближайшем отделении партии. В ряде случаев на сайте можно получить анкету, заполнив которую следует отнести или переслать в ближайшее отделение партии.

Большой интерес представляет опыт движения «Новая сила» (С. Кириенко), не только получившего регистрацию в Министерстве юстиции фактически на основании электронной подписки, но и организовавшего первый в Российской истории «виртуальный съезд» осенью 1999 г.

Основным направлением в деятельности политических партий в виртуальном пространстве, безусловно, является распространение информации о деятельности партии, ее планах и проектах. Практически сайт каждой политической партии содержит информацию о партийной организации, ее лидерах, биографические данные представителей партийных элит, политические программы, различные публикации и т.д. Но прежде всего на сайтах в немалых объемах представляются агитационные материалы, что позволяет партиям при минимальных затратах активно проводить широкую рекрутирование своих сторонников.

Как известно, агитация избирателей набирает обороты в предвыборный период: особую активность в сети Интернет можно было наблюдать незадолго до выборов депутатов Государственной Думы. На сайтах политических партий были представлены самые разнообразные формы

пропаганды. Некоторые партии в спешном порядке создавали свои виртуальные предвыборные представительства, а некоторые модернизировали существовавшие сайты.

Так, например, лидер партии «Единая Россия» Б. Грызлов, никогда ранее не имевший в сети своего персонального сайта (ограниченное количество сведений о нем, можно было найти лишь на сайте Министерства Внутренних дел^{xix}, перед выборами обзавелся в сети Интернет, не только собственным официальным сайтом^{xx}, но и сайтом сторонников Б. Грызлова^{xxi}. Информация о деятельности Б. Грызлова появилась и на обновленном сайте партии «Единая Россия»^{xxii}, ранее на этом сайте было крайне мало информации о деятельности партии, основная информация содержалась на сайте^{xxiii}, на котором теперь располагается сайт фракции «Единая Россия».

Как и следовало ожидать, в предвыборный период на официальном сайте партии появились десятки новых разделов, информирующих о достижениях и планах этой политической партии. Добавлены новости от региональных отделений партии, расширены практически все разделы сайта, появилась целая серия разделов, посвященных деятельности партии (такие как: «события»; «проекты и акции»; «законотворчество»; «выборы 2003»; «съезды и конференции», «общественная приемная» и т.д.) и что, пожалуй, самое главное, изменился имидж сетевого ресурса партии. Сайт стал более красочным, насыщенным иллюстрациями и различными ссылками. Нельзя не отметить и тот факт, что в правом верхнем углу сайта «Единой России» появился счетчик количества членов партии. Подобную статистику на своем веб-сайте не размещала еще ни одна российская политическая партия.

В предвыборный период общим практически для всех сайтов политических партий явился красочный «баннер» (баннер – рекламная иллюстрация), содержащий порядковый номер партии в избирательном бюллетене и расположенный на самом видном месте партийного интернет-ресурса.

В преддверии выборов в Государственную Думу 2003 г. представители партийной элиты не только расширили и приукрасили свои сетевые издания,

но стали проявлять активность в общении с сетевым сообществом, регулярно отвечая на вопросы пользователей всемирной паутины^{xxiv}. На задачу рекламирования партии работают и структура, и концепция, и дизайн сайта.

Выводы.

Подытоживая все вышесказанное, хочется отметить тот факт, что практически все крупные современные российские политические партии представлены в сети Интернет. И уже можно говорить о сетевой политике и политическом Интернете, посредством которых активно ведется не только виртуальная, но и реальная борьба за голоса избирателей. Особенно ярко это проявляется в преддверии политически значимых событий, таких как выборы в Государственную Думу или выборы Президента страны.

Опыт развития российской избирательной системы позволяет сделать вывод о том, что автоматизация избирательного процесса принципиально не сводима к некоторому «большому калькулятору». Применение информационно-коммуникационных технологий в избирательном процессе позволяет комплексно решать задачи его организации на всех этапах, включая планирование подготовки проведения выборов, учет избирателей, ввод сведений о кандидатах, проведение голосования, подведение его итогов и их последующую статистическую обработку; позволяет осуществлять сопряжение функций избирательных комиссий разных уровней, подводить итоги голосования практически в режиме реального времени и с помощью средств отображения и Интернет доводить их до каждого гражданина России. Последовательная интернетизация всех составляющих избирательных процессов позволяет обеспечить проведение действительно свободных, демократических и справедливых выборов.

Проведенный анализ применения информационно-коммуникационных технологий в избирательном процессе Российской Федерации позволяет определить перспективы его развития. К наиболее перспективным направлениям совершенствования избирательного процесса следует отнести

электронно-сенсорное голосование, голосование по мобильному телефону и через Интернет, которые позволят не только экономить значительные бюджетные средства, но и устранить слабое звено системы ГАС «Выборы» – присутствие человеческого фактора в технологии избирательного процесса.

ⁱ Павлютенкова М.Ю. Информационно-коммуникационные технологии в современной политике. Политология. М.: Изд-во РАГС, 2002. С. 300.

ⁱⁱ Информационные технологии и выборы // Свободная мысль-XXI. 2003. № 10. С. 119-124.

ⁱⁱⁱ ФЗ от 10.01.2003 № 20-ФЗ «О государственной автоматизированной системе «Выборы»

^{iv} Московская среда. 2004. 3 марта.

^v См. www.garant.ru.

^{vi} Там же.

^{vii} ФЗ «Об электронной цифровой подписи».

^{viii} Выступление Председателя ЦИК России А.А. Вешнякова на конференции в Лондоне (23-25 октября 2003 г.) // www.cikrf.ru.

^{ix} www.Страна.ru 6.05.2004 г.

^x Там же.

^{xi} Парламентская газета. 2004. 15 мая.

^{xii} Бобровская О. Английский опыт на российской земле: «праймериз» по мобильной связи // Страна.ru. 2004. 25 февраля.

^{xiii} В рамках кампании по сбору средств через свой веб-сайт (www.kprf.ru) КПРФ по состоянию на 10 сентября собрала более 11 млн. руб.

^{xiv} Сделай список сам! // Аргументы и факты. 2003. № 12.

^{xv} Официальный сайт Г.А. Явлинского (<http://www.yavlinsky.ru>). 12 июля 2001 г.

^{xvi} Там же.

^{xvii} ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 16 января.

^{xviii} Референдум на пробу // Правда России. 2002. 11-17 сентября.

^{xix} www.mvd.ru

^{xx} <http://www.boris-gryzlov.ru>.

^{xxi} <http://www.gryzlov.ru>.

^{xxii} <http://www.edinros.ru>.

^{xxiii} <http://edin.ru>.

^{xxiv} www.elitilogy.ru 8.07.2004 г.

*Коммуникативный ресурс избирательного процесса
в российской провинции*

Избирательная кампания является уникальным этапом политической жизни, концентрирующим в себе особые формы поведения и моделей действий гражданина, социальных страт. Здесь «пересекаются» интересы электората и средств массовой информации трансформируется «поведение» печатных и электронных СМИ. Выборы – это объективированный конфликт, регулируемый преимущественно нормами права, отчасти – нормами традиций, морали, обычаев, где есть место соперничеству акторов и социальных групп, идеологий и концепций, интересов и позиций, ресурсов и технологий. Противоборство в рамках избирательного процесса не аномалия, а его органичное свойство и качество. В рамках избирательного конфликта возникают отличные от социально-политической повседневности мотивы политического поведения. Модифицирующее воздействие на характер поведения участников процесса выборов оказывает политическая культура, представляющая собой имплицитное единство политических знаний, идей, концепций, убеждений, традиций и ценностей, ментальностей и коллективных представлений, образцов политического поведения, а также моделей политических действий, вносящих определенный порядок и значение в политический процесс. В России сегодня доминирует *транзитарный тип политической культуры*, отличительными чертами которого являются размытость иерархии ценностей, «аксиологическая многоукладность», политико-правовой нигилизм социальных групп¹.

Актуальность темы обусловлена тем, что развитие электорального процесса в регионах и провинциальных медиа-процессов становится всё более разновекторным; преобразования системы ценностей и интересов активной части избирателей и формирование «повестки дня» региональных СМИ, зачастую, не находят точек пересечения.

Выбор регионального аспекта проблемы не случаен: последнее десятилетие новейшей российской политической истории доказало, что региональные компоненты политических процессов обрели реальные контуры, оказывают всё большее влияние на общероссийскую ситуацию.

По мере «виртуализации» избирательного процесса, когда конкурируют не столько кандидаты, сколько их имиджи, коммуникативный ресурс становится все более действенным каналом влияния. Не секрет, что на итоги голосования воздействует умение избирательного штаба «верно расставить вешки на медиа-карте». Здесь важно не промахнуться, верно выбрать оптимальную сеть СМИ.

Приведём несколько цифр, характеризующих отношение населения одного из субъектов Федерации к печатной и электронной прессе, а также мнения читателей, слушателей и зрителей по вопросу о том, кто формирует «повестку дня» СМИ в российской провинции. Наши исследования, проведенные в Тамбовской области летом 2005 года, дополненные экспертными опросами, показывают следующееⁱⁱ:

- по степени доверия к печатным СМИ в регионе нет равных муниципальным изданиям (здесь самый высокий уровень «читабельности» в расчете на тысячу взрослого населения и наивысший показатель по индикаторам «правдивость» и «объективность»); далее, по мере убывания, идут региональные вклады к таким газетам, как «Московский комсомолец» («МК в Тамбове», «МК в Черноземье»), «Комсомольская правда» («КП в Черноземье»), еженедельный выпуск «Делового вторника», а также такие «экстерриториальные» издания, как «Житьё-бытьё» и «Тамбовский меридиан»ⁱⁱⁱ; особый пласт в рейтинге доверия составляют региональные издания, не имеющие в числе учредителей органы власти и/или муниципалитеты; наименее «читабельными» и пользующиеся наименьшим доверием являются федеральные периодические издания (исключение здесь составляют газета «Коммерсантъ», журналы «Эксперт», «Коммерсантъ

Деньги», «Профиль», имеющие устойчивый успех и доверие, но не более чем у 3,5 % опрошенных);

- среди электронных СМИ (а нами анализировалось отношение и доверие к новостным, аналитическим и общественно-политическим программам) лидирует Первый канал и его программа «Время» (для 48 % респондентов в возрасте от 45 лет и старше просмотр этой передачи является чем-то ритуальным и даже «сакральным»); набирают рейтинги программы «Вести недели» с Сергеем Брилёвым (ТВК «Россия»), а также «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым» (НТВ)^{iv}; отношение к региональным и муниципальным телеканалам весьма неоднозначно и во многом определяется как зоной устойчивого приема, так и отношением опрошенных к основному вещателю на канале («Россия» - ГТРК «Тамбов», «Домашний» - ОТРК «Тамбовская губерния», REN - TV - «Олимп» и т.д.); в основных половозрастных группах успешны местные совещатели «Радио России», Авто-Радио, а также «Серебряного дождя»; в группе «собственно местных информационных программ» с заметным отрывом лидируют «Вести-Тамбов» (ГТРК «Тамбов»), с некоторым отставанием идет программа «Будни» (ТВК «Полис-2»); с низким показателем замыкает рейтинговую таблицу (во многом из-за узости зоны устойчивого приема и чисто городской тематики новостей) программа «Город» (ТВК «Олимп»)^v.

Теперь представим ещё одну группу индикаторов. На протяжении трех последних лет отслеживая мнение зрителей, слушателей и читателей по вопросу о том, кто же являются основными ньюсмейкерами в Тамбовской области, автор пришел к следующим выводам. Здесь практически неизменно лидирует глава администрации Тамбовской области О.Бетин. Затем опрошенные жители области и эксперты указывают на то, что «повестка дня» новостных, аналитических и общественно-политических программ во многом формируется руководством средств массовой информации и самими журналистами. На третьем месте «обосновался» показатель «события реальной жизни», причем, респонденты отмечают это ежегодно на

протяжении 2003-2005 гг. Далее идут депутаты разных уровней и муниципалитеты, затем общественные организации и замыкают перечень региональные организации общероссийских политических партий. При этом отставание по степени влияния партий на формирование «повестки дня» региональных СМИ от губернатора составляет более 56 %^{vi}.

Отметим немаловажный нюанс: отношение читателей, зрителей, слушателей области к СМИ, их доверие/недоверие к печатной и электронной прессе заметным образом отличаются от отношения избирателей (в тех же осях «доверие/недоверие») к масс-медиа. Так, на президентских выборах 1996 года социологические опросы показывали, что 58 % тамбовцев принимали «электоральное решение» под воздействием центральных телепрограмм. «Магическое заклинание телевизора» особо воздействовало тогда на молодежь: 2/3 опрошенных в возрасте до 30 лет заявляли о том, что их решение определил просмотр московских телепрограмм. Местная пресса (в том числе и электронная) в тот период «задевала» лишь малую часть электората. По степени влияния на выбор сельских избирателей воздействие федеральных телеканалов могло конкурировать лишь с традициями семейного голосования, где выбор мужа или старшего в семье довлел над решением других членов семьи^{vii}.

В 2005 году исследования показали, что для избирателей Тамбовской области по степени информационного воздействия при принятии решения об участии/неучастии в голосовании на региональных и муниципальных выборах, а также при определении кандидатуры в бюллетене для голосования приоритеты распределились следующим образом:

1. Неформальная коммуникация («околовыборные» слухи и сплетни);
2. Материальные подарки (назовем вещи своими именами - *взятки*) от кандидатов и/или их доверенных лиц, «приправленные» разного рода поздравлениями, благодарственными письмами, обращениями и т.п.;
3. Листовки, содержащие негативную информацию; «контрлисточки» (вообще все, что связано с «листовочно-информационной войной»);

4. Местное радио и телевидение;
5. Федеральные электронные СМИ;
6. Встречи с кандидатами по месту жительства избирателей и в производственных коллективах;
7. Местные (муниципальные и региональные) печатные средства массовой информации (независимо от форм собственности).

Таким образом, за короткий срок приоритетное положение федеральных электронных СМИ в перечне агентов влияния на электоральное поведение жителей провинции фактически утрачено. Парадоксальность ситуации состоит в том, что снижения уровня доверия населения региона к, скажем так, «невыборной информации», размещенной в этих же средствах массовой информации, респондентами не отмечается.

Укрепляется тенденция взаимного недоверия избирателей и провинциальных СМИ. Она проявляется в том, что избиратель не находит в местных газетах и эфире *объективных характеристик отдельных кандидатов и партийных стисков*. Самопрезентация, ставшая основным жанром предвыборных публикаций, порождает сомнение у значительной части избирателей. Дискуссионные предвыборные материалы практически отсутствуют. Респонденты указывают на несоразмерность посул кандидатов их будущему статусу. Проплаченный характер публикаций снижает степень доверия избирателей к их содержанию.

Правовые рамки действующего законодательства практически исключают возможность публичного выражения мнения самих средств массовой информации в рамках предвыборной дискуссии, хотя исторически подобные традиции в российской провинции начинали формироваться ещё в начале прошлого века, когда Россия переживала этап становления буржуазной демократии. Так, А. Туманова, исследуя материалы губернской прессы в период выборов в Тамбовскую городскую Думу (1913 год) отмечает^{viii}, что газета «Тамбовская жизнь» разделяла местных избирателей на «стародумцев», т.е. сторонников прежних порядков и «новодумцев» (или

обновленцев), стремившихся к развитию и улучшению городского хозяйства. Газета характеризовала «стародумцев» как людей беспринципных и несамостоятельных, проявлявших инициативу лишь в вопросах, затрагивающих их личные «карманные» интересы. «Тамбовская жизнь» призывала городских избирателей исполнить свой гражданский долг, явиться на выборы и «обновить состав Думы свежим элементом, людьми широкого кругозора, проникнутыми интересами масс городского населения». Конечно, в этом примере речь идет об иной исторической эпохе, иной правовой системе, но, согласитесь, иной являлась и позиция самой газеты.

Закрепленный в современной России отказ от цензуры массовой информации, утверждение принципов свободы слова и гласности^{ix} в реальности привело к созданию новых моделей печатных и электронных СМИ. Прав был Ю. Трошкин, утверждавший, что ряд неблагоприятных факторов делает фактически невозможным существование свободной прессы в нашей стране: разрушение общенационального информационного пространства; финансово-экономическая зависимость (несвобода) печати; отсутствие в стране климата нетерпимости к тем, кто нарушает свободу слова и информации^x.

Ведя речь о недоверии СМИ к избирателям, заметим, что причина этого явления видится автору в том, что, зачастую, редакционные самооценки, например, в части симпатии граждан к прессе явно завышены. При формировании редакционной политики всё чаще ориентиром являются не насущные проблемы социума, а совсем иные параметры. Так, журналисты и редакторы, идя навстречу пожеланиям заказчиков предвыборных материалов, на деле превращаются в имиджемейкеров, выступают в роли акторов пропагандистского воздействия, а не специалистов массовой коммуникации, тем самым не доверяя избирателю сделать свой, а не навязываемый, вывод. Обыденным явлением и в столицах, и в провинции становится появление «журналистов по вызову», готовых из любого политического ничтожества сделать «спасителя Отечества», из твердолобого

нувориша - «гиганта мысли и отца русской демократии», из криминального авторитета - «Робин Гуда и борца за интересы обездоленных».

По нашим наблюдениям, в активный период избирательной кампании (90 дней до голосования) часть региональных СМИ превращается в средства пропаганды, в публикаторов предвыборных материалов, в коммерциализированные «приложения» к избирательным штабам и разного рода PR-агентствам. Заметим, что работа политических технологов, специалистов по связям с общественностью, имиджмейкеров - это особый вид профессиональной деятельности, реализуемый, в том числе, и с помощью каналов массовой коммуникации. Среди «пиаровцев» немало развелось «черных технологов», чья «работа» не имеет ничего общего с истинным публич рилейшнз. Важно иное: деятельность журналиста и работа специалиста по связям с общественностью не тождественны. Это две разные профессии, две различные социальные функции. Их смешение неизбежно будет уводить журналиста (и, к сожалению, уже многих увело) из сферы сбора, обработки и распространения информации в лоно PR-технологий^{xi}.

В последние годы обозначилась и еще одна коллизия во взаимоотношениях средств массовой информации (прежде всего - печатных) и избирателей: падение не только авторитета печатного слова, но и самого интереса к чтению газет и журналов. Эта ситуация характерна как для провинции, так и для столицы: в 1999 году специалисты Центра «Статус» констатировали, что 25 процентов москвичей «не читают сегодня вообще никаких газет». Разделив «нечитателей» на три условные группы, исследователи указывали на то, что пенсионеры не читают периодики из-за нехватки средств на покупку газет и журналов, по нездоровью. Другая часть вынужденных «нечитателей» объясняла свое отношение к печатным СМИ нехваткой времени (маленькие дети, занятость на работе и т.п.). Но еще семь лет назад обозначилась тенденция к формированию группы столичных жителей, которые не читали прессу из-за отсутствия культуры чтения вообще, обходящейся без информации^{xii}.

Схожие по тематике региональные исследования (2004-2005 гг.), проведенные нами среди учащейся молодежи городов Тамбова и Мичуринска показывают, что до 72 % девушек и 79 % юношей из числа студенческой молодежи и старшеклассников не имеют системных навыков чтения газет и журналов. До 89 % опрошенных мотивируют свое обращение к печатным изданиям исключительно потребностями, связанными с написанием рефератов, курсовых и дипломных работ. Фактически подрастает поколение, не включающее в круг своих духовных и социально-политических потребностей чтение периодики.

... У поэта И. Бродского в его Нобелевской лекции читаем: «И среди преступлений этих (имеется ввиду, против литературы *В.П.*) наиболее тяжким является не преследование авторов, не цензурные ограничения и т.п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое - пренебрежение книгами, их нечтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью: если же преступление это совершает нация - она платит за это своей историей»^{xiii}. Не будем переносить столь категоричное утверждение на сферу печатной прессы, но будем помнить это предостережение при анализе взаимоотношений средств массовой информации с избирателями. По нашему мнению, можно предположить, что по мере укрепления тенденции коммерциализации СМИ в угоду интересов плательщиков в числе читателей, слушателей и зрителей предвыборных материалов могут остаться лишь их заказчики и авторы.

ⁱ См. подробнее: Пеньков В.Ф. Политический процесс и политическая культура. Москва: Изд-во NOTA BENE, 2000. 168 с.

ⁱⁱ Здесь и далее по тексту приводятся данные опроса общественного мнения, проведенного при участии автора в Тамбовской области в июле-августе 2005 г. Опрошено 595 жителей 12 районов и 4 городов региона. Состав участников исследования репрезентативно представляет структуру населения по территориально-поселенческому, половому и возрастному признакам, а также структуре занятости. Результаты исследования проанализированы с помощью многокритериальной компьютерной обработки баз социологических данных SPSS / PC +.

ⁱⁱⁱ Автор относит перечисленные в этой подгруппе издания к числу «желтых», понимая при этом, что «желтая пресса» весьма востребована «желтым читателем», склонным к муссированию разного рода слухов, сплетен, «жареных» фактов и т.д. В нашем понимании, эта пара понятий подобна сообщающимся сосудам: вначале пресса формирует повестку дня на потребу всеядного читателя, содействует развитию его «непритязательного вкуса», а, затем, уже «пожелтевший» читатель стимулирует редакцию к постоянному наращиванию «дозы желтизны». В конечном итоге, рост объемов продаж неизбежно толкает газетчиков к корректировке редакционной политики, к наращиванию объема востребованной информации.

---

^{iv} Судя по полученным данным, снижается зрительский интерес к еженедельной авторской программе В.В. Познера «Времена» (Первый канал). Респонденты, в частности, указывают на тенденциозность его оценок и политических предпочтений, на неприкрытое стремление В.В. Познера утвердить (в ряде случаев - навязать) авторское понимание проблемы, а также на узость привлекаемого в программу экспертного сообщества.

^v Данные получены на основе телефонных опросов (случайная выборка 425 человек), а также опроса 24 экспертов, проведенных по методике, разработанной автором статьи.

^{vi} Это во многом объяснимо стабильно высоким рейтингом губернатора О. Бетина, достигшим во втором полугодии 2005 года 71,78 %, что сравнимо лишь с региональным рейтингом Президента России В.В. Путина (71,67 %). Превалирование «губернаторской» тематики в региональных СМИ обеспечивает высокий уровень информированности населения Тамбовской области о деятельности исполнительной власти (88,8 процента), что превышает информированность о деятельности, к примеру, депутатского корпуса более чем в три раза. (Данные приводятся по: Информация об общественно-политической ситуации в Тамбовской области. (К выездному заседанию комитета Госдумы 22 ноября 2005 года) / Текущий архив Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам общественных объединений и религиозных организаций. 3 с.

^{vii} См. подробнее: Пеньков В.Ф., Коврикова О.И. О ценностных ориентациях электората (на материалах социологических исследований в Тамбовской области) / Под ред. З.М. Зотовой. Тамбов: Изд-во гостипографии «Пролетарский светоч», 1998. С. 67.

^{viii} См. подробнее: Туманова А.С. Выборы в Тамбовскую городскую Думу в 1913 г. (по материалам Тамбовской прессы) // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект) / Ред. колл. Н.И. Воробьев, А.М. Дробжев, В.Ф. Пеньков, Л.Г. Протасов, Д.Г. Сельцер. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та. С. 36- 39.

^{ix} Эти нормы закреплены, в частности, в ст. 3, ст. 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» (О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 7. Ст. 300.).

^x См.: Трошкин Ю.В. Свобода слова и власть в обществе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1996. № 4. С. 3.

^{xi} См. подробнее: Ольшанский Д.В., Пеньков В.Ф. Политический консалтинг. СПб: Изд-во Питер, 2005. 448 с.

^{xii} См.: Кечкина М. Четверть москвичей вообще не читают газет// Среда. 1999. № 8. С. 22-23.

^{xiii} Бродский И.А. Нобелевская лекция // Бродский И. Сочинения: Стихотворения. Эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. С. 759.

*Использование приемов нейролингвистического программирования
в общественно-политическом процессе*

Со времен античности многих исследователей интересовала проблема так называемого *массовидного поведения людей*, которые совершали поступки, формально без очевидного для них предшествующего личностного поведенческого решения. По представлениям автора, это, в сущности, было первой формулировкой проблемы эффектов нейролингвистического программирования (НЛП), которое при любой трактовке его природы основано на попытке спровоцировать желаемые поступки, используя чисто психологические методы воздействия. Это, во-первых.

Во-вторых, внимание к избранной проблематике всегда привлекалось аналогичными политическими процессами: общеизвестными, вызывавшими удивление неподготовленных аналитиков случаями массового одобрения избирателями заведомо авторитарных политиков, провалом попыток объяснить политическую историю с точки зрения здравого смысла, и т. д. На это не раз указывали Платон, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье и др. Особенно актуальным это становится в конце XX века, когда развитие политических технологий сделало манипулирование психологией масс осязаемой для всех практикой общественной жизни.

НЛП - достаточно молодая отрасль гуманитарного знания, многие направления которого пока только намечены. Например, многие западные специалисты, которые и определили впервые теоретические и практические подходы к рассмотрению природы НЛП, трактуют ее как программирование, навязывание человеку того, чего он не хочет. Этот подход лежит в основе «черных PR технологий», где главное – заставить человека сделать то, что нужно манипуляторам. Другие специалисты определяли феномен нейролингвистического программирования как направление науки о совершенстве поведенческой деятельности, цель которой – помочь человеку действовать более эффективно в окружающем мире.

Впрочем, еще задолго до появления самого термина НЛП, ученые исследовали феномены заражения, внушения, идеомоторных реакций наиболее часто связанных с ролью государства, психическим корням внушаемого поведения (в общественно-политических процессах), феноменам «слепой веры», зная которые можно управлять поведением человека, что прямо подразумевается проблемным полем современного НЛП.

В первобытном обществе прослеживаются приемы воздействия на индивида в обрядах шаманизма и магии. Отработанные до мелочей системы йоги и дзен-буддизма, бесспорно, располагают мощными методами «изменения» человеческой психики, радикально меняя личность, ее мироощущение, образ жизни и стиль поведения, где основной идеей идеального бытия человека является самопрограммирование. Главным содержанием конфуцианства стало нравственное воспитание человека для поддержания порядка в стране. Не фразы, а логические формы софистов убеждали людей, заставляя верить в сказанное. Чрезвычайно влиятельной оказалась римская цивилизация, которая определяла риторику как «искусство говорить хорошо», «искусство украшения речи», призванная «убеждать, увлекать». Утописты (Мор, Кампанелла) предложили одну из первых моделей программированного тоталитарного общества, где на все стороны жизни человека оказывается мощное воздействие со стороны государства. НЛП, по И. Канту, - влияние на индивида, которое основано на прагматизме, здравом смысле и следовании естественному нравственному закону. НЛП, или «волей к власти», по Ф. Ницше, пронизано все общество, в котором одни управляют, а другие подчиняются, что философ считал нормальным состоянием общества.

Психологические идеи З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма, М. Адлера относительно влияния, воздействия на подсознание человека можно считать одним из теоретических истоков современного НЛП. Объяснить поведение масс психологическими побуждениями, причем преимущественно бессознательными пытались, и довольно успешно, русские ученые Н.К. Михайловский и В.М. Бехтерев.

С возникновением собственно политических отношений учет таких феноменов массового общения становится одним из аргументов политической борьбы; умение программировать поведение масс, учитывать естественные для них механизмы психического заражения, внушения и подражания стала формой существования идеологии. С появлением СМИ такой опыт стал кодироваться, приобретать черты государственной информационной политики (например, один из первых мощных опытов в этом направлении был сделан в информационной политике Наполеона I и его первого министра Фуше).

Основателями НЛП в начале 1970-х гг. считаются Джон Гриндер, профессиональный лингвист, и Ричард Бэндлер, психолог и математик. Во многом их работа сводилась к обобщению и упорядочиванию уже известных знаний и умений в различных областях: гештальт-терапии, когнитивной психологии, психолингвистике, бихевиоризме, гипнозе и др.

"Нейролингвистическое программирование" включает в себя три составляющие: "**Нейро**" отражает ту фундаментальную идею, что поведение берет начало в неврологических процессах видения, слушания, восприятия запаха, вкуса, прикосновения и ощущения. "**Лингвистическая**" часть названия показывает, что мы используем язык для того, чтобы упорядочивать мысли и поведение и чтобы вступать в коммуникацию с другими людьми. "**Программирование**" указывает на те способы, которыми мы организуем свои идеи и действия, организуем поведение, чтобы получить результаты.

Сегодня НЛП является основой множества подходов к общению и изменению поведения человека. НЛП необходимо рассматривать как научную область знаний, поскольку оно может быть представлено на уровне практических инструментов и технологий в т.ч. политических. Природу НЛП можно выразить следующей дефиницией: НЛП – технология вербального и невербального воздействия на субъект с целью изменения его убеждений и поведения.

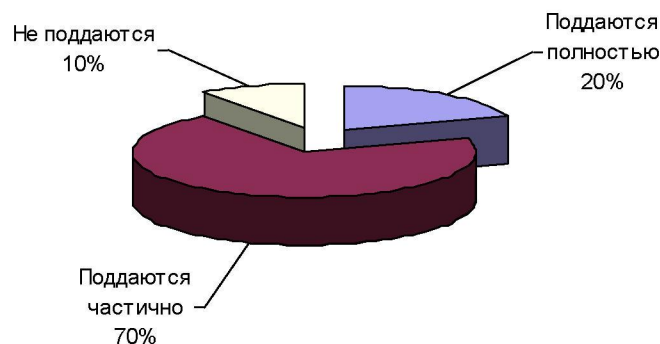
Сегодня средства массовой информации работают на самого широкого зрителя и взяли на себя, в первую очередь, функцию его информационно-развлекательного «массажа». Прежде всего, телекоммуникация – это процесс распространения

информации, в каком бы виде она ни предъявлялась (зрительные образы, цифровые сигналы, слова). Принципиально важно, что с помощью телевидения происходит распространение социальных установок, моральных норм, устремлений общества. При этом телевидение играет основную роль в формировании феноменов и стереотипов массового сознания и поведения.

Эпоха электронных средств массовой информации, по времени развития совпавшая с мощным развитием НЛП, стала великолепным плацдармом для его практического применения. Нейролингвистическое программирование на телевидении выступает, как особый социальный заказ на использование целого пакета современных технологий провоцирования у большинства зрителей нужных впечатлений, ценностей, взглядов и установок. Особенно актуально это в период предвыборных баталий. Такое НЛП представляет собой сочетание осознанных приемов воздействия и стихийно сложившихся в практике ТВ стереотипов, клише, также оказывающих мощное воздействие на зрителя. Причем оба таких вида воздействий имеют ярко выраженную тенденцию к превращению в необходимый элемент образа жизни заметных по численности групп населения. Кроме того, НЛП показывает возможности управления поведением таких групп через систему идеологем центрального и местного ТВ. Телевидение представляет собой наиболее удобный и эффективный канал НЛП, которое осуществляется в идеологии передач и самом построении телекартинки, причем у каждого из видов психологического воздействия есть свой индивидуальный алгоритм воздействия. Критерии эффективности НЛП зависят от содержания, формы, источника воздействия и особенностей реципиентов, а также от социально-политического, культурно-исторического состояния общества.

Наиболее мощные воздействия имеют ангажированный характер, причем магистральной линией является «стереотип волевого политика» и «развлекательная, понятная передача»; механизм навязывания которых массовому сознанию наиболее отлажен за последние несколько лет. По мнению экспертов, до 90 процентов телезрителей, которые смотрят предвыборные ролики полностью или частично поддаются их влиянию, что отражено на диаграмме.

Распределение ответов на вопрос «Скажите, по Вашему мнению, телезрители поддаются влиянию предвыборных роликов?»

Во время просмотра политической рекламы на реципиента наибольшее влияние оказывает внешний образ кандидата и его выступления (речь). Из этого можно сделать вывод о том, что «избиратели-телезрители» действуют не на основе реальных данных, а исходя из картины мира, которая складывается у них под воздействием СМИ и, в первую очередь, телевидения. Таких примеров можно приводить достаточно много как на федеральном уровне (выборы Президента России в 1996 году) так и на региональном (выборы в Государственную Думу в 2003 году по 171 Тамбовскому избирательному округу) и субрегиональном уровне (выборы главы администрации Инжавинского района Тамбовской области в 2006 году).

Потенциал НЛП огромен – это новая мотивация телезрителей к просмотру телевизионных программ, причем в достаточно короткие сроки (50 лет существования ТВ), и здесь речь идет о коренном изменении сознания и поведения «телевизионного поколения».

*Практика и проблемы
привлечения к административной ответственности лиц, совершивших
правонарушения в области
избирательного права*

Институт юридической ответственности в сфере избирательного права призван функционировать как максимально унифицированный гарант правовой защищенности общественных отношений, складывающихся в процессе реализации гражданами активных и пассивных избирательных прав. Юридическая защита указанных правоотношений реализуется в форме их государственного регулирования через систему карательных санкций, основная полезность которых применительно к специфике избирательных отношений, скорее, не в принуждении деликтента к исправлению противоправного поведения, не в профилактике правонарушений и даже не в лишении возникших специальных избирательных прав, а в достижении гласного и оперативного эффекта реституции принципа абсолютной неприкосновенности системы формирования публичной власти. Из последнего проистекает необходимость неотвратимости наказания за совершение проступков не только и не столько как за посягательства на корректировку результатов избирательных кампаний, сколько и как за посягательство на институт свободных выборов, представляющий одну из конституционных основ Федерации. Защита этих конститутивных ценностей важна не только в формате охранения материального права народа быть высшим непосредственным выразителем державной власти через механизмы выборов и плебисцитов, но и в формате сохранения в обществе состояния незыблемости его идеологических императивов, даже эпизодическое безответное уязвление которых необратимо влечет их девальвацию и последующее крушение.

Действующее избирательное законодательство, если его оценивать вне избирательного процесса, предлагает логичную и системную конфигурацию обеспечения правовых гарантий проведения демократических выборов. Конституционно – правовая, административная, уголовная виды публично – правовой ответственности, по замыслу законотворцев, должны представлять такие институциональные параметры, использование которых в сочетании с мероприменительной реакцией многочисленных субъектов юрисдикции предполагает наступление ситуации общего законопослушания как интегрального параметра правовой стабильности избирательных кампаний.

Однако наложение практической модели избирательной кампании на модель теоретическую приводит к выводу, что полная материализация теории в практику не только не близкая, но и отдаляющаяся перспектива. Особенно показательно это несоответствие при анализе административного правоприменения, являющегося основным волеподчиняющим институтом в избирательном законодательстве.

Следует признать, что масштабы административных правонарушений, допускаемых кандидатами, их сторонниками, политическими силами в процессе подготовки и проведения выборов, весьма значительны и способны в определенной степени конструировать картину электоральных предпочтений. Даже статистика поступающих в избирательные комиссии всех уровней и правоохранительные органы жалоб и заявлений с признаками наличия события административных проступков свидетельствует о жизнестойкости противоправного имплантанта и его влиятельности на избирательную ситуацию. И это без учета латентных правонарушений, порядок которых, по меньшей мере, сравним с порядком обжалуемых. В ряду наиболее часто обжалуемых и совершаемых деликтов – квалифицируемые по статьям 5.8, 5.11, 5.12, 5.14-5.16, 5.18-5.20, 5.45, 5.46, 5.51 КоАП РФ, то есть те, эффект воздействия на избирателя от совершения которых наиболее способствует

избранию нарушителей. В периоды состоявшихся на территории Тамбовской области кампаний по выборам депутатов Государственной Думы четвертого созыва, в органы местного самоуправления, депутатов Тамбовской областной Думы четвертого созыва избирательные комиссии, органы прокуратуры и внутренних дел получили более 900 жалоб и заявлений, в том числе с наличием признаков совершения административных правонарушений. Только мизерная часть из них рассмотрена правоприменительными органами в формате Кодекса РФ об административных правонарушениях, только примерно по 40 фактам составлены протоколы и вынесены постановления о совершении административных проступков и лишь 15 физических и одно юридическое лицо привлечены мировым судьей к административной ответственности. Между тем поствыборный анализ заявительских материалов однозначно свидетельствует о наличии в содержании большинства из них поводов для возбуждения административных производств. При этом замечу, что по инициативе правоприменительных органов, что характеризует их бездействие, выявлено только одно административное правонарушение. Из данной иллюстрации следует: правовое реагирование уполномоченных субъектов путем привлечения виновных к административной ответственности настолько незначительно, что не выполняет и критического минимума запрограммированной избирательным и смежным с ним законодательством регулятивной и профилактической функций. Если этот вывод принять за истинный, то одновременно следует констатировать, что проблема правоприменения трансформируется в проблему неприменения права. Распадаясь на причины, данная проблема характеризуется двумя ее составляющими: слабая юридическая компетентность территориальных, муниципальных, окружных и участковых избирательных комиссий и бездействие, в том числе путем имитации действий, правоохранительных органов.

Достаточно четко проведя водораздел между допустимыми и недопустимыми методами ведения выборной борьбы, законодатель переоценил, а точнее, не учел профессиональный и физический ресурс избирательных комиссий, на долю которых по определению должна приходиться основная работа по формированию юридической оценки заявленных и выявленных нарушений, разрешению информационных споров, в том числе и в административном порядке. Иными словами, «полет законоархитекторов» состоялся на высоте, недостижимой для «избирательных прорабов». Это к тому, что анализ практики участия избирательных комиссий области в административном производстве показывает, что муниципальные, окружные, территориальные и участковые избирательные комиссии не только не действуют в сфере административного правоприменения, но даже не мыслят в плоскости идеологии административного законодательства. Проведенное в рамках общего анализа выборочное тестирование членов избирательных комиссий, в том числе и наделенных полномочиями составлять протоколы об административных правонарушениях, подтвердило прогнозируемую пессимистичность его итогов: практически ни один респондент не обнаружил элементов понимания общих условий производства по делам об административных правонарушениях, обстоятельств возникновения, изменения, прекращения административно-процессуальных отношений, а также алгоритма реализации своих процессуальных прав и обязанностей. Сюда же следует добавить, что большинство членов перечисленных избирательных комиссий профнепригодны к работе в системе целого ряда отраслей права, которыми защищаются избирательные права граждан и где чрезвычайно важно знание и соблюдение тонкостей юридических процедур. Выявленным в результате тестирования побочным эффектом неподготовленности избирательных комиссий к процессу административного мероприменения является эффект слабой обучаемости членов комиссий и, особенно, участковых. Причин этого явления множество, но

главной является отсутствие мотивации для участия в процессе обучения, что, кстати, определило и отсутствие этого процесса как реально полезного, а не как дежурного предвыборного, безусловно нужного, но все же «иллюзиона».

Данные выводы даже автору кажутся радикальными, но, к сожалению, их подтверждает статистика. Судите сами: с момента вступления с 1 июля 2002 г. в действие нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и по ноябрь 2003 года в области членами избирательных комиссий, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, не составлено ни одного протокола. В период с ноября 2003 года по настоящее время – 23 административных протокола. Внешнее улучшение пресекающей деятельности избирательных комиссий теряется на фоне, во-первых, увеличения количества жалоб с признаками наличия состава административных правонарушений, а во-вторых, на фоне того, что практически все до единого протокола, а вернее, их образцы по каждому конкретному случаю были инициированы и составлены избирательной комиссией области. И областной комиссией данные подменные труды не рассматриваются в качестве благих, а рассматриваются в качестве вынужденной меры, поскольку оценка уровня правовой подготовленности членов нижестоящих избирательных комиссий, состояние алгоритма их взаимодействия с правоохранительными органами иного выхода не представляли. Да, собственно, и из тех образцов протоколов, переданных в нижестоящие избиркомы, только 8 были процессуально правильно оформлены и переданы на рассмотрение мировому судье.

В период избирательных кампаний в Тамбовской области действуют 1038 участковых и от 25 до 32 окружных, муниципальных и территориальных избирательных комиссий. Это означает наличие корпуса административных преследователей в количестве, по меньшей мере, от 1070 до 2140 человек, потенциал которых не только заложен в защитный механизм кампаний, но и

публично истребуется. Между тем практика говорит о его виртуальности, что в силу эффекта дискредитации комиссий гораздо вреднее, нежели данной категории правоприменителей в законе не предусматривалось бы вообще. Такое положение характерно не только для Тамбовской области. В Калининградской, Курской, Воронежской, Рязанской, Волгоградской и целом ряде других областей (а, возможно, и во всех субъектах Российской Федерации) участковыми избирательными комиссиями в периоды подготовки и проведения избирательных кампаний и референдумов различного уровня не составлено ни одного протокола об административных правонарушениях, остальными комиссиями их составлены единицы.

Говоря об административном правоприменении, следует очень четко понимать, что избирательная кампания проходит не только в городских округах и административных центрах муниципальных районов, насыщенных правоприменительными силами, к которым, по крайней мере, участники выборов могут апеллировать. Кампания проходит также на территориях городских и сельских поселений, где нет ни прокуроров, ни милиции, ни мирового судьи, ни вышестоящих комиссий. Есть только участковая избирательная комиссия, члены которой не в состоянии квалифицировано работать в правовом и процессуальном административном поле. Это создает для претендентов в избранные такую вольницу, какую неспособны предоставить никакие черные технологии. И вывод здесь один: избирательный закон должен соответствовать уровню правовой культуры избирательных комиссий. Другой вопрос: что к чему подтягивать - закон к культуре или культуру к закону? Исходя из существующих принципов и задач действующего избирательного законодательства, необходимо добиваться, чтобы уровень правовой культуры избирательных комиссий развивался до его соответствия закону. Но по масштабу эта задача, как представляется, «тянет» на пятый национальный проект. Поэтому выход, на мой взгляд, в исключении членов

избирательных комиссий территориального, окружного, муниципального и уж обязательно участкового звена из числа субъектов административного мероприятия. Это необходимо и потому, что кандидаты и политические партии противопоставляют комиссиям высококвалифицированные юридические силы, которые на любой стадии производства по делам об административных правонарушениях способны обеспечить «соискателям электорального доверия» избежание от попыток избирательных комиссий привлечь их к административной ответственности. Аргументы в защиту изложенной точки зрения позволяют говорить о невозможности идентификации избирательных комиссий уровня городской округ – сельское поселение как носителя власти, обладающего способностью и возможностью подчинять воле административного закона волю участников избирательного процесса. А субъект, неспособный материализовать властные полномочия в конкретный правоприменительный продукт, воспринимается как абстракция. В этой связи представляется целесообразным из пункта 5 статьи 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях исключить категорию «члены избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса, уполномоченные избирательными комиссиями, комиссиями референдума»¹ и ввести вместо них категорию «должностные лица, уполномоченные избирательными комиссиями, комиссиями референдума составлять протоколы об административных правонарушениях» в части административной юрисдикции избиркомов. Предполагается, что такие должностные лица, нанятые по срочному трудовому соглашению из числа профессиональных юристов и бывших правоохранителей, смогут квалифицированно обеспечить выявление и пресечение административных деликтов, добывание соответствующей доказательственной базы, грамотно составить административные протоколы, определения, постановления, провести

---

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях п. 5 ст. 28.3

административное расследование, нести бремя доказывания в мировом суде. В итоге использование этого ресурса, возможно, позволит добиться формирования реальной и внятной пресекательной власти избирательных комиссий.

Еще более привлекательным представляется вариант возложения функций административного преследования и поручительства преследования за нарушения избирательного законодательства исключительно на органы прокуратуры, как на функционирующую на постоянной, оплачиваемой основе единую федеральную централизованную систему органов и учреждений. Представляется, что персонификация органов прокуратуры как единственного полномочного и ответственного субъекта изменит к лучшему стереотип их отношения к участию в правоохране избирательных прав граждан. С учетом их статуса и профессионализма, сложившегося ореола многие деликты и правонарушающие технологии просто перестанут возникать.

В любом варианте смена формального карающего субъекта на реально и профессионально действующего зримо вдохнет силы в правоспособность избирательного процесса, максимально его стабилизирует.

Теория силы избирательного законодательства в части регламентации юридической ответственности состоит в том, что оно персонально определило компетентные исполнительные органы, уполномоченные реализовывать в регулируемой им сфере установленные нормы и правила. Практическая его слабость в закреплении законодателем альтернативной административной юрисдикции для нескольких правоприменителей, что предоставляет им маневр для эксцесса, то есть для уклонения от исполнения своих властных полномочий в интересах действия закона. Анализ практики административного мероприменения показывает, что, как правило, «слабо работают» именно те статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которые находятся в ведении двух и более правосубъектов. Так в «перекрестье»

прокуратуры и избирательной комиссии находятся 16 статей КоАП РФ, прокуратуры и органов внутренних дел – 10 статей, избирательной комиссии и органов внутренних дел – 3 статьи. И это самые нарушаемые статьи. По данной причине в процессе поиска «единомышленниками» крайнего звена «перекрестье» постепенно приобретает, извините за каламбур, форму креста.

Но если этот заповедный прием правоохранительных органов (именно правоохранительных) укладывается в логику их традиционных действий, то быстро сформировавшаяся в этих структурах идеология индифферентности к задаче правоохраны избирательных прав граждан, а, следовательно, к выполнению важного государственного заказа – явление для исполнительных институтов государства новое и поэтому требующее специального исследования.

Факт недобросовестного партнерства со стороны правоохранительных органов в деятельности по обеспечению гарантий избирательных прав граждан отмечается целым рядом авторитетных организаторов избирательных кампаний и аналитиков как Тамбовщины, так и многих других субъектов Российской Федерации.

Подтверждение «тамбовского» синдрома бездеятельности органов наглядно иллюстрируют избирательные кампании по основным и повторным выборам депутатов Тамбовской городской Думы четвертого созыва (2005-2006 г.г.) и по выборам депутатов областного законодательного собрания четвертого созыва (2005 г.).

Аномально активное досрочное голосование на выборах городского депутатского корпуса не оставляло сомнений в его организованности в интересах конкретных кандидатов. Заявления о том, что избиратели голосуют небескорыстно и доставляются к местам досрочного голосования на транспорте, предоставляемом кандидатами, сыпались, что называется, как из рога изобилия.

Практически каждая жалоба содержала признаки и факты совершения административных правонарушений, квалифицируемых по статьям 5.16 и 5.45 КоАП РФ, а некоторые из них – уголовного преступления, подпадающего под действие части 2 статьи 141 УК РФ. Все они стали предметом рассмотрения органов внутренних дел. Ни в одном случае не были соблюдены установленные избирательным законодательством сроки проверки и не выявлены лица, организовавшие досрочное голосование, и конкретные исполнители замысла. Разумеется, не возбуждено ни одного административного и уголовного производства. Невозможно представить, что правонарушающая технология, в орбиту которой вовлечено более 10-ти тысяч человек, не может быть выявлена, задокументирована и пресечена с использованием процессуального и оперативно – розыскного инструментария правоохранительных структур.

Реакция избирательных технологов на позицию органов заставила себя ждать всего 8 месяцев: на повторных выборах депутатов Тамбовской городской Думы активность досрочного волеизъявления возросла втрое. Количество жалоб тоже. Правоохранительный фарс получил свое продолжение.

В процессе подготовки и проведения выборов депутатов Тамбовской областной Думы в избирательную комиссию области и правоохранительные органы неоднократно поступали жалобы о совершении подкупа избирателей, распространении анонимных агитационных печатных материалов в двух одномандатных избирательных округах. Очевидность нарушений была подтверждена конкретной доказательственной базой, в том числе указанием на свидетелей, исполнителей. Это был жупел в целом стабильно развивающейся кампании, устранение которого оказало бы неоценимое влияние на повышение авторитетности института выборов на Тамбовщине. Однако органы внутренних дел и прокуратуры, в прямом ведении которых находилось разбирательство по данным составам, ни в одном случае не переступили демаркационную линию,

отграничившую территорию невмешательства от территории законоприменения.

Череду аналогичных примеров можно продолжить. И все это несмотря на, казалось бы, обилие коммуникаций межведомственного взаимодействия, которые выстраиваются избирательной комиссией Тамбовской области в предвыборный и выборный периоды.

Об интегральном состоянии коэффициента пресечения правоохранительными органами административных правонарушений в избирательной сфере свидетельствуют следующие показатели: в период с 1993 года по настоящее время органами внутренних дел и прокуратуры составлено около 10 протоколов и вынесено порядка 7 постановлений об административных правонарушениях; из них по статьям КоАП, привлечение по которым могло бы послужить основанием для отказа в регистрации кандидата, отмены его регистрации – ни одного.

Особенно рецессивно данная статистика выглядит на фоне того, что в других областях действия особенной части КоАП (исключая область избирательного права) состоящее из четырех офицеров отделение административной практики органа внутренних дел внутригородского района с населением 40 тысяч человек ежемесячно возбуждает около 1000 дел об административных правонарушениях. Например, в Ленинском РОВД города Тамбова за январь – февраль 2006 года составлено 1882 протокола об административных правонарушениях.

За этот же период в условиях проходящей в данном районе активной фазы избирательной кампании не возбуждено ни одного административного производства по признакам правонарушений в сфере избирательного законодательства.

Всего же за первое полугодие 2005 года в Тамбовской области только мировыми судьями рассмотрено 38625 дел об административных

правонарушениях. В условиях перманентности выборов практически отсутствие «избирательной доли» в этом количестве административных деликтов позволяет говорить о предпосылках кризиса в системе правоохраны избирательных гарантий граждан. Это только гребень айсберга, способствующий расщеплению правосущности избирательного процесса. Но вполне, и это мнение ряда председателей избирательных комиссий субъектов, свидетельствующий о нуждаемости, как максимум, правоприменительного механизма в реформе, а как минимум – в радикальном обновлении принципов партнерства избирательных комиссий с правоохранительными органами.

Как бы на выручку этой ситуации поспешило принятое Федеральным законом от 21 июля 2005 года «О внесении изменений в законодательные акты о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» дополнение к статье 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» о праве избирательных комиссий выносить предупреждение кандидату, избирательному объединению, инициативной группе по проведению референдума в случае нарушения данными субъектами основного закона о выборах. Практика провела аналогию между институтом предупреждения в активе избирательных комиссий как метода правового регулирования и «булыжником в руках пролетариата» в качестве оружия: в серьезных баталиях эти «предметы» ощутимой пользы не приносят. Более того, институт предупреждения, если его так условно называть, не будучи форматизирован по квалификационным и процессуальным критериям, то есть не имея юридикации, очень прост в применении. В силу этого провоцирующего качества он способен стать основным или даже единственным практическим карательным инструментарием избирательных комиссий и способен поглотить институт административной ответственности. Вряд ли в горячке избирательного «кристалища», да и по причине недостаточной юридической подготовленности,

избирательные комиссии обратят или захотят обратить внимание, что то или иное нарушение Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» охватывается составом административного деликта, да вдруг еще и того, привлечение к административной ответственности за совершение которого может быть преюдициально использовано судом для наложения санкций по избирательному законодательству в виде отказа кандидату в регистрации, отмены его регистрации. Таким образом, институт предупреждения, как не имеющий юридикации, представляет, во-первых, потенциальную базу для возникновения жалоб, заявлений и судебных споров, а, во-вторых, является еще одним препятствием для становления в избирательных комиссиях практики привлечения правонарушителей к административной ответственности. Полагаю, что, вводя «право вынесения предупреждения», законодатель предусматривал применение данной санкции за те правонарушающие действия со стороны кандидатов и избирательных объединений, которые не содержат административно и уголовно наказуемых деяний и не влекут правовых последствий в виде отказа в регистрации или отмены регистрации. Если это действительно так, то пункт 5 прим. статьи 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» нуждается в дополнении указанными выше ограничениями.

Проблем в практике административного правоприменения, безусловно, больше, нежели освещено в данном материале. Актуальна, например, проблема согласования протокола об административном правонарушении, допущенном специальным субъектом, с прокурором муниципального образования или прокурором области, которые не приемлют документов в виде факсимильных копий. Трудно представить, что из сельских или городских поселений, где, кстати, и факсимильных аппаратов не имеется, или муниципальных районов и

городских округов будет по мере возникновения надобности выделяться транспорт для выезда в прокуратуру того или иного уровня с целью согласования протокола, а затем – для передачи его мировому судье. Маршрут только одного протокола в компактной области, если он вдруг будет составлен, может в зависимости от уровня выборов протянуться на расстояние от 100 до 400 километров.

Данный материал, безусловно, дискуссионный. Думаю, что у него найдутся и защитники и оппоненты. А у вероятных оппонентов отыщутся резонные аргументы вопреки позиции автора. Основной из них – одоление трудностей трудом. Но если оппозиция в этом, то мы – единомышленники. Иное дело, что движение к устранению основания проблемы предполагает выявление всех ее причин через те критерии истины, которые предоставляет практика.

И.А. Фёдоров
Л.В. Краснова
О.А. Запорожченко

Выборы:
природа и особенности политического и партийного имиджей

В известной и прочно вошедшей в арсенал современной гуманитарной науки теории парадигм (Т. Кун) есть мысль о том, что изучение любого феномена духовной жизни имеет закономерные взлеты и периоды падения реального интереса к нему, причем это описывает не количество, а качество публикаций и исследований

Видимо, такой период парадигмального кризиса проходят сейчас и политологические и социологические исследования выборов. Простейший контент-анализ публикаций показывает, что, при количественном их росте, фокусов исследований не так уж много: методики подсчета шансов кандидатов, история самой идеи выборности, критерии эффективного имиджа, сравнительный анализ партийных программ, соотношение муниципализма и государственности, проблемы НЛП, причем без ярких границ и описания денотатов, - вот, собственно, и почти все. Иногда возникает ощущение, что от выборов политологи устали даже больше избирателей; модели «выборов вообще» все чаще вызывают у студентов-политологов ассоциации скорее с Ш. Монтескье, но не с П. Бурдьё или Г. Лассуэлом.

Между тем фундаментальные вопросы о сути и атрибутах выборов, поставленные Аристотелем в ходе компаративного анализа конституций греческих полисов и в работах философов Французского Просвещения, вряд ли получили особенно убедительные ответы; видимо, одна из черт движения науки в том, что от многих вопросов ученые устают быстрее, чем находят на них даже отдаленно правдоподобные ответы.

Напомним хотя бы наиболее ясные из них: действительно ли выборы есть изъявление воли народа? Что это такое? Каким образом макроявление («воля народа») может быть аддитивно (складываться из голосов избирателей)? Верно ли, что выборы основаны на каком-то механизме индивидуального сравнения альтернатив? Или, напротив, они провоцируют «эффекты толпы», стимулирующие отказ от такого сравнения? Справедливы ли выборы по сути; ведь еще Сократ отмечал, что равенство избирательных прав достойных людей и негодяев абсурдно? Законны ли попытки реального управления выборами, существуют ли более оптимальные способы самообновления элит, и т.д.

Древность самого института выборов показывает, что ответы на такие вопросы даны в общественной практике. Возникнув, как первобытная военная демократия, выборы оформились, как социальный институт, даже в самых авторитарных обществах (муниципальные выборы времен Людовика XIV, выборы в Советы в СССР). Однако, оформившись как общественная практика, выборы не перестали содержать в себе упоминавшихся «проклятых вопросов» - но уже в зашифрованном, кодированном виде.

Видимо, одной из приблизительных оценок актуальности этих вопросов может служить состояние группового мнения относительно выборов. За последние полтора десятка лет можно выделить три четко различающиеся периода таких оценок:

- конец 1980-х - начало 1990-х гг., когда сама идея и первые опыты альтернативных выборов вызвали заметный интерес, происходило освоение такого опыта огромными массами населения, причем такое освоение было романтизировано, выборы чаще воспринимались, как некоторая сверхзадача, борьба добра и зла на политическом макроуровне;
- середина 1990-х гг., когда явно господствовало «партийное восприятие» и выборы воспринимались более конкретно, уже без особенной романтизации, невзирая на мощнейшие акции нейролингвистического программирования (оба

случая президентских выборов Б. Ельцина, выборы губернаторов и мэров мегаполисов);

- современный период, с конца 1990-х гг., где скрещиваются весьма противоречивые тенденции и который, по понятным причинам, особенно интересует авторов.

Выделение такого периода очень спорно, но, по мнению автора, возможно. Во всяком случае, многие тенденции предыдущего периода показывают зарождение нового качества и бытия выборов, как социального института, и отношения граждан к этому институту.

Принимая упоминавшиеся теорию парадигм и общий график исторического движения Л.Н. Гумилева в качестве базовых, позволяющих оценить тенденции как кризисные или «акмеические», выражающие расцвет, легко выделить свидетельства такого кризиса выборов:

- резко снижается доля электората, считающего современные выборы какой-то борьбой за высокие демократические ценности (по сравнению с началом 1990-х гг. - по крайней мере, на порядок);

- опросы показывают достаточно высокую компетентность респондентов в имиджмейкерских приемах. «Индекс искренности» даже при стабильном голосовании за партию или кандидата заметно уменьшается;

- ход выборов показывает снижение и этической «планки» в поведении кандидатов. Использование так называемого «черного пиара» стало общим местом и практически мало кого удивляет. Поскольку происходит это не один раз, действенность собственно идеологических кампаний небогатых кандидатов резко падает. Все это провоцирует цинизм и ориентацию на выгоду в заметных слоях электората;

- местные масс медиа все более прагматически ориентированы, или, реже, выдерживают жесткое административное давление по «проталкиванию» нужных властям кандидатов. В результате роль СМИ как органа, помогающего

разделению и контролю властей сведена к минимуму, что, по данным автора, не отрицается и большинством самих журналистов;

- вместе с тем выросли навыки масс медиа по прямому программированию респондентов в ходе масштабных кампаний, растет однородность идеологической аргументации различных политических сил, и т.д.

Такое положение дел прямо сказывается и на качестве и *динамике политических имиджей партий*. Отметим лишь наиболее яркие и очевидные, на взгляд авторов, тенденции таких процессов.

Видимо, действительно не нуждаются в обосновании общие тенденции снижения интереса респондентов к партийным программам, событиям внутрипартийной жизни (некоторым исключением является, по данным автора, раскол КПРФ), даже дискуссии между партийными лидерами (например, между Г. Явлинским и А. Чубайсом в ряде телепрограмм и шоу после печальных для СПС и «Яблока» итогов выборов в Государственную Думу) не вызвали ожидаемого интереса большинства страт населения.

Например, данные социологических опросов позволяют с достаточно большой степенью уверенности сделать вывод о том, что большинство респондентов одновременно считают себя все более компетентными в политике и, при этом, не видят принципиальных отличий в программах большинства политических партий.

Во всяком случае, идеологический кризис первичных организаций политических партий в провинции представляется несомненным и имеющим положительную динамику. Есть и ряд тенденций, которые обнаруживаются лишь при более тщательном анализе.

Последние выборы (примерно с 1999-2000 гг.) показывают формирование своеобразных «партийных наемников», - групп лиц, зарекомендовавших себя небесполезными в отстаивании интересов конкретных партийных кандидатов, и поэтому легко принимающих предложения формально иной политической организации. Это особенно касается молодежных подразделений партий,

которые за умеренную плату предлагают вести пропаганду среди молодежи в пользу любой заплатившей организации.

Весьма своеобразно и теперешнее положение так называемых «партий власти» (ДВР, «Медведь», «Единство»). В последнее время искусственность формирования таких партий признается практически открыто, и уже поэтому для многих предпринимателей членство в таких партиях становится скорее атрибутом карьеры, но не престижа. Более того, авторы впервые наблюдал на собраниях предпринимателей встречаемые бурными аплодисментами тезисы выступлений предпринимателей о том, что они никогда не вступят в «партию власти» чтобы не вызывать иронических поздравлений коллег.

Во всяком случае, единственный в политической истории феномен создания политических партий с рейтингом популярности восходящим от нуля до выигрышного места за полгода, показывает не мощь таких партий, а их нестабильность, угрозу распада таких монстров за несколько месяцев при прекращении административной поддержки.

Отметим, что такой «партийный кризис» современной России вовсе не привел к росту общественных организаций, что доказывает даже поверхностный анализ современных псевдонезависимых профсоюзов, созданных именно под выборы объединений, поддерживающих местные власти (как правило, под лозунгом «возрождения региона»), история искусственных объединений по гендерным признакам («Женщины России», Партии пенсионеров, «Идущие вместе»). Подчеркнем еще один аспект этой проблемы, с которым постоянно сталкиваются авторы в практической деятельности. Речь идет о том, что классические функции политических партий все чаще и негласно берут на себя социально политические кланы, которые и превращаются во все более в ведущий элемент политической системы в провинции¹.

Подробное описание природы таких кланов выходит за рамки статьи. Отметим лишь наблюдения авторов по поводу структуры и современной

динамики таких кланов. Примерно на треть они формируются по кровнородственным принципам, причем пока это скрывается в работе со СМИ и публичных выступлениях даже у оппонентов. Еще примерно треть формируется из числа личных и интимных друзей и подруг, оставшаяся – в основном чиновники и предприниматели, доказавшие личную преданность или простую возможность спонсирования избирательных кампаний.

Именно в таких кланах формируется заметная доля стратегических для региона управленческих решений, производится своеобразный «конкурс лоббирования», итоги которого просто оформляются при работе с биржами и конкурсами, решаются кадровые вопросы, направления идеологической работы и т.д.

Имеющихся фактов недостаточно для того, чтобы с уверенностью констатировать «закат партийной эпохи» в постреформенной России. Однако, в любом случае, этих фактов достаточно, чтобы констатировать современные парадоксы, почти неизвестные в Европе, практически внепартийного государственного строительства общества с неясными пока идеологическими принципами.

Представление о том, что политическая жизнь провинции есть лишь неточная копия блистательной, насквозь интеллектуализированной логики мегаполисов, постепенно уходит в прошлое. Во всяком случае, авторы считают, как минимум, открытым вопрос о том, кто, собственно, является своеобразным разведчиком, пионером в интуитивном «нащупывании» наиболее вероятного, достойного великой истории нашей Родины будущего: правительства, законодательные органы, единичные интеллектуалы или стихийное, подземное творчество наиболее активной части провинциалов, которые имеют сейчас уникальными возможность стать свободными и современными людьми, не утрачивающими чувство России, - потому, что они этого не хотят.

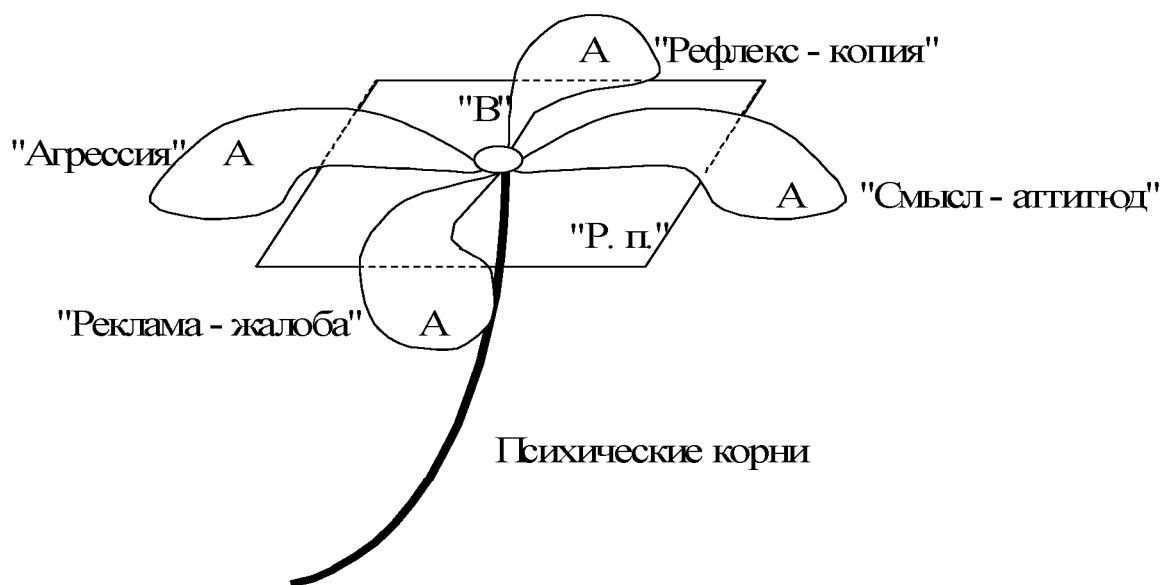

Все это вовсе не означает, что выборы оказались чем-то инородным для страны, как это иногда представляется. Они, как кажется авторам, столь сильно меняют свое качество на протяжении десятилетия, что главным все более представляется вопрос о том, отражают ли они реалии экономической и политической жизни, или попросту стали ритуалом их регулирования, причем платным и прогнозируемым.

В этих условиях сравнительно надежным критерием меняющегося качества выборов может быть структура имиджа кандидатов. Общие представления автора о природе такого имиджа отражены на приводимой ниже схеме.

Рисунок 1

Структура имиджа политиков в предвыборной борьбе

Условные обозначения:

Каждый элемент структуры имиджа дан одновременно в «индивидуальной компоненте» (слово, интонация, взгляд, жест, поза и т.д.) и в «групповой компоненте» восприятия «индивидуальной компоненты» другими людьми.

Такая «индивидуально-групповая» структура имиджа неоднородна. Во всяком случае, можно считать доказанным существование такой части «индивидуальной компоненты», которая ускользает от восприятия (знак «А» на схеме) и оценивается избирателями практически произвольно или не

оценивается вовсе. В социологии такое положение вещей называется «феноменом загибания шкалы», когда в измеряемом объекте присутствуют процессы, полностью не укладывающиеся в шкалу измерений (в данном случае — в групповое восприятие).

Своеобразным центром всех блоков структуры имиджа, который обнаруживается достаточно легко, является желание личного успеха, в том числе за счет использования возможностей и способностей других (знак «В» на схеме). Оно и выступает «диспетчером», «коммуникатором» для попарно связанных единым качеством блоков структуры политического имиджа:

а) «смысл — аттитюд», с соответствующими обозначениями на схеме. Говоря точнее, такая шкала несколько полнее — смысл слов, символы и метки принятых в группе для стереотипных обращений ожиданий (аттитюдов), привычка учета аттитюдов в самом построении речи. Желание же личного успеха подразумевает ориентацию и смысла, и групповых ожиданий («аттитюдов») еще и на свой собственный образ, что выражено в других «лепестках» схемы;

б) «реклама-жалоба», с соответствующими обозначениями на схеме. Реклама, составляющая как бы полюс данной шкалы, выражает в имидже защищенность, акцент на тех сторонах поведения, которые кажутся субъекту привлекательными и неуязвимыми. Вместе с тем такая защищенность не бывает абсолютной даже по субъективным ощущениям, и потому система знаков имиджа, обозначаемая на схеме термином «жалоба», есть, возможно, невербальная попытка обрести защиту от возможной агрессии со стороны других.

в) «рефлекс-копия-призыв», с соответствующими обозначениями на схеме. Данная шкала отражает, пожалуй, самые сложные аспекты структуры имиджа, который содержит одновременно знаки и символы копирования другого, причем в самом широком спектре (от копирования микродвижений гортани при обращении другого до копирования смысловых интонаций), и невербальный призыв помочь в достижении цели. Последнее проявляется в

политических имиджах особенно ярко. Разумеется, простое постулирование структуры имиджа выглядит достаточно произвольным; пока же выделим еще лишь одну характеристику структуры имиджа: каждый элемент структуры имиджа, как и вся его структура в целом, социально значимы, хотя конкретно выражены лишь богатством индивидуального поведения кандидата.

Надо открыто признать очевидным неопределенность такой характеристики имиджа; но, в конце концов, слишком яркая боязнь неопределенностей есть, видимо, форма боязни научного знания вообще, что не раз и с завидным юмором отмечалось И. Кантом, Б. Расселом.

Уже исходя из приведенного понимания генезиса политических имиджей, природу их можно выразить как систему социального программирования поведения субъектов (индивидов и групп) общецивилизованными и ментальными стереотипами и символами группового поведения, опосредованную мощью мотивации успеха, эталоном желаемого впечатления, миметическими способностями субъекта и ситуацией.

В любом случае, идеальное определение природы имиджей должно учитывать одновременное существование психических и групповых детерминант имиджей, ориентацию на групповой и личный успех в конкретной группе; использование, как средства достижения такой цели, самого себя (внешность, одежда, мимика, речь, интонации, цветность, взгляд, поза и др.), статус имиджей, как оружия борьбы с личными комплексами; провоцирование имиджей групповыми нормами и оценками; высокую роль символов в имиджах; субъективную ориентацию имиджей на субъективное же чувство законов группового восприятия и др. Уже потому даже простая дескриптивная дефиниция, хоть как-то затрагивающая все такие аспекты, была бы либо слишком развернутой и трудной для запоминания, либо неточной. Приведенная картина выражает всего лишь авторскую гипотезу относительно природы имиджей и возможности социального управления с их помощью.

В имиджах, таким образом, пересекаются социальные и психологические детерминанты. Примечательно, однако, то, что заметно изменившееся восприятие имиджа политиков вовсе не означает коренной смены взглядов респондентов на природу человека вообще. Например, в одном из авторских исследований (2005 год, город Тамбов, простая интервальная выборка 1 200 чел.) на вопрос «считаете ли Вы, что все люди от рождения добрые?», были получены следующие ответы: *да* - 22,8 %, *из них* - 51,2 % мужчин и 48,8 % женщин, 64, % *верующих*, 15,7 % *неверующих*; *скорее да* - 17,2 %, *из них* - 37,5 % мужчин и 62,5 % женщин, 72,4 % *верующих*, 13,8 % *неверующих*; *скорее нет* - 15 %, *из них* - 37,3 % мужчин и 62,7 % женщин, 43,3 % *верующих*, 20 % *неверующих*; *нет* - 25,5 %, *из них* - 45,5 % мужчин и 54,5 % женщин, 66,2 % *верующих*, 13 % *неверующих*; *затруднились или отказались ответить* - 19,4 %.

Общий, скорее пессимистический, взгляд на человека присущ, таким образом, почти 40 % респондентов, скорее оптимистический - 49,2 %. Такая пропорция сохраняется, в среднем, и для политических имиджей.

В целом же упоминавшийся «рейтинг искренней веры» заметно падает, что еще раз показывает рост отчуждения власти и электората, но отчуждения привычного и гарантирующего явку при достаточных усилиях организаторов. Ожидания же респондентов от кандидата можно выразить с помощью приводимых ниже данных.

Иерархия мотивов, которыми руководствовались избиратели при выборе кандидата, выглядит так: **знание профессиональной деятельности кандидата** 20,9 %, *из них* - 45,6 % мужчин и 54,4 % женщин; **программные идеи в экономической области** 18,4 %, *из них* - 48 % мужчин и 52 % женщин; **программные идеи в социальной сфере** 13,1 %, *из них* - 45,9 % мужчин и 54,1 % женщин; активная жизненная позиция кандидата 12,2 %; умение говорить, четко излагать мысль 9,8 %, *из них* - 27,7 % мужчин и 73,3 % женщин; программные идеи в политической области 13,3 %, *из них* - 45,9 % мужчин и 54,1 % женщин.

патриотичность 10%, из них -54,7 % мужчин и 45,3 % женщин; **партийная принадлежность** 12,4 %, равное распределение по полу; мнение авторитетных для меня людей 7,2 %; равное распределение по полу; мнение большинства людей 4,6 %, равное распределение по полу; внешний вид 5,8 %, из них - 58,1 % мужчин и 41,9 % женщин; что-то другое 1,8 %; затруднились ответить или отказались отвечать - 20,7 % .

Примечательно некоторое падение популярности критерия партийной принадлежности идеального кандидата, хотя, учитывая практически однопартийность нынешней политической ситуации в Тамбове, доля голосования по факту партийной принадлежности вряд ли более 20-23 %. Возможна гипотеза - один член партии вербует не менее 6 сторонников. Во всяком случае, это может объяснить соотношение цифр: 2 % респондентов, являющихся членами партии; 12,4 % респондентов, считающих важным партийную принадлежность идеального кандидата.

Разумеется, такие данные откровенно фрагментарны. Они, однако, могут служить комментарием к той «нише ожиданий», к которой вынуждены приспособляться кандидаты в ходе предвыборных кампаний. Другое дело, что это приспособление происходит автоматически, оно лабильно, выражая как личностные ориентиры кандидата, так и необходимость выделиться, запомниться - одновременно не выходя за пределы «ниши». Эксперименты в этом поиске весьма экзотичны. Скажем, в 1931 году в Испании генерал Астрия построил кампанию на призывах к общей гибели, так что Э. Фромм считал эту дату временем открытия нового психического типа политика - некрофила.

В целом же тенденции по каждому структурному элементу политического имиджа («лепесткам ромашки имиджа») все более очевидны: пять - шесть сценариев копирования («человек власти», «национал – патриот», «борец с коррупцией», и т.д.); рекламирование по одному из семи магистральных направлений (биография, происхождение из «своих», опытность или молодость, «раскрутка» малых дел).

В этом еще один из парадоксов нынешних выборов - усложнение общественной жизни ведет к упрощению типов политических имиджей. Видимо, дело в том, что эти выборы становятся все более профессиональными и игровыми, бракующими все разнообразие имиджей искренних дилетантов. Свободные деньги, связи, умение быть выгодным оформившимся политическим силам, умение профессионально конструировать имидж и работать с управленческой «командой», необходимость иметь высокую энергетику, работоспособность, - все это слишком жесткие фильтры для надежд на появление «новой волны» качественно отличных политиков. Они «пропускают» только людей определенного типа, или пассионариев, пользуясь терминологией Л.Н. Гумилева.

Впрочем, еще со времен Ф.Бэкона известно, что простое описание эмпирических характеристик любого социального феномена практически бессмысленны, если исследователь ставит перед собой прогностические цели. Плавная смена качества выборов не может идти бесконечно; рано ли поздно эта плавность будет оборвана «точкой бифуркации» того, что в физике называют фазовым переходом. Поэтому, по мнению авторов, уже сейчас надо говорить о первых признаках такой грядущей бифуркации.

Думается, что выборы, как социальный институт вовсе не обречены на исчезновение, они просто все более уходят в сферу символической, виртуальной реальности. Видимо, выборы станут еще одним брендом, мифологемой, симулякром нашей политической реальности. Идея справедливости принимает в истории России самые разные формы. Одной из них и рискует стать миф, что выборы обеспечивают связь между вековой мечтой народа о справедливости и не менее давней логикой политического управления.

Подчеркнем, что анализ имиджей, тем более столь фрагментарный, как в этой статье, сам по себе не в силах еще описать глубокую диалектику изменения внутренней сути современных выборов в нашем обществе. В конечном счете, как кажется авторам, нынешние политические выборы есть лишь простое и

чрезвычайно неточное оформление колоссального числа актов жизненного выбора народа, находящегося на перепутье.

ⁱ Своеобразным символом такого положения вещей является благожелательное, в целом, отношение чиновников среднего и высшего для провинции уровней к тейповой организации общественной жизни в Чечне. Во всяком случае, при беседах на эти темы с чиновниками авторы 8 раз из 9-ти сталкивались с благожелательными оценками самой идеи тейповости. Остается напомнить известную мысль Г. Моски о том, что такая тейповость, понятая в широком смысле, довольно быстро ведет к «загниванию» элит, росту их консерватизма. Однако вновь формируемые кланы, видимо, еще не знакомы практически с таким печальным следствием их самообразования.